

Гавриил Попов

Размышления о Будущем

Издательский дом
«Экономическая газета»
Москва, 2016

УДК 339.97
ББК 65.01
П58

Попов Г.Х.

П58 Размышления о Будущем. Гавриил Попов. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2016. — 384 с.
ISBN 978-5-4319-0069-3

В 2016 году Г.Х. Попову — президенту Вольного экономического общества России, президенту Международного Союза экономистов, президенту, почетному академику Международной Академии менеджмента, академику РАЕН, доктору экономических наук, профессору — исполняется 80 лет!

В предлагаемом читателю сборнике представлены разнообразные авторские материалы: доклады и выступления Г.Х. Попова в Вольном экономическом обществе России, Международном Союзе экономистов и Международной Академии менеджмента, лекции в Международном университете в Москве, статьи в газете «Московский Комсомолец».

Материалы сборника распределены (с определенной условностью) по двум разделам. Первый — о Будущем России. Второй — о Будущем Человечества.

Известный ученый-экономист, выдающийся публицист, великий патриот России Г.Х. Попов в этой книге представляет анализ приоритетных проблем современной национальной и международной повестки, делится размышлениями об определении долгосрочной перспективы и долгосрочной стратегии развития России.

Автор видит свою цель в активной работе на Будущее и в поддержке в людях стремления мыслить и анализировать — опираясь на прошлое, критически оценивая настоящее, строить будущее и не бояться мечтать.

УДК 339.97
ББК 65.01

ISBN 978-5-4319-0069-3

© Гавриил Попов
© ЗАО ИД «Экономическая газета»
© Вольное экономическое общество России

Содержание

Предисловие	4
Часть I. О Будущем России	7
Великодержавность России XXI века	8
Ключевая задача России	50
О модернизации России в XXI веке	86
Антикризисные программы для России	121
Проблема элиты России	162
Фото разных лет	201
Часть II. О Будущем Человечества	217
Великая Альтернатива XXI века	218
О цивилизации XXI века	250
На пути к Будущему	278
Захвати Уолл-стрит	300
Китайский национализм и китайские реформы	331
Заключение	351
Книги разных лет	352

*Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
А.С. Пушкин. Песнь о вещем Олеге*

*Так хочется знать, что ждет впереди,
Так хочется счастья добиться.
Песня Анюты их фильма «Веселые ребята»*

Предисловие

Все последние годы я — как и всякий человек, доживший до восьмидесятилетнего возраста, — старался сосредоточиться на самых главных с моей точки зрения проблемах. Это естественно — сил уже намного меньше, чем в прошлом, и логично расходовать их на то, что представляется первоочередным.

А среди первоочередных проблем самое основное для России сегодня — определение долгосрочной перспективы и долгосрочной стратегии.

В предлагаемом читателю сборнике собраны разнообразные материалы: доклады и выступления в Вольном экономическом обществе России, Международном Союзе экономистов и Международной Академии менеджмента, лекции в Международном университете в Москве, статьи в газете «Московский Комсомолец».

Так как каждый материал готовился и представлялся как нечто отдельное, в них неизбежны повторы. Повторы и по смыслу, и, нередко, текстуальные. Но устранять их я не захотел, так как нарушилась бы цельность каж-

дого материала и, соответственно, снизился бы уровень его воздействия на читателя. Надеюсь, читатель извинит меня за повторы.

Хронологически представленные материалы относятся к 2010–2015 годам. Но расположены они в предлагаемом сборнике не хронологически, а в предложенной мною последовательности.

С точки зрения восприятия проблемы в целом — это логичный подход. Но он имеет два следствия. Во-первых, примеры, некогда актуальные, теперь уже не всегда звучат с прежней силой. Во-вторых, некоторые выводы, наиболее полно сформулированные к 2015 году, в материалах предшествующих лет представлены в менее точных формулировках.

Материалы сборника распределены (с определенной условностью) по двум разделам. Первый — о Будущем России. Второй — о Будущем Человечества.

Я хотел бы поблагодарить В.Н. Красильникова за организацию моих выступлений по линии ВЭО России, МСЭ и МАМ, С.Н. Красавченко — за организацию лекций в Международном университете, П.Н. Гусева — за публикации в «Московском Комсомольце».

Признателен Издательскому дому «Экономическая газета» и лично Ю.В. Якутину за долговременное плодотворное сотрудничество и за решение выступить в качестве издателя этого сборника.

Особая благодарность — Марине Владимировне Фалеевой — моей неизменной помощнице.

Гавриил Попов

Часть I.
О Будущем России

Великодержавность России XXI века

Материал доклада на Съезде

Вольного экономического общества России

31 октября 2015 года

31 октября 2015 года состоялся очередной Съезд Вольного экономического общества России. Очередной, но не ординарный. В этот день ВЭО исполнилось 250 лет со дня его основания Екатериной II, одоббившей инициативу группы влиятельных передовых вельмож империи.

Возглавляя ВЭО уже почти четверть века, я, как президент, одной из важных своих обязанностей считал соблюдение традиций этой первой и старейшей общественной организации России. Среди таких традиций — постоянное сочетание внимания по всему комплексу актуальных проблем страны с не менее постоянным вниманием

к долгосрочным стратегическим проблемам развития.

Это внимание логично. Страна такого масштаба, как Россия, не может успешно решать свои актуальные и острые проблемы, не имея долгосрочной перспективы. Не учитывая того, что великий русский экономист XX века Н.Д. Кондратьев называл «длинными волнами», а теория современной футурологии — «дорожной картой». Когда-то, в начале XX века, российские социал-демократы использовали предложенную Г.В. Плехановым формулу — «программа — максимум».

В истории Вольного экономического общества России есть два примера и исключительно успешного, и исключительно печального подхода к определению долгосрочной стратегии.

В самом начале своего существования, в 1766 году, ВЭО провело конкурс на тему о производительности крестьянского труда. И за четверть века до указа о вольных хлебопашцах, за полвека до восстания декабристов, почти за сто лет до начала реформ Александра II, ВЭО присудило премию докладу, в котором были доказаны преимущества свободного крестьянского труда. Даже Великая французская революция началась на 20 лет позже!

Что может быть более достаточным для научного общества, чем то, что оно сумело на сто лет определить главную задачу своей страны?

И вторая история. Начиная со дня своего воссоздания в 1982 году, Научно-экономическое общество СССР выдвигало очень важные идеи о путях совершенствования экономики. Но самого главного вывода — о необходимости замены тотально огосударственной экономики экономикой постиндустриального типа — мы в советские годы так и не сделали.

В результате к началу революции 1989–1991 годов мы не предложили стране на выбор модели реформ экономики. Свято место пусто не бывает. Умы лидеров новой России были девственно чисты в отношении экономических теорий. И пустоту без дискуссий заполнили модели монетаризма, шоковой терапии, глобализма и т. п.

Что может быть обиднее для научного сообщества, чем то, что оно могло предложить стране эффективный путь, но не сделало этого?

С учетом всех этих соображений я и посвятил свой доклад на Съезде ВЭО анализу долгосрочной стратегической перспективы России.

Во время съезда, на пресс-конференции, журналисты задали мне массу вопросов.

Достигли мы «дна» кризиса? Правильна ли политика ЦБ в отношении процентных ставок? Надо ли было отвечать на санкции Запада санкциями принятыми или другими? И т. д. и т. п.

На такие вопросы у меня был ответ — мнение не очень популярного сегодня В.И. Ленина: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя наткаться на эти общие вопросы и обрекать свою политику на шатания и беспринципность». Вот и я считаю, что заданные вами вопросы — частные. А главное сейчас — именно общие вопросы. И только в свете стратегии можно начать думать о частностях.

Исходным в стратегии я считаю проблему курса на великодержавность России.

1. Уроки истории

История России — это опыт следования двум долгосрочным курсам. Один — роль ведомого. Другой — роль самостоятельной державы, великодержавность.

Во времена Киевской Руси первое русское государство приняло ориентацию на ведущего — Византию. Эта роль ведомого дала Руси и религию, и культуру античности, но не спасла от разгрома монголами.

Потом и Западная Русь, и Восточная Русь продолжили линию ведомых. Западная — при Литве и Польше. Восточная — при Золотой Орде. Западная Русь оказалась перед перспективой окатоличивания. А Восточная — перед перспективой исламизации.

Но если Западная Русь то сопротивляясь, то подчиняясь — в основном осталась в роли ведомого, то в Московском княжестве сформировалась идея замены роли ведомого на самостоятельную роль. Появилась концепция: «Москва — Третий Рим». Идея своего пути. Идея великодержавности.

Именно под знаменем курса на великодержавность Московия смогла объединить русские земли. Но «сидение на двух стульях» — боярском и дворянском — не могло быть опорой великодержавности в XVII веке и в итоге — Смута.

Спасение России пришло благодаря тому, что великодержавность Московии сменилась великодержавностью романовской империи. Россия за три века стала одной из главных держав Европы.

Но империя, пытаясь «усидеть на двух стульях» — феодалном и капиталистическом, не сумела обеспечить к XX веку внутри страны эффективную базу великодержавности. И погибла в бурях трех русских революций.

Ленин и большевики смогли сохранить Россию, изменив модель великодержавности. Они избрали курс на Россию как сначала первую, а затем и главную страну будущего всей планеты — мирового социализма. Этот курс включал великодержавность в новом виде. При этом курсе Россия, ставшая СССР, превратилась во вторую державу планеты.

Но внутренняя противоречивость модели государственно-бюрократического социализма привела к тому, что цена советских успехов стала исключительной. Десятки миллионов человеческих жизней. Разрушение природы. Уничтожение фундамента нации — крестьянства. Иждивенчество. Отсутствие инициативы. И — как итог — недостаточные стимулы для научно-технического прогресса в эпоху научно-технической революции.

Поэтому СССР, как и старая Россия, не смог обеспечить великодержавность эффективной внутренней базой. И СССР в конце концов распался, просуществовав втрое меньше московской и вчетверо меньше романовской эпох.

Ельцин и сплотившаяся вокруг него часть бывшей советской бюрократии, растерявшись, избрали отказ не только от бюрократического социализма, но и от великодержавности. Избрали путь ведомого. Путь — говоря словами Александра Бека из его книги «Новое назначение» — «Тишляндии». Путь — говоря словами Молчалина из «Горе от ума» — «умеренности».

Этот курс правящих кругов России оказался курсом соглашательства. Курсом подчинения. И — как итог — компрадорства.

Символом этого курса стал министр иностранных дел Козырев, который на фотографии какого-то совещания в Европе сиял от счастья, получив место в третьем ряду.

А сегодня символом этого курса являются министры, бросающиеся каждое утро узнать цену нефти и курс доллара. Они отказываются что-то точное сказать о ситуации через шесть месяцев. Но зато браво рассуждают о том, что будет спустя два года.

Один из моих учителей, входивший в единственную за всю советскую историю группу ученых экономистов, удостоенных в СССР Государственной премии, Л.Я. Берри, рассказывал мне одесский анекдот: «Абрам, почему ты каждое утро бегаешь в ларек за газетой «Правда»? — «Должен же я с самого утра знать свое мнение». Наши министры недалеко ушли от метода этого одессита, заменив «Правду» на Интернет.

Но если говорить не о символах, то итоги следующие.

Да, Россия уменьшилась существенно — и по населению, и территориально. Десятки миллионов русских впервые в истории остались за границами Родины. Россию характеризует то, что в Израиле называют «диаспорой», а в Китае — «хуацяо».

Но было бы серьезной ошибкой, подобно иным пропагандистам, считать десятилетие Ельцина только периодом «Смуты», «лихими девяностыми».

Во-первых, удалось осуществить — пусть в худшем из возможных вариантов — номенклатурно-олигархическом — великий исторический перелом — выход из бюрократического социализма.

Во-вторых, переход к постиндустриализму удалось осуществить без крайностей и жестокостей российского бунта, без крови гражданской войны.

В-третьих, в ельцинское десятилетие удалось сохранить и продолжить принесенную перестройкой Горбачева свободу печати, собраний, демонстраций.

В-четвертых, впервые после периода между Февральской и Октябрьской революциями 1917 года в стране пыталась утвердиться демократия — с разделением властей, конкурирующими партиями, влиятельной оппозицией, во многом контролирующей парламент и являющейся властью во многих регионах.

В-пятых, удалось сохранить основную часть России в качестве большой страны с проживающей в ней основной частью русского народа.

В-шестых, Россия осталась ядерной державой.

В-седьмых, на месте советских заводов, совхозов, колхозов, банков, министерств появились пусть далеко не лучшие, но учреждения уже постиндустриального типа.

В-восьмых, получили свободу предпринимательство, малый и средний бизнес, пусть даже в варварском виде челночества.

Обобщенно говоря, удалось создать ряд важных элементов постиндустриального строя.

В то же время за ельцинское десятилетие никакого подлинного рынка и подлинной конкуренции как движущих сил экономики в России не появилось. Появился московский Черкизон.

Никакого подъема реальной экономики не произошло.

Масштабного роста благосостояния масс тоже не было.

Демократическая система оказалась обремененной контролем над средствами информации денежных мешков, попытками представительной и исполнительной властей вместо налаживания сложной системы взаимодействия утвердить свое полномасштабное всевластие в старом советском духе, отказались от обеспечения независимости третьей и четвертой властей.

А демократия представлена губернатором, считающим себя вправе управлять, если на выборы пришло менее 20 процентов избирателей и он получил большинство среди этих голосовавших, то есть имея всего 10 процентов голосов населения.

Все ельцинское десятилетие Россия держалась сначала на кредитах, а затем и на ренте от вывозимого природного сырья.

Компрадорская Россия не могла иметь будущего. Было ясно, что от нее начнут в поисках лучшей судьбы отделяться сначала национальные автономии, а затем и российские регионы. Пошли уже разговоры об Уральской республике, воспоминания о Дальневосточной. Возникла реальная угроза для самого сохранения России.

И в этот критический момент в личности Ельцина его народная, крестьянская, русская части взяли верх. Он мужественно решился на три меры. Первая — признать свою неспособность оставаться лидером и добровольно уйти самому в отставку. Вторая — выставить до этого из Кремля своих многолетних друзей. Третья — передать власть не гайдаровской, компрадорской, а наиболее про-российски настроенной части своего окружения.

В.В. Путин, став президентом, проявил государственную мудрость, повернул руль России к ее многовековой великодержавности. Его курс: Россия и в XXI веке должна остаться одной из великих держав.

Этот курс продиктован не только внутренними причинами, но и сложившейся в мире начала XXI века ситуацией. США не справились с ролью лидера глобализующейся и интегрирующей цивилизации всей планеты. А Германия не смогла предложить Европе приемлемую и реальную модель европейской интеграции. И страны третьего мира, и часть бывших социалистических стран обратили внимание на собственные интересы при глобализации и интеграции. В итоге в мире поднялась волна национализма в большинстве стран и великодержавности в группе главных стран мира. США выдвинули на первое место интересы своей страны.

В такой ситуации курс В.В. Путина на возвращение к российской великодержавности более чем логичен.

Однако надо видеть реальность. А она в том, что борьба двух генеральных курсов продолжается в России до сих пор. В основе борьбы — две проблемы. Первая —

сопротивление курсу на великодержавность. Вторая — «наследственная» слабость прошлой российской модели великодержавности.

2. Проблемы современной великодержавности

Сначала о **сопротивлении** великодержавности. Кто против великодержавности России?

Мне понятны те круги Запада, которые против России в семье великих держав.

Мне понятны возражения и тех людей в России, которые нажились на приватизации и экспорте сырья, перенесли на Запад родовые гнезда, создали там «запасные аэродромы».

Мне понятны и те в Кремле, Белом доме и всем аппарате, кто занял свои посты во времена соглашательского курса и которые опасаются при новом курсе потерять должности, а то и отвечать за прошлые годы.

Мне понятна позиция и иных деятелей интеллигенции, которых компрадорская Россия поставила в ситуацию, когда их единственным реальным источником выживания является заработок за границей.

Ни с кем из этих противников великодержавности я не считаю нужным полемизировать. Здесь все ясно.

Но есть те, кого я уважаю и поэтому доводы которых я обязан рассматривать.

Одним из таких неуклонных противников великодержавности был мой недавно умерший друг, коллега по председательству в Межрегиональной депутатской груп-

пе Первого съезда народных депутатов СССР, подлинный русский интеллигент — Юрий Николаевич Афанасьев.

Первый довод честных оппонентов великодержавности. Россия три раза избирала курс на великодержавность. Очень дорогой ценой, с огромными жертвами, но добились успехов. Однако в конечном счете все заканчивалось катастрофами. Смутное время, революции начала XX века, распад СССР в конце XX века. Поэтому пора сделать вывод: великодержавность — не наш путь в будущее.

Да, отвечаю я, все три модели великодержавности закончились катастрофами. Но является фактом и другое. Без великодержавности Россию тоже ждет катастрофа. Она не сохранится. Возможно, будет несколько русскоговорящих стран, но России уже не будет. Не будет всего того, что я с ней связываю — начиная с ее великой литературы и культуры в целом.

Так что вопрос в позиции. Если мне нужна Россия, то я не могу не думать о ее великодержавности. Другая Россия мне не нужна. Погибший в боях под Москвой поэт Павел Коган, автор знаменитой «Бригантины», хорошо написал в одном из своих стихотворений: «...И пусть я покажусь им узким / И их всесветность оскорблю, / Я — патриот. Я воздух русский, / Я землю русскую люблю...»

Второй довод честных оппонентов. Запад — идеал свободы вообще и особенно свободы личности. А курс на великодержавность отдалит нас от этого идеала.

Мой ответ. Запад — уже давно не внедискуссионный идеал. Великий русский мыслитель XX века — Николай Бердяев — писал в статье «Анархизм — явление русско-

го духа»: «...на Западе гуманизм себя исчерпал, пришел к кризису... Повторить с запозданием западный гуманизм Россия не может». А другой выдающийся русский идеолог XX века Иван Ильин в работе «О русской идее» писал, что «нет единой, обязательной «западной культуры», перед которой все остальные «темнота» или «варварство». И далее — «хороши мы... или плохи, мы призваны идти своим путем... творить, а не заимствовать».

Эти выводы актуальны и сегодня. Что это за идеал, который сотрясают регулярные кризисы? Что это за идеал, если в ряде стран Европейского сообщества безработица среди молодежи — 40 процентов? Что это за идеал, если Запад оказался бессилён перед проблемами третьего мира? Что это за идеал, в котором происходит массовая деинтеллектуализация, а то и дебилизация, «планктонизация» основной и растущей части населения?

Но еще важнее то, что именно на самом Западе поднимается волна антизападной активности. Антиглобалисты. Противники Уолл-стрит. Противники общества потребления. Зеленые. Сторонники установления пределов роста и для населения, и для экономики. На Западе занимается заря новой антизападной цивилизации.

И вывод логичен: мы — европейцы. Но сегодняшний Запад для нас не абсолютный идеал. Мы должны думать о своем пути.

Третий довод честных либералов. В заботах о великодержавности часто страдает, а то и вовсе исчезает личность. Ксения Собчак в одном интервью все четко

сформулировала: «Я хочу иметь право на свое маленькое буржуазное счастье».

Ксения Анатольевна, с одной стороны, логична. Я далек от призывов — «жила бы страна родная, и нету других забот». Право на личное счастье имеет каждый живущий. Он ведь живет во Вселенной один раз.

Но я хочу не просто благополучно жить, но и жить именно в России. И нигде больше. А никакое мое личное счастье в XXI веке здесь невозможно, если Россия не будет великой. Если сторонник личного счастья этого не принимает — ему надо уехать из России. Надо выбрать другой климат.

Четвертый довод честных оппонентов. Вместе с великодержавностью возвратятся все ее родовые болезни. Шовинизм. Квасной патриотизм. Восторги перед примитивизмом. Консерватизм, включая защиту отсталости. Опасность оправдания всех ошибок и даже мерзостей прошлого. И перспектива, что под флагом великодержавности в элиту ворвутся карьеристы-средняки, а то и негодяи. Но самая главная опасность великодержавности — опасность тоталитаризма и авторитаризма.

Я честно отвечаю: да, все эти (и не только эти) опасности поворота к великодержавности — реальные. От них нельзя уйти. Их нельзя не замечать. С ними надо бороться: везде, постоянно, масштабно, публично.

Теперь о второй проблеме — о **содержании** самого курса на великодержавность.

В основе катастроф великодержавности прошлого было одно и то же, повторяющееся. Внешнеполитическая

великодержавность не была обеспечена главным — внутренним фундаментом.

Если сейчас, возрождая курс на великодержавность, не учесть этого, то все может повториться.

Поэтому центральной проблемой является не только борьба с оппонентами великодержавности, но и с попытками примитивного повторения прошлого. Поэтому самое главное сейчас — **решительные усилия по формированию новой модели великодержавности России для XXI века.**

У России есть пример. Лидер Китая Си Цзиньпин тоже говорит о «великом возрождении китайской нации». Но Китай главным считает создание внутреннего фундамента этого величия. Успехи Китая, избравшего путь «китайской специфики», убедительны, несмотря на очевидные проблемы.

В чем должна состоять **новизна** модели великодержавности? На мой взгляд, есть три главных узла. Во-первых, новая линия в отношении главных опор великодержавности. Во-вторых, новая модель экономики. В-третьих, новая модель социального, политического, административного механизмов России.

3. Десять опор великодержавности России

Великодержавность России опиралась в течение ее многовековой истории на многие факторы. Ее размер и ее природные богатства. Величина населения. Культура русского и других народов страны. Уровень элиты и лидеров. Но особую роль играла военная сила. Как говорил

император Александр III, у России всего два надежных союзника: ее армия и ее флот.

Но для XXI века этого недостаточно. Для нашей эпохи я бы обозначил десять опор, традиционных и новых.

Первое. Мы опираемся на наши вооруженные силы. На ракетно-ядерный потенциал.

Второе. Мы опираемся на экспорт углеводородного и другого сырья.

Третье. Мы опираемся на воссоздаваемую в последнее десятилетие российскую продовольственную независимость.

Четвертое. Российский лес. Необходимо сделать мощным резервом нашего будущего освоение ежегодного естественного прироста древесины. Это десятки миллионов тонн ценного возобновляемого сырья. Нашими лесами должны заниматься не пожарники из МЧС.

Пятое. Российская Арктика и ее богатства. Надо создать общегосударственный центр по проблемам освоения Арктики.

Шестое. Одноэтажная Россия. Веками наш народ жил на земле, держался за землю, сформировался на земле, защищал ее кровью. Советская коммунистическая система обезземелила народ, уничтожила его «корни». Надо вернуть основную часть граждан на землю, дав каждой семье «гнездо» — дом и надел. Дать, говоря словами известной песни, «скамя у ворот». Чтобы дети растили и овощи, и домашний скот, и птицу. Чтобы пенсионеры не томились возле телевизоров, имея заботы на участке. А взрослым Интернет позволяет работать и вдали от уч-

реждения, оставаясь дома. Россия должна в основном стать одноэтажной.

Под это надо передать миллионы гектаров самых лучших земель. Прежде всего в Центральной России (осушив, возможно, часть водохранилищ, особенно волжских). И решить исключительно важную для будущего России проблему возвращения основной части народа на землю, проблему «укоренения» народа.

Седьмое. Генофонд России. Надо радикально улучшить генофонд России. Надо гарантировать появление полностью здорового нового поколения. Мобилизовать все научные силы, чтобы знать все о здоровье будущего ребенка до рождения. И иметь страну, в которой при здоровой нации почти не будет кандидатов для Паралимпийских игр.

Восьмое. Пресная вода России. Надо сохранить Байкал как главный резерв пресной воды и для России, и для экспорта.

Девятое. Комплекс мер по резкому увеличению доли электроэнергии от ветра и солнца. Получение энергии от внутриземного тепла, от приливов.

И наконец, **десятое.** Надо развивать идеологию и культуру новой великодержавности.

Но все эти десять опор для новой великодержавности России XXI века, как говорят в математике, условия **необходимые, но недостаточные.**

4. Главная опора великодержавности

Что может стать **главной** опорой великодержавности России в XXI веке? **Только то, что сделает ее незаменимой для человечества в этом веке.**

В XXI веке будущее человечества связано с научно-техническим прогрессом. Поэтому именно **в этой области** надо искать главную опору великодержавности России.

Научно-технический прогресс — это комплекс теоретической науки, прикладной науки, опытно-конструкторских разработок, экспериментальных производств.

В каждом из звеньев этого комплекса у нас есть примеры очевидных успехов. Но все же надо выделить сферу, **где мы сможем быть первыми** устойчиво, постоянно и — что существенно — без значительных затрат.

Такая сфера есть — это теоретическая наука. История показала, что только в Западной Европе и России формировалась и развивалась теоретическая наука.

И главным направлением должно стать закрепление за Россией роли **одного из мировых центров теоретической науки.**

Это та область, где мы можем выдержать любую конкуренцию.

Это та область, где мы с самого начала имеем уже сейчас фору.

Это та область, где нас нельзя заменить.

Поэтому это то, что станет главной опорой великодержавности России в XXI веке.

К сожалению, сейчас нам многого недостает.

Никакое развитие комплекса теоретических наук невозможно, если в обществе не будет могучей культуры, ориентированной на развитие интеллекта, и не будет ориентированного на интеллект образования.

Реорганизация Академии наук не выдвинула на первое место теоретическую науку.

И что может быть показательнее, чем позорная история с великим математиком современности Григорием Перельманом, для которого в нынешней России не нашлось места. Между тем в XVIII веке великий математик Западной Европы Лейбниц работал для России, удовлетворенный и условиями, и отношением к себе.

Об отношении нынешней России к науке наглядно говорит и состоявшаяся на телевидении дискуссия о том, чье имя должно представлять Россию.

В заключительном списке претендентов не было имен наших всемирно признанных нобелевских лауреатов Ивана Павлова, Петра Капицы, Льва Ландау. Не было даже Юрия Гагарина, имя которого символизирует самое великое событие XX века.

При таком игнорировании науки, при навязываемой ежедневно на всех главных телеканалах масс-культуре, при засилье на телевидении в качестве ведущих люмпен-интеллигентов, набивших руки в передачах о семейных дразгах или о кухонной стряпне, формирующих из народных масс разного рода «планктоны» — офисный планктон, телевизионный планктон, интернет-планктон, планктон спортивных болельщиков, — превращение

России в один из центров мировой теоретической науки будет задачей сверхтяжелой.

Вместо России с таким отношением к науке должна появиться страна, где главный слой общества — интеллигенция, а в ней главная часть — ученые. Где ребенок с задатками ученого выделяется уже в детском саду. Где сфера теоретических наук — самая престижная в обществе. Где есть все то, чего не получил в России сегодня Григорий Перельман. Где оплата и условия труда и жизни ученого вдвое, втрое лучше, чем где бы то ни было на планете. Где каждый оказавшийся в руках государства свободный рубль идет на теоретическую науку. Где губернаторы будут прежде всего отвечать за достижения региона в области теоретической науки. Где банки будут прежде всего искать объекты для инвестиций среди студентов, аспирантов, ученых, лабораторий, институтов — из-за самых высоких процентов, гарантированных государством.

Великодержавность России XXI века — это великодержавность интеллекта. Великодержавность интеллигенции. Такой великодержавности Россия не знала. Такая великодержавность нужна ей в XXI веке.

5. Экономика новой великодержавности

После отставки Ельцина прошло пятнадцать лет. Срок немалый. Немало и достигнуто. Символом успехов стали восстановление мира в Чечне, возрождение современного военно-промышленного комплекса, модернизация вооруженных сил, мирное воссоединение Крыма с Россией.

Но является фактом, что **мы не имеем экономики, нужной стране, претендующей в XXI веке на великодержавность.**

Главная, глубинная основа всех проблем экономики страны — в **двойственности** ее нынешней системы.

Одна часть — это реформированная (плохо, чаще очень плохо, но все же реформированная), постиндустриальная.

Но не менее 60 процентов народного хозяйства — все то, что называется непроеизводственной сферой — здравоохранение, образование, наука, культура, спорт — в основном остается старым, советским.

Со всеми болезнями социализма — бесплатность, отсутствие конкуренции, отсутствие заинтересованности, господство бюрократии, иждивенчеством и интеллигенции, и народных масс, нехваткой средств и неэффективным использованием тех, которые имеются.

В чем-то Россия сегодня напоминает мне Россию восьмидесятых годов XIX века. Тогда завершилось двадцатилетие первого комплекса Великих реформ 1861 года. Но Александр II был убит, новые реформы не начались. Россия осталась «сидеть на двух стульях»: феодальном и капиталистическом. И все закончилось революциями.

Сидеть на двух стульях невозможно. Это известно по опыту НЭПа. Это известно и по попыткам в общем-то перспективных реформ Хрущева, Брежнева, Косыгина.

Для преодоления «сидения на двух стульях» необходимы **реформы в производственной сфере.**

Надо разукрупнить все гиганты и убрать главную основу монополизма.

Надо добиться, чтобы малый и средний бизнес стал преобладающим.

Надо изменить структуру производственной базы страны.

Надо провести радикальную модернизацию технической базы.

Но самая необходимая, самая актуальная, самая неотложная задача России сегодня — **реформировать непроизводственную сферу, осуществив второй комплекс реформ.**

В этой сфере надо сделать все то, что нужно для выхода из бюрократического социализма. То, что сделано в производстве и обращении. Осуществить разгосударствление. Перейти от тотального огосударствления к обязательным в постиндустриализме трем блокам: независимое частное, независимое коллективное, государственная часть.

Надо сделать так, чтобы деньги, которые общество выделяет для учителей или врачей, шли сначала гражданам. И затем — от них — учителям и врачам, минуя чиновников. И главными станут решения самих граждан. Для этого надо все деньги, выделяемые государством, скажем, на образование, раздавать гражданам в виде чеков на образование.

В непроизводственную сферу должны войти конкуренция, борьба и за эти чеки, и за дополнительные деньги потребителя. Тогда в ней начнется рост эффективности.

Лучшей будет школа, которую выберут родители. А не та, директор которой любезен губернатору или учителя которой преподают одобренную губернатором историю и исправно ходят на митинги по командам этого же губернатора.

То же самое со здравоохранением. И с вузами. И с культурой.

На каждом шагу нас пугают: «Вы хотите бесплатное сделать платным!» Нет ничего бесплатного. Все эти системы живут за наши деньги. Но эти деньги отбирают у нас чиновники. Затем они ими распоряжаются. И по одной и той же схеме. По своему «разумению» и в свете своих интересов.

На каждом шагу нам лгут. Бесплатность якобы нужна для народных масс. Она — основа справедливости.

Но более чем очевидно, что «котел» бесплатности тает и будет таять. Особенно в свете роста расходов на науку и оборону.

Далее, бесплатность — это вовсе не справедливость. Это бесплатная больничная койка для обычного гражданина и бесплатная палата для бюрократа.

Бесплатность — опора власти бюрократии, распоряжающейся якобы бесплатным. И никогда не будет свободного голосования людей, получающих зарплату из бюджетного котла. Не случайно десятки лет во многих демократических странах получатели государственных зарплат вообще не имели права участвовать в голосованиях, что я сам наблюдал во время выборов в США президентом Д. Картера.

Демократа, не понимающего, что без разгосударствления непроизводственной сферы невозможна независимость основной части интеллигенции и, соответственно, невозможна подлинная демократия, нельзя назвать демократом.

И еще очень, очень важное. Разгосударствление непроизводственной сферы позволит освободить государство от подсчета числа мест в детских садах, от заботы о качестве простыней в больницах. Освободившись, государство бросит все силы на решение главных задач России. Уйдет оттуда, где без него можно обойтись, и сосредоточится там, где без государства успех невозможен.

К реформе непроизводственной сферы надо приступать немедленно. **Новая великодержавность России XXI века — это великодержавность новой, полностью постиндустриальной экономики — и в сфере производства и обращения, и в непроизводственной сфере.**

6. Механизм новой великодержавности

Новая великодержавность требует полного обновления не только ее опор, не только новой экономики, но и нового механизма всего общества.

Механизм великодержавности — это ее социальная структура, ее политическая структура, ее административная структура.

Попытаюсь обозначить главные компоненты нового механизма великодержавности (объединив, для наглядности, тоже в десять блоков).

Первое. Изменение роли интеллигенции в российском обществе. Если мы действительно хотим создать новую великодержавность на основе концепции «Россия — один из главных мировых центров теоретической науки и научно-технического прогресса», то мы неизбежно должны прийти к выводу о необходимости превращения интеллигенции в главный, ведущий слой общества. К выводу о необходимости «дебюрократизации» или, используя советский штамп, «раскулачивания» бюрократии.

Творчество — это всегда поиск нового, это всегда «выход из строя». Это всегда нарушение равенства. Все виды творчества — и научное в том числе — это разнообразие, это неравенство. Это не газон из одной травы, а пестрый цветник, в котором, говоря словами известного китайского лозунга, должны «расцвести сто цветов».

Поэтому вместо общества, в котором главным был знаменитый принцип «равенства», должно утвердиться общество с узаконенным разнообразием, с узаконенным неравенством. И самое исходное — это выделение людей интеллектуального труда, интеллигенции.

А в качестве первого шага к усилению роли интеллигенции можно было бы восстановить «принцип Горбачева». Горбачев никогда бы не получил — даже при свободных альтернативных выборах — четко ориентированную на радикальные реформы весомую часть депутатов Первого съезда народных депутатов, если бы не выделил интеллигенции треть депутатских мест. И сейчас необходимо не менее 1/3 мест и в Думе, и в Совете Федерации,

и во всех региональных и местных органах закрепить за интеллигенцией.

Второе. Россия должна от принципа **национально-территориальной** автономии перейти к принципу **культурно-национальной** автономии.

Миграция национальных кадров по стране огромная. Нации рассеиваются. Все, считающие себя частью какой-то нации, образуют по всей стране свои национальные союзы: местные, региональные, общероссийские, члены которых платят специальный налог своему союзу.

По всей России, в любой школе, один день в неделю должен быть отдан национальным сообществам для изучения своего языка, культуры, истории. При сообществах будут театры, музеи, клубы.

По всей вертикали органов представительной власти в них создаются Палаты национальностей, членами которых будут представители национальных союзов.

И в любой части России любой гражданин сможет полностью решать свои национальные проблемы. Только при национально-культурной автономии великодержавность России сможет быть прочной, так как будет опираться на национальный мир внутри общества.

Третье. Необходим комплекс мер по обеспечению **социальной справедливости** и в итоге **стабильности** в обществе. Российский менталитет пропитан идеями справедливости. И мы должны быть примером для всего человечества. Как минимум нужны четыре группы мер.

Первое. Установление предельных размеров собственности члена общества.

Второе. Установление предельного размера потребляемой на личные нужды части своего годового дохода.

Третье. Установление предельного объема наследства: и в целом, и для каждого наследника. Не могу не напомнить о замечательном почине Владимира Олеговича Потанина. Такие почины надо защищать законами, отмечать наградами, постоянно освещать на телевидении.

И последнее. Предоставление создателю дохода права частично распоряжаться, а частично участвовать в решениях об инвестициях той части его дохода или его собственности, которая у него отчуждается. Например, через создание фонда его имени.

Четвертое. Для решения долгосрочных проблем необходимо введение — по Конституции — **Главной плановой комиссии России**. Чтобы у долгосрочных проблем будущего появился куратор.

Главплан должен учесть великий опыт первых в мире центров долгосрочного планирования — советского Комитета ГОЭРЛО и советского Госплана.

Должна быть разработана процедура формирования такого органа не при правительстве, и не при представительных органах, а как независимой структуры. Например, в Главплан России должны автоматически вводиться бывшие первые лица страны: президент, премьер, руководители палат, а также занимавшие свои посты не менее десятка лет губернаторы и министры. В Главплан должны делегировать своих представителей Академия наук, творческие союзы, объединения интеллигенции. И наконец, Главплан должен сам избирать половину своих членов.

Члены Главплана — несменяемые. Это будет мозговой центр страны, не участвующий в текущей политике.

Пятое. Госсектор в экономике надо дистанцировать от политических компаний. Руководители государственных и муниципальных хозяйственных организаций — от Газпрома до городского катка — должны быть **независимы от исполнительной власти.**

Шестое. Надо преодолеть монополизм в правящем классе. Необходимо от нынешней системы «партия власти — оппозиция» перейти к системе **двух конкурирующих партий власти.** Таков мировой опыт.

Седьмое. Необходимо создать полномочное **первичное звено,** фундамент государства. Это тоже мировой опыт. А.И. Солженицын предлагал восстановить земства. Я думаю, нужны земства и общины как реальные оппоненты бюрократии.

Восьмое. Необходимо обеспечить **независимость судов,** используя идеи одного из лучших законов о российском суде, разработанного в 1917 году правительством Керенского. В этом законе судей первого уровня — мировых — избирает население. А судей всех других уровней избирают сами судьи на своих съездах. И у судов свой бюджет из денег «судебного налога».

Девятое. Необходимо обеспечить полную независимость и средств массовой информации. **Четвертую власть тоже должен напрямую и формировать, и содержать народ.** Напрямую журналистов должны избирать граждане. А вот все свои организации — от журналов и

газет до телевидения — журналисты должны формировать сами.

Десятое. Необходима такая **система госслужбы**, в которой 90 процентов администраторов и их карьера не зависят от исхода выборов. Но находиться служащий на одном посту может не более десяти лет.

Главное — надо признать, что нынешние механизмы не готовы к задаче существования России в XXI веке в качестве великой державы и нуждаются в реформировании.

Новая великодержавность России — это **великодержавность демократии нового типа**.

7. Не наступать на грабли прошлого

Насколько мы готовы к новой великодержавности?

Народ, судя по грандиозной стихийной демонстрации с портретами участников войны или же набирающему силу массовому празднованию Дня народного единства — этап сосредоточенности прошел и входит в стадию активности.

Интеллигенция и средний класс тоже хотят перемен. На митинг на Болотную площадь в Москве бросились десятки тысяч. Но быстро поняли, что это не то, чего они ждут. Ни о какой программе радикальных реформ не было и речи. Только призывы к честным выборам и очищению. И намеки на то, что «мы готовы возглавить страну».

Но, говоря словами Высоцкого: «зрители устали от укротителей». Они хотят строителей. Но сами по себе ни большинство интеллигенции, ни большинство среднего класса к формированию долгосрочных стратегий в прин-

ципе не пригодны. Стратегия создается элитой нации и оформляется высшим руководством.

Но элита нации еще не дошла до стадии, которую Игорь Губерман образно описал так: «Всюду, где собрались два еврея, — спор о судьбах русского народа».

Процесс внутреннего «созревания», как мне кажется, уже завершается. Дискуссии, споры вот-вот начнутся. Везде — от традиционных кухонь и дач до кафе, курилок и Интернета. Элита не просто беременна новой дискуссией. Она уже **знает**, что беременна. Знает, что **должна** родить.

Намного сложнее дело с руководством. В нем сторонники новой великодержавности пока что в очевидном меньшинстве. И нерешительны.

Поэтому главная проблема сейчас — субъективная готовность руководства страны.

Великодержавность России раскрывала свой потенциал, когда в стране были авторитетные национальные лидеры — Иван III, Петр I, Екатерина II, первые советские вожди.

Сейчас у нас такой лидер есть — президент В.В. Путин. В недавнем интервью для телевидения США Владимир Владимирович изложил, на мой взгляд, содержательную концепцию модели лидера нового типа.

В главном — в осознании необходимости идти путем великодержавности — руководство страны уже заняло правильную позицию.

Но — только в части внешнеполитической. А вот в отношении формирования концепции новой великодерж-

жавности и, тем более, реализации мер по созданию для внешнеполитической великодержавности внутренней опоры — все далеко не однозначно.

Между тем опыт трех великих катастроф российской великодержавности — и московской, и императорской, и советской — показывает, что именно **отсутствие под внешнеполитической великодержавностью должной внутренней базы было главной причиной этих катастроф.**

В свете этого опыта наиболее опасное сегодня: продолжение «сидения на двух стульях», консервация существующего, уклонение от глубоких реформ по формированию новой великодержавности XXI века.

Приведу четыре примера.

Все знают, что мировая цена на нефть за три последних года снизилась чуть ли не вдвое.

В нормальной рыночной экономике должна снизиться и цена на бензин. А у нас? Снизилась ли вдвое или хотя бы на треть цена на бензин? Нет. Почему? Да потому, что гайдаровцы из правительства следуют своей теории только в речах на гайдаровских форумах. А на практике они по-советски, по-большевистски, своей волей решили возместить потери от экспорта за счет потребителей бензина в России.

Это и есть российская модель «сидения на двух стульях».

Второй пример. Центральный банк чуть ли не еженедельно объявляет об отзывах лицензий и банкротит им же лицензированные частные банки.

В нормальной рыночной экономике банки тоже банкротятся. Но банкротят их конкуренция и рынок. А у нас это делает ЦБ: по-советски, по-большевистски, своей волей. И все идет закрыто. И решают те, кто и выдавал частному банку лицензию, и контролировал его. В итоге страдают только граждане — вкладчики.

Когда в ЦБ пришла Э. Набиуллина, рыночница и либерал, я думал, что советские методы уйдут. А если было что-то незаконное — на это существует в правовом демократическом государстве Следственный комитет, Прокуратура, Суд. Но и при рыночнице и либерале все по-прежнему решается без конкуренции, без публичного судебного разбирательства. Вероятно, гайдаровцы из ЦБ опасаются, что некомпетентные в финансово-банковских делах следователи, прокуроры и судьи могут начать интересоваться тем, не «погрелся» ли кто-то в самом ЦБ и при выдаче частному банку лицензии, и при систематических его проверках, и, наконец, в ходе лишения его лицензии.

В газете РБК я прочитал, что чуть ли не четверть частных банков России отчитываются перед ЦБ в **ежедневном** режиме и, соответственно, **ежедневно** контролируются им. Не подлежит сомнению, что ЦБ стремится перейти к такому контролю над всеми банками.

Как все это мне знакомо! Двадцать пять лет назад, когда вместо совнархозов воссоздали министерства, один из лучших советских «маршалов промышленности» министр Константин Руднев каждое утро требовал сводку о положении дел на всех предприятиях своей отрасли. Но в целом при советском командовании о ежедневном кон-

троле в основном только мечтали. Ту систему называли командной, административной, директивной, централизованной. А сейчас это, оказывается, надо считать либеральным и рыночным.

Но я бы назвал нынешнюю систему ЦБ **полицейским либерализмом**. Либеральной на словах, полицейской на деле.

И если при таком ежедневном надзоре в одном из ведущих частных банков ЦБ обнаружил «дыру» в 40 миллиардов рублей, если в каждом из почти сотни ликвидированных ЦБ частных банков везде выявлены «дыры», то единственным логичным может быть вывод: командная система должна быть заменена. ЦБ должен быть упразднен. И заменен чем-то цивилизованным, хотя бы в духе Федеральной резервной системы США, активно и эффективно участвующей в развитии экономики своей страны.

ЦБ — не исключение. Либерально-полицейски руководит вузами Министерство образования и науки. Школами и детсадами — местные органы. А сейчас начали внедрять либерально-полицейскую модель и в академической науке.

Ожидать при таком подходе нужных для великодержавности XXI века творчества и инициативы — утопия.

Третий пример. Связь с Крымом через Керченский пролив. Не подлежит сомнению, что, только наладив постоянную связь с Крымом, можно решить его проблемы и избежать роста недовольства у жителей Крыма.

Решили выделить деньги. Большие.

Конечно, все знали об огромном опыте московских метростроителей. Все знали об успехе тоннеля под Ла-Маншем. Все знали и о том, что японцы блестяще построили железнодорожный тоннель через Босфор, соединив Азию и Европу.

Но... Ведь деньги-то огромные. И пошли по пути грибоедовского Фамусова — «Ну как не порадовать родному человечку?». И в итоге выбран мост, все еще не достроенный. И, что возможно, более уязвимый, чем линия электропередачи из Украины в Крым. И предмет будущих вожделений всех террористов-смертников или беспилотников с взрывчаткой. Конечно, надо было возместить затраты патриотам-предпринимателям, взявшимся построить порт на Тамани — альтернативу тогда украинскому Крыму. Но зачем страдать Крыму, явно более нуждающемуся именно в тоннеле? Мост нужен, но как дублер тоннеля для мирных и спокойных времен.

И опять причина — в нашей нынешней системе «двух стульев».

Четвертый пример. Попытка начать модернизацию. Конечно, модернизация — это еще не курс на «один из мировых центров теоретической науки», но это уже усилия на правильном поле и в правильном направлении.

Почему не удалась обещанная модернизация? Причин две.

Первая. Кризис 2008 года. Когда разразился мировой кризис 1929 года, в СССР был диктаторский режим Сталина. Что делал Сталин в годы Великого кризиса и Великой депрессии?

Деморализованные кризисом страны Запада забыли о блокаде СССР. Они были готовы продавать современную технику, целые заводы. По самым низким ценам кризисных лет. При самых льготных кредитах.

Сталин понимал, что это для него великий исторический шанс провести индустриализацию.

Сталин мобилизовал для закупок за рубежом все резервы валюты. Даже картины Эрмитажа Микоян повез на европейские аукционы.

Сталин решил форсированно провести коллективизацию. Отобрать собственность у крестьян. Вывезти весь хлеб и продать его за золото по демпинговым ценам. А села, деревни, станицы, аулы обречь на голодомор.

За границей закупали все по единому плану первой и второй пятилеток, опиравшемуся на качественные разработки на долгосрочную перспективу дореволюционных русских монополий.

Взвинченные ожиданием обещанного близкого рая, трудились с невиданным энтузиазмом рабочие. Работала техническая интеллигенция, воодушевленная перспективой великого строительства, открывавшего путь всем тем ее разработкам, которые десятилетиями — по словам Маяковского — «на станциях лбов задерживал нищенства тормоз». Под давлением голода крестьяне из колхозов бросались работать на сталинских стройках за мизерную зарплату. А миллионы заключенных вообще работали без оплаты. Помогал Запад. Даже антикоммунист Форд строил в Горьком автозавод. Страшной ценой, но СССР

вышел на второе место в мире по объемам промышленного производства.

А что сделало руководство России после начала кризиса 2008 года? Ведь деньги были, и немалые.

Закупало нанотехнологии? Заводы по производству чипов? Заменяло отсталую технику в учреждениях науки, образования и культуры?

Ничего подобного. И не потому, что ему мешали. Оно само главной своей целью сделало спасение денег. Как сказочный рыцарь Пушкина — в виде денежных накоплений. Что-то подобное начал делать в США Буш, но республиканскую партию народ провалил на выборах. И в остром на язык конгрессе США усилия Буша назвали «спасением жирных котов». У нас же назвали научно: «спасение банковского сектора». Банки в России спасли. Но шансы начать модернизацию упустили. Думаю, будущая Россия и ее народы по достоинству оценят исторический просчет тех, кто интересы владельцев денег поставил выше интересов страны.

Но самой важной причиной превращения курса на модернизацию в словесные упражнения стала **кадровая политика**.

И понимая, и видя, что сформированные популистской демократией Ельцина кадры модернизацию «не потянут», руководство решило перейти к принципу тотального назначенства. По своему усмотрению. По своей воле. По ему одному известным критериям «доверия». По той модели Н.С. Хрущева, которую снимавший его Пленум ЦК КПСС назвал «субъективизмом и волюнтаризмом».

Избираемых в регионах губернаторов заменили назначенцы Кремля и Белого дома. Они — за редкими исключениями — блистательно продемонстрировали свою неспособность руководить. Не только модернизацией, но и вообще чем-либо.

Чтобы не отвечать за своих назначенцев и их «подвиги», руководству пришлось срочно возвращаться к выборам.

Выборы опасный вопрос «кто виноват?» сняли, но генеральная проблема — проблема кадров для модернизации — осталась нерешенной. Восстановили популистские выборы, организуемые и управляемые бюрократией. А они воспроизводят только сложившуюся систему.

Сейчас, когда генеральной проблемой стало дополнение великодержавности внешнеполитического курса курсом на создание для него несокрушимого фундамента великодержавности внутри страны, **проблема кадров становится главной.**

8. О капитанах и штурманах

Нельзя упрощать проблему. Нельзя не видеть ее исключительной сложности. Сложившаяся кадровая система устойчива. Более того, она себя воспроизводит. Она овладела и механизмом популистских голосований, и процедурой волевых назначений. И без ее устранения, без отказа от нее никаких реформ по созданию великодержавности России XXI века не начать.

Надо найти смелость и всем искренним сторонникам великодержавности сделать три вывода.

Первый. В XXI веке спасти Россию может только **новая модель** великодержавности.

Второй. И механизмы рынка (даже социально ориентированного), и самые честные голосования масс (как бы ни были они обязательны и нужны) сами по себе новую великодержавность **не создадут**. Необходимы **сверхактивность элиты** страны и, прежде всего, **усилия руководства**.

Третий. Ключевое звено в усилиях руководства — **новые кадры**.

История нашей страны в XX веке дала нам четыре кадровые модели «крутого» выхода из опасного цепляния за «сидение на двух стульях».

Первая — **«модель Ельцина»**. Созная, что он сам проблему решить не может, а продолжать «сидение» опасно, он уходит в отставку, подобрав преемника.

Вторая — **«модель Хрущева»**. Хрущев довел ситуацию до крайности. Половину времени уделял внешнеполитическим проблемам, но при этом сумел довести дело до Карибского кризиса, до конфликта с Китаем. А оставшуюся половину времени поделил на две части. В одной — забота о бомбах, ракетах, космосе. В другой — фонтан реформ всего и вся (правда, часовые пояса не трогал), призванный прикрыть отсутствие коренных реформ. В итоге закупки зерна за границей, падение темпов роста экономики, рост инфляции, рост цен, расстрел в Новочеркасске. И, не видя при таком вожде перспектив, члены команды сами отправили его на дачу.

Третья модель — **«модель Сталина»**.

В двадцатые годы XX века, после устранения Троцкого, концепция социализма в одной стране победила концепцию мировой революции. Но год шел за годом, а главные для победившей концепции — коллективизация и индустриализация — топтались на месте.

Сталин исступленно верил в возможность социализма в одной стране. Дело, следовательно, не в курсе, а в исполнителях. После ряда чисток его теперь вроде бы окружали преданные ему люди. Друзья по подполью. По революции. По гражданской войне. Они его славословили. Более того, они старались изо всех сил. Но надо было сделать очень тяжелый вывод: они «не тянут». Из-за них топчемся на месте.

И Сталин принял решение. Нужна тотальная чистка аппарата партии и государства. Надо вместо героев подполья и войны найти и выдвинуть тех, кто не на словах, а на деле может реализовать новый курс на социализм в одной стране. Строить и возглавлять заводы, шахты, ГЭС. Армию. Культуру. Науку.

Главное в Сталине — не провозглашение курса на социализм в одной стране. Об этом говорили многие лидеры СССР. Сталин — в чудовищном виде — но осуществил ту чистку кадров, без которой не удалось бы реализовать его курс.

Четвертая модель — **«модель Брежнева и Косыгина»**. Напуганные кровавым опытом кадровой чистки Сталина, Брежнев и Косыгин о реформах в 1965 году объявили, но от кадровой чистки отказались и утопили свои же реформы. Вот и вошли они в историю как творцы застоя.

Размышляя обо всех этих четырех моделях, нетрудно понять, что модель Брежнева и Косыгина, модель отказа от кадровых чисток — это модель тупика.

Модели Ельцина и Хрущева решения не дают, а переключают проблему на плечи преемников.

Решением являлась только модель Сталина.

Великим становится только тот лидер, который доводит свои идеи до поиска, подбора и расстановки новых кадров, соответствующих принятой им новой концепции. Настоящий лидер тот, кто ради своей новой генеральной линии готов пойти на разногласия и конфликты даже с самыми близкими друзьями. Ведь есть только один путь вырастить новый сад — безжалостно выкорчевывать старые деревья, освобождая места для новых.

Но сегодня, в XXI веке, сталинская модель неприемлема.

И не только потому, что утвердила не отвечающую реальности XX века модель устройства общества — государственно-бюрократический социализм.

Она неприемлема в силу кровавого механизма чистки от старых кадров. Не прав был Рылеев, утверждавший в стихах о Сусанине, что «кровь для России спасала Михаила». Не прав был и другой русский поэт, заявивший, что «дело прочно, когда под ним струится кровь». На крови ничего создать нельзя. Прав был Ф. Ницше, прозорливо отметивший, что тот, кто в борьбе с чудовищем применяет методы чудовища, сам становится чудовищем.

Великодержавность России в XXI веке возможна только как великодержавность интеллектуальная, великодер-

жавность новой демократии. А такая великодержавность несовместима с кровавыми методами кадровых чисток.

Остается вывод: чистка кадров нужна, но она должна быть принципиально новой, соответствующей содержанию новой великодержавности. **Она должна быть цивилизованной.**

Что значит «найти цивилизованные формы кадровой чистки»? На постиндустриальном этапе развития цивилизации необходимы и голосования популистской демократии, и волевое назначенство. Необходимо какое-то их сочетание.

Но и в голосования, и в назначенство **надо ввести объективное начало.** Оценку по объективным критериям.

Вспомним успешное сталинское назначенство времен индустриализации. Были четкие критерии — ввод заводов, пуск домен, начало работы метро или железной дороги. И пусть примитивные, но четкие меры: тонны стали, метры тканей, центнеры зерна с гектара.

Вспомним другое успешное сталинское назначенство — командиров, генералов и маршалов в годы войны 1941–1945 годов. Новые командиры и полководцы, доказывающие свое право «на погоны» в боях.

Вот и теперь новые кадры должны быть найдены и выделены **своими успехами** на главных направлениях утверждения новой великодержавности. Они будут и выделяться, и расти вместе с новой великодержавностью.

Ведь провалы и назначенства Хрущева, вылившиеся в крайний волюнтаризм, и назначенства Брежнева, превратившиеся в сохранение пассивности, и, наконец, про-

вал назначенства губернаторов для обещанного курса на модернизацию, крылись **в отсутствии объективного критерия оценки кадров.**

Десятилетиями одной из четких сфер оценки по объективным показателям был спорт: вес поднятого груза, высота прыжка и т. д. Именно трудности с махинациями при таких показателях привели к появлению у всех желающих «кормиться» на спорте — судей, врачей, руководителей спортивных соревнований и всевозможных чиновников, политических лидеров — готовность или закрывать глаза на допинг, или даже его организовывать.

Цивилизованный отбор кадров требует применения в качестве своей **главной основы оценку по объективным показателям результатов.** В научном творчестве. В техническом прогрессе. В защите окружающей среды. В усилиях по качеству генофонда. И т. д. и т. п.

Именно по этому пути, по пути формирования и под популистскими выборами и под административным волевым назначенством основы в виде объективной оценки только и можно идти.

При таком подходе и голосование, и назначенство освобождаются от главной опасности: выдвигения «не тех».

При таком подходе путь в новую эпоху великодержавности никому не закрыт — даже самым ярым бывшим монетаристам, даже крутым партократам.

Я полностью согласен с глубокой мыслью Роберта Уоррена из его книги «Вся королевская рать»: «Добро можно делать только из зла, потому что больше его просто не из чего делать».

Подведу итоги. Перед нами возникла, говоря категориями Иммануила Канта, великая «антиномия».

России не выжить в XXI веке без великодержавности. Но России не выжить в XXI веке при сохранении традиционной модели великодержавности прошлого.

России для ее устойчивости нужна в XXI веке великодержавность. Но устойчивость может дать только новая великодержавность, великодержавность коренных реформ по формированию великодержавности интеллектуализма, великодержавности трехсекторной экономики, великодержавности новой демократии.

Сумеет ли **элита России** сформировать концепцию новой великодержавности?

Сумеют ли **Кремль и Белый дом** извлечь уроки из российского и советского прошлого, не наступить на грабли прошлого и дополнить внешнеполитическую великодержавность новой, соответствующей XXI веку базой, осуществив внутренние реформы?

Сумеет ли нынешнее руководство России пойти ради таких реформ на кадровую чистку, найдя цивилизованные формы чистки?

Это сейчас главный, ключевой вопрос.

Ключевая задача России

(Завершение выхода из бюрократического социализма)

*Материал для делегатов съезда
Вольного экономического общества России
31 октября 2015 года*

На юбилейном съезде Вольного экономического общества России 31 октября 2015 года нам следует обсудить ключевые для будущего России проблемы.

В качестве одного из материалов для такой дискуссии я хотел бы предложить настоящий материал.

1. Оценка современной России

XXI век Россия встречает в очень противоречивой ситуации.

Ряд лет экономика страны росла. Запасы валюты и золота сохраняли внушительные размеры. Были политические успехи. В стране имеется несомненный лидер — фактор для России очень важный.

Если искать обобщающую характеристику ситуации, то ее можно определить как **стабильность**.

Но, с другой стороны, нет достаточных оснований для успокоения и тем более оптимизма в отношении будущего.

Темпы роста экономики последние годы постоянно падают.

Золотовалютные резервы — непрочная основа стабильности. Особенно если эти резервы размещены не в стране, а в валюте других стран и в банках за рубежом.

Мировые цены на нефть и газ устойчиво снижаются.

Разрыв между доходами и благосостоянием небольшой части и громадного большинства населения достиг в России огромных размеров.

А вот по показателям коррупции, плохим условиям для инвестиций и бизнеса Россия на одном из первых мест в мире.

Очевиден вывод: недостаточно говорить просто о **стабильности** России. Обязательно надо иметь в виду **неустойчивость** этой стабильности.

В чем главная причина нестабильности?

Может быть, в **неэффективности избранных нами же руководителей?**

Но ведь у нас за четверть века и лидеры менялись, и правящие команды, и состав олигархов. А воз, как говорится в басне Крылова, и ныне там.

Может быть, дело **в гражданах страны, в нас?**

Но десятки, сотни тысяч наших граждан, уехав в другие страны, в условиях жесткой конкуренции нормально работают, хорошо зарабатывают, их ценят. Даже наши хоккеисты в зарубежных клубах играют нормально. Об ученых, певцах, музыкантах я уже не говорю.

Если есть кому работать, есть ресурсы, но вот уже четверть века после Великой антисоциалистической револю-

ции 1989–1991 годов Россия все еще находится в состоянии неустойчивой стабильности, то неизбежен вывод о том, что страна живет и работает в более худшей, чем в развитых странах, **социальной системе**.

Но ведь у нас утвердился тот же постиндустриальный строй, что и в развитых странах мира?

Это постиндустриальный строй преодолел и одностороннюю ориентацию капитализма исключительно на частную собственность и конкуренцию.

Он, далее, преодолел и одностороннюю ориентацию бюрократического социализма исключительно на всеобщее огосударствление, детальное директивное командование из центра всем и вся, уравнительное распределение, устраняющее интерес к эффективной работе.

В постиндустриальном строе есть и государственный сектор, и частный сектор, а также сектор коллективный, кооперативный, акционерный.

В постиндустриальном строе поэтому действуют и законы конкуренции, и комплексы мер государственного регулирования.

Естественно, что политической системой, отвечающей такому разнообразию секторов экономики, может быть только демократия.

Значит, надо искать причину **не в самом строе, а в его особенностях**.

Сравнивать постиндустриализм в США и в России.

В экономике в целом схожая система — три сектора. А дальше?

Дальше вот что. Экономика — это только 30–40 процентов современного народного хозяйства. А 60 процентов — это то, что называют непроизводственной сферой — здравоохранение, образование, наука, культура, спорт и т. д.

В этой сфере в США безусловно преобладают негосударственные структуры. А у нас, в России, тотально господствуют государственные.

И не просто государственные, а государственные, доставшиеся России в наследство от бюрократического социализма. Зачастую с теми же бывшими советскими бюрократами.

Это факт: гигантская часть современного общества — его непроизводственная сфера — в России из социализма не вышла.

Что это означает?

Вот всем нам известный Единый государственный экзамен (ЕГЭ). Почему в США он стал мощным инструментом улучшения образования, а у нас вот уже год за годом — сфера коррупции? Да потому, что в США ЕГЭ нет. Единый экзамен есть. Но негосударственный. Его организуют независимые организации.

Или вот очередные перемены в пенсионной системе. Разве может быть нормальным общество, если его члены не знают, как они встретят свою старость и закат жизни? Почему пенсионные фонды в развитых странах мира успешно работают и служат «котлом» для самых труднодоступных для частных инвестиций долгосрочных про-

грамм? А у нас деньги этих фондов ежегодно съедает текущий бюджет государства.

Да по одной причине. У нас есть государственные пенсионные фонды в руках государства, а в США их нет. Там пенсионные фонды от государства независимы.

Россия «сидит на двух стульях». На постиндустриальном — в экономике. И на бюрократическом, государственном — в непроеизводственной сфере.

Как может развиваться трехсекторная конкурентная рыночная постиндустриальная экономика в обществе, где 60 процентов хозяйства, вся непроеизводственная сфера — в руках государства, в руках бюрократии и, соответственно, вне рынка и конкуренции?

Как может развиваться сама государственная непроеизводственная сфера без соревнования, без конкуренции, с субъективным командованием начальства, с опасной базой для коррупционных предпочтений?

В этом, на мой взгляд, главное отличие российского постиндустриализма. Это постиндустриализм номенклатурно-олигархический.

Именно в этом, в незавершенности Великой антисоциалистической революции 1989–1991 годов, и состоит **первая причина основных наших проблем.**

Другая ключевая проблема России — **неясность с ее будущим в XXI веке.**

Сверхзадачей является задача сохранения России в XXI веке не только в виде **современного постиндустриального государства,** но и в качестве **одной из великих держав.**

Не главной страной мира, как мечтали Ленин и Сталин. Не одной из двух, как хотел Брежнев. А именно «одной из нескольких».

При анализе причин провала реформ Гайдара — несмотря на полную поддержку их со стороны президента Ельцина — обычно обходится главное.

Они — в случае успеха — превращали Россию в процветающее и благополучное государство, но «средней руки».

Эта целевая установка отвечала устремлениям Запада. Но не отвечала желаниям большинства населения России. Почему?

Большинство граждан России на генетическом уровне усвоило с пеленок, что Россия не сможет сохраниться, даже став современной, если не будет великой державой. Она распадется на русскоговорящие Сибирь и Поволжье, на Урал и Московию.

Большинство россиян не видело никакого будущего без сохранения единой великой страны. И Ельцин вынужден был отказаться от Гайдара.

Однако ни желания остаться великой державой, ни готовности не жалеть сил для этого недостаточно. Необходимо определить, **что именно** может обеспечить России в XXI веке роль одной из великих держав.

Анализ показывает, что **вывоз сырья**, как бы в нем ни нуждался мир, ни одну страну-экспортера великой не сделал.

Но даже если деньги от вывоза сырья направить на развитие **армии и военно-промышленного комплекса**, то и при этом надежной опоры для великой державы не

создать. Нынешний российский Суперджет-100 не может летать без импорта иностранных «начинок» из сферы высоких технологий. А в прошлом из-за их отсутствия СССР отказался от Ту-144. И деньги тут проблем не решат.

Но если ни сырьевая, ни военная составляющие не могут быть достаточными основами великой державы в XXI веке, то что же делать России?

На мой взгляд, ответ надо искать на столбовой дорожке XXI века — **в сфере научно-технического прогресса.**

Научно-технический прогресс включает такие компоненты, как теоретическая наука, прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки, экспериментальные производства.

России трудно вклиниться туда, где другие страны работают уже десятки лет. В то же автомобилестроение.

Но есть на генеральном маршруте человечества в XXI веке — научно-техническом прогрессе — участок, где мы не только имеем шансы на успех, но даже сейчас имеем своего рода «фору». Это область **теоретической науки.**

Для нее не нужны особые ресурсы. Ей необходимы **особого типа мозги.**

Опыт показал, что ни Япония, ни Китай, ни даже США, обладая гигантскими ресурсами, в собственно теоретической науке лидерами не стали. Только в Западной Европе и России вот уже не одну сотню лет развивается чистая теоретическая наука.

Россия, чтобы остаться великой державой, может и должна стать в XXI веке одним из мировых центров развития теоретической науки.

Поэтому и с точки зрения **текущей** ситуации, и с точки зрения **перспектив** главной проблемой нашей эпохи, нашей **главной национальной задачей** является **завершение антисоциалистической революции, преодоление ситуации «сидения на двух стульях»** путем **осуществления постиндустриальных преобразований в непроизводственной сфере и выделение проблем развития науки в качестве приоритетных.**

2. Исторический опыт «сидения на двух стульях»

Необходимо вспомнить некоторые исторические уроки.

Первый пример. XIX век. *Выход из феодализма.* Отмена крепостного права. С 1861 по 1881 год — за двадцать лет был осуществлен первый комплекс реформ.

С 1881 года Александр II намечал переход ко второму циклу реформ, итогом которых должна была стать конституционная монархия.

Но ко второму этапу реформ готовился не только царь, но и его противники: консерваторы и демократы. И более опытным консерваторам удалось убить Александра руками демократов.

К власти пришел Александр III. Он сделал для России много полезного, но главного — завершения выхода из феодализма реформами сверху — он не осуществил.

Два начала — новое, буржуазное и старое, феодальное — ужиться не могли. **«Усидеть на двух стульях» даже опытная романовская империя не сумела.** Россия погрузилась в XX веке в бури трех русских революций.

Второй пример. Конец гражданской войны в России. 1921 год. Полный провал попыток ленинцев навязать России социализм, к которому она не была готова. Разруха в стране.

Но выход был найден. НЭП — новая экономическая политика. Попытка сочетать советскую власть с частным хозяйствованием в деревне и в городе.

Началось восстановление хозяйства и подъем экономики.

Но было ясно, что «усидеть на двух стульях» советская власть не сможет. Рано или поздно понадобятся реформы не только в деревне и мелкой промышленности, но и во всем советском общественном строе. И — что было очень вероятно — группировка Ленина, победившая в гражданской войне будет вынуждена или уйти, или стать одной из партий в демократической республике.

Эта перспектива ленинцев не устраивала. НЭП был отброшен, начались сталинская коллективизация и сталинская индустриализация.

Третий пример. В нем я уже участвовал лично. В 1964 году, устранив обещавшего построить за 20 лет в СССР коммунизм Хрущева, Брежнев и Косыгин начали реформы. Брежнев — в колхозах. Косыгин — в промышленности.

Реформы эти состояли в сокращении объема и изменении характера директив, в предоставлении прав предприятиям, создании у их руководителей и коллективов заинтересованности в росте эффективности. СССР начал развиваться быстрее.

Но опыт других соцстран, уже вступивших на этот же путь, показал, что одновременно «на двух стульях» — «на стуле» экономической самостоятельности, рынка и «на стуле» диктатуры бюрократического аппарата коммунистической партии — «усидеть» невозможно.

И реформы были подавлены. В Чехословакии вооруженной силой. А у нас, в СССР, мирно.

В свете этих примеров есть все основания полагать, что и нынешней России «**усидеть на двух стульях**» — реформированной постиндустриальной экономики и в основном оставшейся государственно-социалистической непроизводственной сфере — при господстве в государстве опирающейся на эту неререформированную часть экономики бюрократии — **не удастся**.

И перед Россией стоит жесточайшая дилемма: либо второй комплекс реформ, либо революция.

Чтобы избежать революции, необходимо, чтобы в правящем классе победили те, кто сознает исключительную опасность для России, для своего класса и для себя лично отказа от второго комплекса реформ.

Но эта часть правящей бюрократии сама не может создать программу второго комплекса реформ. Это может сделать только интеллигенция.

Поэтому **выдвижение вариантов программы, их обсуждение, доведение вариантов до руководства страны и народных масс — главная задача интеллигенции на ближайшее будущее**. Соответственно, и задача Вольного экономического общества России, как одной из авторитетных организаций интеллигенции.

Свое видение такой программы преодоления бюрократического социализма в непроизводственной сфере я начну рассматривать с близкой многим членам ВЭО России сферы — с образования.

3. От образования социалистического к образованию постиндустриальному

Государственно-бюрократический социализм в образовании, как и в других сферах общества, создал по-своему цельную систему.

Все деньги на образование в руках бюрократии. А для граждан образование становится якобы бесплатным. Бесплатным, как известно, бывает только сыр в мышеловке. Фонды бесплатного образования — это не выплаченные на руки гражданам деньги.

Государственно-бюрократическая бесплатность позволяла решать две задачи.

Во-первых, отдавала образование в руки бюрократии. Где учить, чему учить, сколько учить, кому учить — все решают те, у кого деньги, то есть бюрократия.

При этом — что более чем важно — бесплатность образования «выводила» бюрократию из-под критики «обучаемых». Дареному коню, как говорится, в зубы не смотрят.

Во-вторых, под флагом бесплатности создали для детей самой бюрократии бесплатные элитные детские сады, школы, вузы, в которых бесплатные затраты на одного ребенка в десятки раз превышали средние бесплатные затраты на детей рядовых граждан.

Советская система осуществила в безграмотной царской России (о чем сейчас не вспоминают иные поклонники Романовых) культурную революцию.

Создала читающий народ.

Подготовила кадры для всех звеньев советского социализма — от администрации и армии до заводов и колхозов.

На таких участках, как естественно-научное и инженерно-техническое образование, советская система стала одной из лучших в мире.

Однако на других участках — социология, психология, современная экономическая теория и в целом в гуманитарном образовании — СССР отставал катастрофически. Но и в естественном образовании десятилетиями шла борьба с прогрессом: с кибернетиками в математике или генетиками в биологии.

Советская система готовила не самостоятельную, творческую личность, а тех, кого Ф.М. Достоевский называл «техниками», а А.И. Солженицын «образованцами».

Неудивительно, что весомую часть своих достижений советские ученые дали СССР с обязательным участием наших разведчиков и шпионов.

В итоге подконтрольная бюрократии советская система образования **не подготовила страну к начавшейся научно-технической революции** и стала одним из **факторов поражения государственного социализма** в конце XX века.

Когда Россия вступила на путь выхода из бюрократического социализма, то российской бюрократии, утра-

тившей во многом абсолютный контроль над экономикой, в образовании свою власть удалось сохранить.

Конечно, вообще не допустить независимых от государства частных садов, школ и вузов бюрократия не могла. Но она сделала все, чтобы взять их под свой контроль.

Во-первых, была принята, как путеводная звезда, задача сохранить бесплатное образование в качестве основного. Это позволяло оставить образование в руках бюрократии.

Во-вторых, руководство негосударственным образованием было отдано не в руки специально созданных для него государственных органов, а тем чиновникам в министерствах и отделах образования в регионах, главной задачей которых осталось руководство бесплатным государственным образованием. Аттестация и лицензирование негосударственных учреждений, выдача дипломов, присуждение ученых степеней и званий, набор специальностей, программы обучения — все осталось в руках бюрократии.

В-третьих, негосударственные учреждения образования были поставлены чуть ли не в один ряд с частным предпринимательством. Их обложили налогами, заставили покупать или арендовать помещения, их студентам не платили стипендии, угрожали призывом в армию и т. д.

В-четвертых, российская бюрократия сделала негосударственное образование сферой поборов и взяток.

И наконец, **в-пятых**, государственным бесплатным образовательным учреждениям разрешили создавать свои платные отделения. За счет бюджета были созданы кормушки.

Итогом этого масштабного похода государства на им же вроде бы разрешенное негосударственное образование стало почти полное удушение частных детских садов, масштабное сокращение числа частных школ. А теперь ликвидируют негосударственные вузы.

Свою классовую задачу — задачу создания в образовании базы для своей власти — российская бюрократия решила. Но Россия, по рейтингам оценок уровня образования, оказалась далека даже от средних мировых показателей.

Если мы хотим двигаться в XXI веке наравне с развитыми постиндустриальными странами, то мы должны провести реформу всей системы образования.

Надо в этой сфере выйти из социализма и стать постиндустриальной страной. Что для этого надо?

Все учреждения образования *перестают быть государственными* и переходят в руки **обучающих**. В руки интеллигенции.

Все деньги на образование должны быть переданы тем, кто потребляет «услуги» учреждений образования, то есть **обучающимся**.

На каждого ребенка родители получают чеки, которыми они оплачивают услуги выбранного ими же учреждения. Чеки, передаваемые этим учреждениям, потом оплачивает государство.

Обучающиеся или выбирают то учебное заведение, где чека достаточно, или доплачивают за более дорогое сами, сверх чеков.

Вот и все. Государство должно от себя выдавать кредиты обучаемым. Государство должно поощрять банки выдавать льготные кредиты талантливым студентам на учебу. Государство должно давать деньги вузам, которые готовят специалистов, которых стране не хватает. Или которые пока не «в моде», но понадобятся в будущем. Государство — в особых случаях — может иметь свои учебные заведения.

Но государство уже никак и ничем не командует в системе образования.

В системе образования возникнет **конкуренция**. Оплата лучших возрастет, и в ряды преподавателей пойдут талантливые люди.

Такова в общих чертах реформа образования. Суть ее, повторю, проста. **Те, кто учит, независимы. Но не могут существовать без денег обучаемых. А обучаемые платят государственными чеками и своими деньгами. Но выбор места учебы — за обучаемыми.**

4. Выход из социализма всей непроеизводственной сферы

Разгосударствление образования является только одной из всего комплекса реформ разгосударствления непроеизводственной сферы. Но в процессе разгосударствления других непроеизводственных организаций используются те же базисные принципы, которые выявлены для реформы образования.

Первое. *Государство и бюрократия лишаются прав владения и командования. У них отбираются все составные части непроизводственной сферы.*

Второе. *Непроизводственная сфера переходит в собственность отдельных лиц и коллективов акционеров или кооператоров. Переходит бесплатно, без всякого выкупа.*

Нетрудно предположить, что чисто частное не может быть чем-то главным при разгосударствлении больниц, школ, университетов, театров, музеев, тех же заповедников.

Напротив, более подходит вариант, когда вместо государства хозяевами будут становиться группы ведущих работников с явно выраженным лидером, сами лидеры или группы единомышленников. Этому соответствуют *кооперативы, акционерные общества, другие формы коллективной организации.*

Третье. *Деньги, которые государство готово расходовать на непроизводственную сферу, оно должно передать в руки тех, кто будет пользоваться услугами непроизводственной сферы.*

Или в виде снижения налогов, которые граждане платят государству.

Или в виде чеков, которыми граждане смогут расплачиваться за услуги непроизводственной сферы и которые потом оплачивает бюджет.

Скорее всего, будет и то и другое. Потребители услуг непроизводственной сферы *свободны в выборе* организаций непроизводственной сферы. Они вправе доплачи-

вать к тому, что обеспеченно государством, из собственных средств за услуги более высокого уровня и качества.

В целом разгосударствление не только не уменьшит «бесплатные» фонды государства, но и увеличит их, так как из расходов государства на обучение и лечение исчезнут траты на содержание аппарата чиновников служб образования и здравоохранения.

После разгосударствления «бесплатная» часть не исчезнет — это клевета. Просто деньги, которые чиновники у граждан отбирали в виде налогов и предоставляли от себя как якобы «бесплатные» услуги, теперь напрямую из госфондов пойдут гражданам. А вот главный рычаг господства чиновников — предоставление якобы бесплатного — исчезнет.

Государство не отказывается от бесплатного. Оно от неэффективной, бюрократической организации бесплатного переходит к наиболее действенной форме: не через бюрократию, а через граждан.

Четвертое. *За государством* сохраняются в непроизводительной сфере такие же важные для общества функции, как и в экономике. Это контроль за соблюдением интересов общества в целом. Поддержка важных для общества участков. Поддержка того, что недостаточно поддерживается самими потребителями. Особенно того, что может стать важным в будущем.

Пятое. Основными субъектами непроизводительной сферы становятся интеллигенты. А организациями непроизводительной сферы становятся объединения и союзы как тех, кто оказывает услуги, так и тех, кто их

потребляет. Союзы университетов, поликлиник, врачей. Объединения родителей и ассоциации больных. Разные формы самоорганизаций станут главными в непроизводственной сфере.

В непроизводственной сфере появятся реальные **стимулы роста** качества услуг, появятся **соревнование и конкуренция**, выявятся лучшие и худшие.

И эту сортировку произведет не бюрократия, а сами потребители услуг непроизводственной сферы.

В итоге непроизводственная сфера «впишется» в общую систему постиндустриализма. Постиндустриализм «двух ступней» заменится цельной, единой системой.

5. Особенности разгосударствления отдельных областей непроизводственной сферы

На основе этих общих принципов будет идти разгосударствление всей непроизводственной сферы. При этом, разумеется, надо учесть особенности каждой из частей непроизводственной сферы.

Здравоохранение в чем-то напоминает сферу образования. Оно обслуживает всех, и государство должно помогать всем.

Все учреждения системы здравоохранения должны стать негосударственными и, соответственно, платными.

Главное в том, *чтобы деньги врачам поступали от граждан* — и в виде чеков, и в виде доплат. Чтобы была среди врачей *конкуренция*. Чтобы население, если оно

считает это необходимым, *могло выбирать место и вид лечения и могло существенно влиять* своими ресурсами на уровень медицинского обслуживания.

Другая важная сфера реформ — **культура**.

Все театры, музеи, кинозалы, издательства должны быть переданы в руки самих деятелей культуры.

Отличие от образования и здравоохранения, где главная роль переходит к гражданам с их чеками и деньгами, в сфере культуры средств граждан будет недостаточно. Финансовый успех у публики книги, фильма, спектакля очень важен, но недостаточен. Да и вкусы и предпочтения граждан, особенно воспитанных дебилизирующими людей программами типа «Давай поженимся» или «Пусть говорят», не могут быть главными при определении путей развития культуры.

Для культуры главное — деньги государства.

Но выделяемые на культуру деньги *должны распределять не государственные органы и их чиновники, а сами деятели культуры*. Главная роль при распределении денег на культуру должна быть не у бюрократии с ее вкусами и предпочтениями, с ее планами на использование деятелей культуры в политических и избирательных компаниях, а у самих деятелей культуры.

Похожа на ситуацию в культуре и ситуация в области **науки**.

Конечно, и здесь надо учитывать спрос, особенно ведущих и прогрессивных отраслей и экономики, и производственной сферы.

Но — как и в культуре — *главное для науки — ресурсы государства.*

Но — как и в культуре — решающее влияние на их распределение должны оказывать *сами ученые.*

Конечно, здесь возникает опасность субъективизма, только теперь уже самих деятелей науки.

Поэтому в распределении средств на науку должны участвовать не только сами ученые, но и государство, и бизнес, и разного рода филантропы. А главное — вся интеллектуальная элита страны.

Для России, как я говорил, развитие науки должно стать главным фактором выживания страны в XXI веке. И освобождение науки от диктата бюрократии — исключительно важная задача.

Есть и другие области непроизводственной сферы, требующие коренных антисоциалистических реформ.

Так, **из спорта** надо выделить то, что давно уже не спорт, а нечто вроде зрелищных представлений в духе гладиаторских боев на аренах Древнего Рима. *Это сфера бизнеса*, и ее надо соответственно строить.

Далее, из спорта надо выделить виды спорта, предназначенные для *элитных* слоев общества, — типа автомобильных гонок, санного спорта, яхт и всего того, что имеет право на существование, но должно развиваться за счет личных средств участников и поклонников, а не за счет средств общества.

А общество и государство должны заняться развитием физкультуры и массовых видов спорта.

Может ли существовать непроизводственная сфера без командования государства и бюрократии? Посмотрим на США.

Университеты США никому не подчиняются. Каждый выдает свой диплом. И этот диплом — если он получен в Гарварде или Стэнфорде — значит неизмеримо больше и в США, и в мире, чем государственный диплом единого образца у нас в России.

В кинематографе самая высокая награда — «Оскар» — определяется самими кинематографистами, без всякого участия чиновников от государства. То же — с премией Каннского или Венецианского кинофестивалей.

В научном мире и литературе наиболее престижна негосударственная Нобелевская премия.

В странах Западной Европы и Америки в свои союзы объединяются врачи и учителя, инженеры и бухгалтеры, экономисты и адвокаты, защитники природы.

Нетрудно предвидеть, что у нас в ходе разгосударствления непроизводственной сферы тоже главными станут организации самих интеллектуалов.

6. Постиндустриализм с раскулаченной бюрократией

Разгосударствление непроизводственной сферы будет означать не просто радикальное ослабление бюрократии. Произойдет качественное изменение роли и места бюрократии в обществе.

Из **ведущей** и **командующей** силы, которой она была и при государственном социализме, и при номенклатур-

но-олигархическом постиндустриализме, она станет **сферой обслуживания**.

Она не перестанет быть важным «игроком» постиндустриального общества. Но она уже не будет капитаном «команды».

Произойдет, если использовать терминологию И.В. Сталина эпохи двадцатых годов, **«раскулачивание»** бюрократии.

«Раскулачивание» в понимании Сталина означало «ликвидацию как класса». Но раскулачить бюрократию, ликвидируя ее, невозможно. Постиндустриальный строй невозможен без бюрократии и в госсекторе, и в частном секторе, и в государстве в целом. Поэтому речь может идти не о ликвидации, а только о лишении бюрократии роли главной силы общества и государства, о лишении права командовать всем и вся, об ограничении этого командования четкой областью и четкими правами и возможностями.

Освобождение государства от оперативного командования, от ответственности за места в яслях, за содержание учебников в школах, за койки в больницах, за тематику работы театров и киностудий **создаст условия для сосредоточения его усилий на крупных, перспективных, глобальных, стратегических проблемах страны**.

Это потребует коренных изменений и *в системе* бюрократического аппарата и *в составе* бюрократии. Вместо умения крутить руль потребуются умение смотреть далеко вперед. Сегодня ей требуются прежде всего кулаки, а после реформ ей будут нужны прежде всего мозги.

Вместе с разгосударствлением непроизводительной сферы произойдут изменения и в сфере экономики, и в постиндустриальном государстве, и в социальной сфере.

В **экономике** можно отметить пять главных направлений перемен.

Во-первых, будет осуществлена *земельная реформа*. Земля, сейчас почти целиком оставшаяся в руках бюрократии, должна в значительной части стать объектом владения и собственности негосударственных хозяев.

Во-вторых, должна быть проведена масштабная *деконцентрация* во всех областях экономики.

Доставшиеся в наследство от государственно-бюрократического социализма крупные организации должны быть разукрупнены.

Советский завод строили, как крепость, способную выстоять в любых бурях. В нем создавались все цеха, были своя энергетика, свое изготовление инструмента. Свои строительные организации. Свое жилье. Нередко свои школы, дома культуры, базы отдыха, поликлиники. Все эти организации должны стать самостоятельными, начать конкурировать друг с другом.

В итоге будет нанесен удар по олигархическому капиталу, одной из баз которого и являются доставшиеся от социализма крупные организации.

И у нас в Москве вместо существующего десятка хлебозаводов-гигантов должны появиться сотни, тысячи мелких булочных. И каждый из нас привыкнет по уграм

есть только что испеченные в булочной своего дома горячие булочки.

А по железной дороге, как, скажем, в Японии, будут ходить поезда разных компаний. Как в сфере авиоперевозок.

М.Б. Ходорковский предлагает не трогать крупные структуры, а заставить их выплатить стране огромный налог. Понять создателя ЮКОСа можно, но согласиться нельзя. Надо изменить фундамент, а не надстройку.

В-третьих, частный сектор должен стать в основном сферой только *малого и среднего бизнеса*. Соответственно будет создана материальная база для полного превращения *свободной конкуренции и рынка* в главные двигатели частного сектора.

В-четвертых, очень важно осуществить *банковскую реформу*. Банки должны стать средними по размеру, в основном региональными, быть инструментом обслуживания среднего и малого бизнеса. Крупные банки должны быть национализированы, биржи ликвидированы.

В-пятых, важным звеном «дорекорформирования» экономики должна стать *налоговая реформа*.

Нельзя, чтобы больше платили те, кто работает лучше. Уместно вспомнить, что великая Россия держалась на подушной подати — равной с каждой «души».

А налоговые поступления от величины личных доходов могут устанавливаться, но вопрос о том, куда пойдут собранные налоги, должны решать сами налогоплательщики, а не чиновники государства.

В стране произойдут важные перемены и в государстве постиндустриальной демократии.

Во-первых, необходимо создать в России фундамент демократии, которым в развитых постиндустриальных странах является *независимая от государства муниципальная власть*. У нас — как не раз подчеркивал А.И. Солженицын — должна быть система самостоятельных земств.

Во-вторых, в аппарате должно быть выделено то, что называется *государственной службой*.

Основная масса чиновников должна быть независимой от всех выборных органов и лиц. Как и во всем мире. В США выбранный лидер может назначить «своих» не более чем на пять процентов должностей.

Госслужащий должен делать самостоятельную карьеру по правилам госслужбы. И не зависеть от своего начальства кроме тех случаев, которые определены законом.

В-третьих, важно четко выделить в системе власти структуру, которая отвечала бы за далекое будущее, своего рода Главплан. Она не должна быть связана с периодическим голосованием на выборах и ее состав должна определять прежде всего интеллигенция.

И наконец, *в-четвертых*, необходимо *обеспечение реальной независимости третьей и четвертой ветвей власти*. Здесь важны следующие изменения.

Первое. Как всякая власть и суды, и органы массовой информации должны получать свои полномочия от главного источника власти — *народа*. И судей первого уровня, и журналистов должны избирать граждане, а не представители первой или второй власти.

Второе. Внутри третьей и четвертой ветвей власти должно быть *самоуправление*. Мировые судьи долж-

ны избирать судей следующего уровня и т. д. Журналисты избирают правления и редакции газет, телеканалов, радиосетей.

Третье. Должна быть обеспечена полная *финансовая независимость* и третьей, и четвертой власти. У третьей и четвертой власти должно быть все свое — бюджет, здания, квартиры, дачи. Для этого граждане должны платить два особых налога — для третьей и четвертой ветвей власти.

Во второй комплекс реформ должны войти реформы не только в экономике и государстве, но и в социальной сфере.

Прежде всего, необходимо радикальное ослабление того **неравенства**, которое создал российский номенклатурно-олигархический постиндустриализм.

Для этого необходимы меры по установлению верхнего *предела личного богатства: и накоплений, и собственности, и величины доходов.*

Далее — сокращение **несправедливости**. Особенно на старте жизни. Нужно введение такого *режима наследования*, который позволял бы передавать детям только нужное им для жизненного старта. Все остальное — как правильно заявил выступивший с очень разумными соображениями миллиардер Потанин — дети должны добывать сами.

Ключевым, фундаментальным социальным результатом разгосударствления непроизводительной сферы будет появление у нас состоятельного, независимого от государства **среднего класса**, без которого невозможно современное постиндустриальное общество.

Подлинный многомиллионный и активный постиндустриальный средний класс может появиться **только при негосударственном независимом образовании, негосударственном здравоохранении, науке и культуре**. Пора уже понять простую истину: хочешь иметь независимый средний класс — ликвидируй государственную производственную сферу, в которой он по преимуществу занят.

Разгосударствление непроизводственной сферы приводит в обществе серьезную революцию в морали. Сегодня тысячи, сотни тысяч работников здравоохранения и образования выживают только благодаря «левым» денежным доплатам, подаркам, услугам тех, кого они лечат и обучают.

Хотя сами по себе отдельные выплаты и поборы часто невелики, но в целом в стране формируется незаконный мир платного, параллельный бесплатному. За доступ к бесплатному или к более приемлемому бесплатному. Миллионы детей годами слышат об этих доплатах и поборах и воспринимают их как нечто нормальное. Переход к платному обучению и лечению устранил этот чудовищный нарыв на нашем обществе.

Разгосударствление непроизводственной сферы сделает главной влиятельной силой общества **интеллигенцию**.

Является фактом, что наша крупная буржуазия — вспомним Гусинского, Березовского, Ходорковского — не преодолела наследственную генетическую болезнь русских капиталистов — неготовность и неумение действовать сообща ради своих же общих интересов.

А вот у интеллигенции общие интересы значительно сильнее того, что разъединяет ее членов. Поэтому интел-

лигенции легче самоорганизовываться в различные союзы, объединения, общества.

Итогом второго комплекса реформ должны стать **новые члены общества и новый образ их жизни**.

Только после второго комплекса реформ номенклатурно-олигархический **постиндустриализм управляемой демократии** может быть заменен **постиндустриализмом новым, прогрессивным**.

7. Перспективы второго этапа реформ

Возникает естественный вопрос: **реален ли, возможен ли** в современной номенклатурно-олигархической России второй этап реформ по выходу из бюрократического социализма?

Судя по состоянию **народных масс**, они далеки от того пассионарного состояния, которое их характеризовало в девяностые годы XX века. Как правильно написал в одной из своих работ Александр Неклесса: **«историческая вина нашего поколения — казнь энтузиазма своей эпохи»**.

Эта казнь — трагический исторический факт. Она началась сразу после 1991 года, когда сменившая в России КПСС новая ельцинская власть начала казнить — именно казнить — энтузиазм и энергию народных масс. К моему глубокому сожалению, и я внес свою лепту в эту казнь, когда не нашел, как мэр, общего языка с частью депутатов Моссовета, с тысячами депутатов райсоветов Москвы, избранных москвичами и полных энтузиазма и желания работать. Об этом я пишу в своей недавно изданной книге «Первый мэр Москвы».

А потом казнь шла десятилетия и совсем недавно продолжилась на Болотной площади, когда десятки тысяч москвичей вышли на улицу с явным желанием перемен, а увидели на трибуне и услышали речи тех, кто даже отдаленно не напоминал потенциальных лидеров и вождей, так нужных народу.

Чем отличается нынешний «критик» — бывший министр Ирина Хакамада, утопившая в качестве министра перспективу создания в России малого и среднего бизнеса, от нынешней «правлящей» якобы рыночницы Эльвиры Набиуллиной, которая в качестве президента банка России буквально душит малый и средний бизнес в банковской сфере, заменяя отбор банков в ходе конкуренции субъективными «усмотрениями» ее бюрократов по лишению банков лицензий?

Чем отличается покойный Немцов, один из лидеров оппозиции, пересаживавший в свое время чиновников с иномарок на «Волги», от нынешнего премьера, пересаживающего тех же деятелей с ввезенных иномарок на иномарки, собранные в России?

При виде таких лидеров оппозиции массы и дальше, скорее всего, останутся наблюдателями.

Активность **интеллигенции** определяется следующими факторами.

Во-первых, интеллигенция все еще не преодолела либерально-демократических ожиданий, что наша задача очень проста — нам достаточно только *повторить опыт* развитых стран Европы и Америки.

Во-вторых, соответственно, интеллигенция *не работала программы перемен*. Поэтому она не может вести не только массы, но и значительные слои самой интеллигенции.

Интеллигенция даже при прямых покушениях на нее со стороны бюрократии (как это было недавно при попытке Кремля «реорганизовать» Академию наук или при походе Белого дома против частных вузов) ни к каким активным массовым формам сопротивления пока не готова.

И главная причина — «котел» для «кормления» интеллигенции у правящей бюрократии все еще достаточно велик.

И, наконец, третья сила общества — наши **бюрократия и номенклатура**. Они чувствуют себя очень уверенно. Но дальновидные их лидеры не могут не понимать всю неустойчивость вроде бы благополучной ситуации. И все же они еще далеки не только от состояния Горбачева в середине девяностых, но даже от состояния Брежневых и Косыгина на старте хозяйственных реформ 1965 года.

Поэтому ожидать от верхов начала реформ сегодня не приходится. Александра II среди лидеров пока не видно. Да и не исключено, что, появившись он, его ожидала бы и судьба царя-освободителя.

Против внедрения в умы номенклатуры идей нового этапа реформ как будто говорит и то, что в XXI веке идеологию либеральную теснит идеология государственная. А идеологию интернационализма — идеология патриотизма и национализма.

Да, России необходимо и крепкое государство, и при этом именно национальное государство.

Но действительно сильным может быть только государство, целиком сосредоточенное на главных, ключевых, стратегических, долгосрочных проблемах России, отдающее именно им все свои силы.

Если учиться у многовековой романовской империи, то в том числе и тому, что она никогда не лезла ни в дела крестьянских общин, ни в организацию помещичьего хозяйства, ни в дела гильдий купцов, ни во внутреннюю жизнь казаков или Бухарского эмирата.

В XX веке *подлинный государственный* тот, кто освобождает государство от всего, что может жить без него, и тем самым создает условия для того, чтобы государство делало то, что без него делается плохо или вообще не может делаться.

В XXI веке *истинный патриот* тот, кто смело отказывается от всего, что мешает процветанию России. Нет ничего опаснее для будущего России, чем примитивный патриотизм, считающий существующее устройство страны идеалом, а сохранение этого устройства неизменным — главной целью.

Теперь предположим, что активная и прогрессивная часть интеллигенции предложила, обсудила и довела до всей интеллигенции, до народных масс и, что очень важно, до правящей номенклатуры программу нового многолетнего цикла реформ.

Потом возможны три ситуации.

Первая. Власть станет инициатором и примет на себя руководство новым циклом реформ.

Вторая. Власть начнет эти реформы под давлением интеллигенции и масс.

И третье. Власть, как царизм в начале XX века и как руководство КПСС в конце XX века, отказывается от реформ.

Тогда останется — как в 1987–1989 годах — борьба за приход к власти тех, кто готов будет начать и вести реформы.

Ну а если этого не произойдет? На первый взгляд, в этом случае Россию ждут **тупик и стагнация**. Как и любую страну в человеческой истории, которая сходит со столбового пути цивилизации.

Но это только на первый взгляд. На самом деле отказ от перспективы стать эффективной постиндустриальной страной в XXI веке открывают перед Россией не только вполне реальную опасную **перспективу тупика**, но и **возможность старта** в совершенно новом направлении. Какое?

8. Великая историческая альтернатива XXI века

Важнейший исторический факт современности состоит в том, что, несмотря на все свои преимущества по сравнению со своими предшественниками: государственным социализмом и капитализмом, постиндустриальный строй уже выявил присущие именно ему неразрешимые противоречия. Антиномии, как сказал бы Кант.

Первой среди них следует назвать **национальную** проблему. Постиндустриальный строй — по своему со-

держанию — требует интеграции, интернационализации, обобщенно говоря — **глобализации**.

Только глобализация может дать разумные решения в отношении ядерного оружия и ядерной энергетики, расходования ресурсов, прежде всего энергетических, загрязнения окружающей среды, производства генномодифицированных продуктов питания, новых лекарств, проблем климата, освоения Арктики, Антарктиды, Луны и космоса.

А человечество продолжает существовать в виде национальных государств, которые примитивно стараются извлекать выгоду именно для себя.

Вторая острая проблема — отсутствие мудрой **элиты** общества. Сложность проблем, их долгосрочный характер, непредсказуемость резко снижают эффективность традиционных демократических механизмов голосования большинством в поисках элиты.

Выделению элиты общества препятствует популистская демократия, а также традиции борьбы человечества с элитами рабовладельцев и жрецов, элитой дворянства, элитой бизнеса, элитой номенклатуры.

Третья проблема — **жизнь не по средствам**. Постиндустриальное общество потребляет больше, чем позволяют ресурсы нашей планеты. По существу, мы живем «в долг», растрачивая ресурсы будущих поколений, практически уже наших же детей и внуков. Наша цивилизация — цивилизация потребления и поэтому *затратная*.

Четвертая проблема — **сосредоточение власти в руках бюрократии**. В итоге сложилось противоречие меж-

ду тем, чем командует и распоряжается бюрократ, и тем, в чем он заинтересован. В итоге все постиндустриальные системы пронизывает *коррупция*, которая превращается в неизлечимую болезнь этого общества, его раковую опухоль.

И наконец, **пятая** проблема постиндустриализма — **сохранение социальных конфликтов**. И в постиндустриальном обществе не появилось такой системы распределения, которая бы представлялась справедливой.

Логичным следствием этих и других неразрешимых противоречий постиндустриализма стало появление его непримиримых противников.

Первыми выступили зеленые. Потом антиглобалисты. Далее на улицы вышли сторонники движения «Захвати Уолл-стрит». В Италии выступила партия «Пять звезд». А в Германии — партия «Альтернатива для Германии». Восток захлестывают волны «мусульманской весны».

И у всех речь идет **не о совершенствовании постиндустриализма, а об отказе от него вообще**.

И уже вырисовываются краугольные камни новой цивилизации.

Краугольные камни существующей цивилизации следующие.

Первое. Человек — это «экономический человек». У него есть разум, воля, мораль. Но главное в нем — удовлетворение его материальных потребностей.

Второе. Главное в цивилизации — это *непрерывный рост производства*. Это *затратная* цивилизация.

Третье. Идея равенства всех людей.

Четвертое. Товары производят независимые производители, и они свободно конкурируют на рынке. Рынок предполагает *деньги*, и цивилизация становится *финансовой*.

Пятое. Естественной политической надстройкой над экономическим человеком, свободным рынком и свободной конкуренцией становится *популистская демократия*.

Альтернативная цивилизация основана на других принципах.

Первое. Человек не экономический, а *разумный*. В нем на первом месте не потребление, а разумность.

Разумное общество — это общество регламентированного, минимизированного потребления. Это общество, регулирующее рождаемость. Это общество здоровых людей, а не общество обслуживания инвалидов. В Новой Цивилизации не производство будет определять потребление, а нормы потребления и нормы численности зададут параметры производства.

Второе. Главной потребностью разумного человека становится развитие *Интеллекта*. Не набивание желудка, а головы. И в обществе главным становится слой интеллигенции.

Третье. Если главное — Интеллект, то неизбежным становится и *Неравенство* людей. Интеллект — это всегда различие, всегда неравенство.

Четвертое. Неравенство, опирающееся на разумность, будет *Справедливым*. Для человека разумного

логично не только признание неравенства, но и *терпимость* и лояльность к неравным ему.

Пятое. Новая цивилизация, цивилизация Разума, делает главным не автоматизм рынка, а *организованность, организацию*.

На пути к Новой Цивилизации надо будет **обуздать Бюрократию** и **устранить Финансовый Капитал**, **ликвидировать** банки и биржи, создать строй с деньгами, но без финансового капитала.

Всем известен великий феномен начала XX века, когда Россия в 1917 году при завершении выхода из феодализма перешла не к, казалось бы, логичной буржуазно-демократической системе, а сразу к строю государственно-бюрократического социализма.

И теперь все может повториться. Если не будет осуществлен второй комплекс реформ, то Россия, преодолевая номенклатурно-олигархический постиндустриализм, сразу может шагнуть не в **Развитой Постиндустриализм**, а в **Новую Цивилизацию**.

О модернизации России в XXI веке

По докладу на Съезде

Вольного экономического общества России

2 ноября 2010 года

Введение

Само слово «модерн» означает «современность». А «модернизация» — движение навстречу требованиям современности.

Это движение может иметь вид реформ. Если движение превращается в полную ломку — говорят о революции.

Модернизация — это именно путь реформ.

Россия знала и эпохи революций, и эпохи модернизаций.

На современном этапе развития, в 2010 году, руководство России снова ставит задачу модернизации.

Исходными являются две идеи: о неудовлетворенности современным состоянием страны и о необходимости коренных перемен.

Сами эти идеи — неудовлетворенность и перемены — особой дискуссии не вызывают. Предметом дискуссии является **содержание** перемен, их **сроки**, их **последовательность**. Различаются также подходы к **движущим силам** перемен, к **механизму** перемен, к их **результатам** и **следствиям**.

Для обсуждения всех этих проблем современной модернизации чрезвычайно важно хотя бы в самом общем виде обозначить уроки прошлых модернизаций. При этом вопрос о русских революциях — от революции 1905 года до революции 1989–1991 годов — я не рассматриваю.

Перед вами по преимуществу моя личная позиция как ученого. Но в ней учтены результаты той большой работы, которую вели и Вольное экономическое общество России, и Международный союз экономистов, в который ВЭО входит, и Международная Академия менеджмента. Так что если речь и идет о личных взглядах, то уже не раз обсуждавшихся и, соответственно, впитавших и идеи, и критику очень многих коллег, которым я выражаю глубокую благодарность.

Доклад состоит из трех разделов.

В первом анализируется опыт модернизаций России.

Во втором — происходящая в мире модернизация и вытекающие из нее следствия для России.

В третьем — соображения о той концепции модернизации, которую я считаю целесообразным предложить.

Раздел I.

Исторический опыт модернизации России

1.1. Модернизация Екатерины Великой (*создание Российской империи*)

Строго говоря, начало модернизации положили еще первые Романовы — цари Михаил и Алексей. Из их достижений надо особо отметить два.

Первое. Принятие Москвой при патриархе Никоне того варианта православия, которого придерживались Украина и Белоруссия. Тем самым была создана **идеологическая база** для воссоединения трех восточноевропейских славянских народов — великороссов, украинцев и белорусов, бывших в эпоху Киевской Руси одним народом.

Второе. Последовательная, продуманная, постепенная, шаг за шагом, ряд десятилетий интеграция Украины и России. Без крови. Без оккупации.

Если Михаил и Алексей вели модернизацию умеренно, то Петр I — бурно и форсированно. Екатерина завершала модернизацию тоже в основном умеренно.

Модернизация Екатерины завершила формирование Российской империи. Императрица искоренила многие вековые традиции восточных деспотий, характерные для Московской Руси. Екатерина настойчиво реализовывала Указ о вольности дворянства, провозглашенный ее мужем, Петром III, как раз перед ней. Дворянству был предложен по тем временам очень прогрессивный вариант самоуправления.

В системе модернизационных мер Екатерины было и создание Вольного экономического общества. Она считала важным дополнить государственную машину России независимым обществом, которое назвала Вольным. Это была первая в Европе общественная организация по проблемам экономики. В то же время Екатерина назвала ВЭО Императорским, чтобы подчеркнуть его основную социальную роль — служить Российскому государству.

Главные итоги модернизации следующие.

Первый. Было создано новое государство — Российская империя.

Второй. Россия от боярского, вотчинного хозяйства окончательно перешла к дворянскому, поместному хозяйству.

Третий. Россия переориентировалась с Востока (который во времена Золотой Орды принес ей не только иго, но и достижения Китая, Индии и всего Востока) на Западную Европу, начавшую существенно опережать остальной мир в прогрессе.

Четвертый. Модернизация была силовой. Обрезание бород было не самым жестким способом, хотя и очень наглядным.

Фундаментальной проблемой стало **появление после модернизации двух России.**

Одной — европейской, одетой в европейские одежды и даже говорящей больше по-французски.

И второй — крестьянской, оставшейся в старом облике, а порой даже со своей старой, дониконовской православной верой — старообрядчеством.

Этот раскол страны на две стал самым главным среди отрицательных следствий модернизации Петра и Екатерины.

1.2. Модернизация Александра Великого (отмена крепостного права)

Этот грандиозный модернизационный проект получил в истории России название Эпохи великих реформ.

Он был начат императором Александром II отменой в 1861 году крепостного права. Суть его состояла в выходе из феодализма и переходе к капитализму.

Какие позитивные черты этой российской модернизации следует отметить?

Первое. Исключительную по полноте и глубине **теоретическую базу** модернизации. Почти полвека после победы над Наполеоном вся мыслящая Россия непрерывно обсуждала все подходы, все варианты, все аспекты отмены крепостного права. Свои позиции сформулировали славянофилы и западники, демократы и представители монархии.

Второе. Исключительно четкое видение главной, коренной проблемы — **освобождение крестьян**, отмена крепостного права.

Третье. Комплексность преобразований. Земельную реформу сопровождали реформы всех сторон жизни общества. Реформа судебной власти. Реформа армии. Реформа полицейской власти. Реформа крестьянского, дворянского и городского самоуправления, создание объединяющих их земств. Отмена цензуры. Модернизировалось все российское общество.

Четвертое. Исключительный по организованности **механизм** модернизации. Он был таким, что позволил **меньшинству** правящего класса во главе с императором при нейтрализации или даже подавлении неизмеримо превосходящего консервативного большинства дворянства осуществить грандиозные преобразования.

На фоне пропитанного кровью, революциями, войнами преодоления феодализма Англией, Францией, Соединенными Штатами Америки, Россия попыталась впервые в мире осуществить мирный, бескровный вариант выхода из феодализма. Опыт этих реформ — вклад России в мировую цивилизацию.

Наконец, **пятое**. Четкая **долгосрочная программа** модернизации. Ни большевистских авантюр «в 500 дней», ни правых шоковых авантюр «уже к этой осени» — не было и в помине. Зная свою страну, зная грандиозность проблемы, с самого начала был заявлен срок в двадцать лет с двумя десятилетними периодами. Годы и годы напряженных усилий.

Итогом этой российской модернизации стала нормальная, средняя по уровню промышленного развития европейская страна. И вполне заслуженно Александра II назвали в русской истории — так же как и Петра I, как Екатерину II — Великим.

Но итогом стали и три русские революции начала XX века, разрушившие романовскую империю. Почему? И тут надо отметить **отрицательные уроки** модернизации Александра II.

Первое. Инициатором и двигателем модернизации был глава государства, его окружение, его правительство, царская администрация.

Они действительно честно добивались **выхода** из феодализма. Но они при этом искали, нашли и реализовали такой **вариант** этого выхода, при котором на первое

место были поставлены интересы правящей бюрократии, абсолютизма во главе с царем.

Поэтому были отвергнуты два лучших варианта: или передать в ходе освобождения крестьян им всю землю (американская модель), или сохранить всю землю у помещиков (прусская модель). Был реализован такой вариант, при котором ни помещики, ни крестьяне сами не могли развивать сельское хозяйство, нуждались в постоянной опеке царя и всей бюрократической машины абсолютизма. В итоге крестьянство стало врагом абсолютистской модернизации. А это — 90 процентов населения России.

Второе. Россия **не была освобождена от консервативной части** правящего класса феодального общества. Ему заплатили не просто откупные. Его оставили у власти в надежде, что он сам соизволит превратиться в созидательный класс предпринимателей. Но этот путь избрало меньшинство, а большинство предпочло паразитировать, прежде всего в органах царской бюрократии. Это стало камнем на шее модернизации.

Третье. Организуя модернизацию, царская монархия не сумела найти формы взаимодействия с **оппозицией**. Начиная с гражданской казни Чернышевского, на небольшую по численности группу противников Петербург обрушивал процесс за процессом. Под этими ударами в среде оппозиции становились лидерами все более радикальные элементы, в том числе и ориентированные на террор. В конце концов они выделили главные «позиции» своей борьбы в самом названии своей организации —

«Земля и воля». Земля — крестьянам. Воля, свобода, демократия — всему российскому обществу.

Модернизационный проект Великих реформ закончился эпохой русских революций.

1.3. Модернизация Михаила Горбачева (*попытка обновления социализма*)

Свою модернизацию М.С. Горбачев правильно назвал «перестройка». В ходе перестройки Горбачев решил продолжить курс Н.С. Хрущева на преодоление сталинской модели советского социализма.

Примечательно, что оба соперника Хрущева по борьбе за власть — Маленков и Берия — тоже были ориентированы на эту же цель.

Но Хрущев, столкнувшись с трудностями реформ, решил отказаться от них и идти путем форсирования в СССР коммунизма — через двадцать лет, при жизни нынешнего поколения советских людей. Советский правящий класс — номенклатура и вся бюрократия государственного социализма — вступать в коммунизм не торопился и отправил своего вождя в отставку.

Горбачев решил выйти в ходе своей модернизации из советского социализма в социализм гуманный, социализм демократический, социализм справедливый, социализм обновленный.

Модернизация Горбачева не состоялась. И для нас, размышляющих о новой модернизации, очень важно понять причины этого исторического поражения. Среди главных можно выделить три.

Первая. Ошибочный выбор **цели** модернизации. Горбачева часто обвиняют в том, что он не имел программы перестройки. Правда же в том, что он и программу имел, и следовал ей, но эта программа была **ошибочной**. Горбачев считал, что перестройка должна дать обновленный социализм. А стране нужно было вообще выйти из социализма. Выйти на дорогу мировой цивилизации, которая во второй половине XX века пошла по пути постиндустриального общества.

Вторая. Горбачев не сумел определить **главную опасность** своей модернизации. Этой опасностью был национализм. Самым слабым звеном советского социализма оказалась многонациональная структура СССР.

Нетрудно было понять, что если социализм демократический, то первыми, кто воспользуется демократией и вытекающими из нее правами, должны были стать именно союзные республики. Что и произошло.

Если социализм гуманный, то он должен уважать права человека, и первое из этих прав — право на свой язык, свою культуру, свою историю, свою нацию. Судьба СССР при избранном горбачевском варианте нового социализма была predetermined.

Третья. Горбачев не нашел **движущую силу** для своей модернизации. Если действительно идти, как хотел Горбачев, по пути демократического и гуманного социализма, то такой социализм должен устраивать весь народ. А большинство народа России хотело не нового социализма, а полного отказа от него, выхода из социализма.

Модернизация Горбачева столкнулась с тем же, что и реформы Александра II, — обе непоследовательно решали главный, самый фундаментальный вопрос — о будущем страны. И обе, несмотря на все усилия и все успехи, закончились революциями.

Модернизация Горбачева, его перестройка оказалась неудачной только условно и только в личностном плане — в свете его желания построить новый социализм, гуманный и демократический. А исторически перестройка свою главную задачу выполнила: она освободила Россию от не соответствующего мировой цивилизации строя — строя государственно-бюрократического социализма — и дала старт новой постиндустриальной России.

Главные общие уроки модернизаций России можно обозначить так.

Позитивные

Во-первых, модернизации оказывались успешными, если они правильно выделяли **главный узел реформ**.

Во-вторых, модернизации шли успешно, когда ими лично занимались **первые лица** государства.

В-третьих, модернизации шли успешно, когда удавалось найти в стране заинтересованные в них **движущие силы**.

Негативные

Во-первых, когда модернизация сводилась к примитивному **подражательству** и воспроизводству западных образцов.

Во-вторых, когда в ходе модернизации происходила **дезинтеграция** России. То на «две страны в одной». То на вставшие на путь независимости части прежде единого государства.

В-третьих, при неправильном определении главных целей модернизации они заканчивались **революциями**.

Если мы хотим успеха новой модернизации, все эти уроки — и положительные, и негативные — всегда надо помнить. Но сегодня не менее важно учесть и то, что происходит во всем мире.

Раздел II. О модернизации человечества в XXI веке

2.1. Глобализация мира

Были в нашей истории времена, когда мы считали, что мир сам по себе, а мы, Россия, сами по себе.

Были времена, когда мы считали, что то, что мы делаем в стране, станет для мира и образцом, и инструкцией.

А сейчас исходной должна стать идея: ничего в России нельзя предпринимать серьезного, не взяв за основу ситуацию вокруг нас, на нашей планете. Мы должны вернуться к исходной мудрости русского крестьянина, который, перед тем как сеять или убирать, смотрел, какая на дворе погода.

Российская модернизация — приведение нас в соответствие с современностью — **требует анализа процессов в Европе, в Азии, в мире**.

Если выделять главное — то главная черта современного мира, окружающего Россию, внешней среды ее модернизации — это **глобализация**.

Когда мы двумя нажатиями кнопок нашего компьютера вводим себя во всемирную сеть информации — это глобализация.

Когда мы включаем свой мобильный телефон и оказываемся в контакте с миллионами других людей на планете — это глобализация.

Когда мы, задействовав спутниковую систему навигации, находим себя на планете — это глобализация.

Когда Китай заливаает вода, Южную Америку засыпает снег, а Центральная Россия задыхается от засухи и дыма горящих торфяников — это тоже глобализация.

Создать упорядоченную картину глобализации трудно.

Одна европейская страна призывает начать активную борьбу с болезнями среди африканцев. Ей нужны здоровые люди на сотни тысяч непрестижных и малооплачиваемых рабочих мест. В это же время другие страны Европы вводят разнообразные регламенты миграции работников из тех же африканских стран.

Одни европейские страны настаивают на запрете на продажу странам третьего мира современной ракетной техники и, тем более, ядерного оружия. Другие — прямо или косвенно — участвуют в распространении ядерных технологий.

Одни страны третьего мира выступают за усвоение всех стандартов европейской цивилизации. Например,

в самых отдаленных районах Китая дети одеты в европейскую одежду. Другие страны устраивают протесты, требуют от женщин носить на улице паранджу.

Одни мусульманские страны активно проводят линию на интеграцию с западным миром, а другие, уже не веря в возможность хоть когда-нибудь догнать Запад, развертывают кампании в пользу отказа от немусульманской культуры в защиту мусульманских ценностей — вплоть до отказа от телевидения.

В этом море противоречивых процессов надо выделить устойчивые, главные тенденции — если мы хотим определиться с будущей модернизацией России.

2.2. Генеральные проблемы глобализации

Определяющим для глобализации являются противоречия между **увеличением единства** современной человеческой цивилизацией и присущими ей же глубинными «**разрывами**».

Совокупность этих разрывов часто называют конфликтом Севера и Юга. Иногда — конфликтом европейской цивилизации и остального мира. Иногда — белой и других рас. За неимением лучшего я пользуюсь термином **Север и Юг**.

Первое — разрыв в уровне оплаты труда. Средний заработок на Севере несопоставим с южным.

Второе — разрыв в общем уровне жизни Севера и Юга, в масштабе и качестве получаемых на душу населения и на народ в целом материальных благ — от домов до дорог.

Третье — разрыв в уровне производительности труда на Севере и Юге.

Четвертое — разрыв в размере производственных и непроизводственных фондов, приходящихся на одного человека на Севере и Юге. Особенно фондов, находящихся на современном научно-техническом уровне.

Пятое — разрыв размеров рождаемости и общего ежегодного прироста населения на Севере и Юге.

Численные характеристики этих пяти разрывов у разных исследователей различные, но неоспоримо одно: разрывы грандиозны.

Будущее человечества будет определяться тем, как будут преодолеваются эти разрывы. Если не будут — современную цивилизацию ждет такой же крах, который две тысячи лет назад постиг Древний Рим, рухнувший под напором рвущихся к его богатствам варваров.

Попытки США (а точнее, объединившегося вокруг них Севера) создать какую-то перспективу преодоления разрывов полностью провалились. И из-за реванша в США и странах Севера умственно и идейно наиболее ограниченных кругов общества — сил финансового капитала. И в результате обрушившихся кризисов. И в итоге военных провалов в Ираке, Афганистане, на Ближнем Востоке. Горящие автомобили на улицах Парижа и Гренобля. Погромы в городах бывшей советской Средней Азии. Наш взрывающийся Кавказ. Почти что готовая к взрыву Латинская Америка. Запах ядерного оружия из Северной Кореи и Ирана. Словом, тупики.

Что же дальше?

Первый вариант: силовой. Север может попытаться ужесточить свой контроль. Но тогда надо добиться согласия в своем кругу — а это проблематично. Далее, надо выработать для Юга нормы и правила. А Юг может противостоять давлению Севера — ведь Юг имеет свое ядерное оружие. К тому же опыт СССР, который именно силовым путем поднимал отсталые части своей страны, для Севера маловдохновляющий пример.

Второй вариант. Руководство глобализацией переходит к Югу, который побеждает Север.

Юг вначале пойдет по пути русской революции 1917 года и организует передел накопленного Севером. Но, даже если каждый на Севере отдаст все, что он имеет, на одного жителя Юга придется так мало, что он изменится немного.

К тому же, если вспомнить гениального Булгакова, то уплотнения квартир, произведенные Швондером, постоянно сопровождалась поломками то канализации, то водопровода.

Поэтому Юг встанет перед дилеммой. Или объявить образовавшийся после передела северного добра низкий уровень потребления пределом человеческого счастья. Или искать источники роста производительности. Для этого искать, говоря словами того же Булгакова, профессоров Преображенских. И создавать им условия.

Но когда «опомнится» Юг? Ведь в Западной Европе вспомнили о Гомере и стали ценить Данте и Микеланджело только после столетий средневекового мракобесия!

Так что **вариант перехода лидерства к Югу возможен, но как самый опасный и самый малоперспективный и для человечества в целом, да и для самого Юга.**

Если «не тянут» ни Север, ни Юг, то, согласно принципу дополнительности Бора, остается искать **компромиссный вариант.**

Юг берет контроль над 9/10 мира и сам будет организовывать эту часть — без всякого участия Севера. Проводит **свою** глобализацию. В приемлемых для него, Юга, формах и в приемлемые для него сроки. Пример для Юга есть: введение Китаем контроля над рождаемостью, ставшее одним из главных факторов его подъема.

А Север, отделившись от Юга, будет развивать научно-технический прогресс и будет передавать (частично безвозмездно) свои достижения Югу.

Подлинной гарантией безопасности Севера может быть только неуклонно реализуемая и Югом, и Севером интеграция.

Этот третий вариант глобализации — вариант **обособления и интеграции** — и дает человечеству пусть какие-то, но все же гарантии будущего.

2.3. «Ниши» для России в мировой модернизации

В свете анализа будущего человечества можно перейти к вопросу о вариантах перспективных «ниш» для модернизации России — если использовать биологический термин «ниша» в экономике. Если же брать термин из теории управления, то подходит понятие «вакансии».

Какие есть «вакансии» для России в будущем мире?

Вариант первый. России надо где-то спрятаться, отсидеться и пережить эпоху бурь между Югом и Севером. Вариант нереальный. Сегодня прятаться негде.

Второй вариант. Россия переходит на сторону Юга. Вариант неприемлем, так как в пяти миллиардах людей Юга этносу России в сто-двести миллионов не сохраниться.

Вариант третий. Попытаться «усидеть на двух стульях», где-то между Севером и Югом. Это путь, по которому шел СССР и который активно защищают некоторые евразийцы в нашей стране. Вариант нереальный. Набросятся и те и другие и растащат Россию.

Вариант четвертый. Войти в состав Севера. **Здесь, и только здесь есть перспективы для России.**

Но этот вариант имеет следующие три подварианта.

Подвариант первый — стать во главе Севера. Для этого у России нет ресурсов. И вообще Север одного лидера уже никогда не примет.

Подвариант второй — стать во главе Севера в паре с какой-то великой державой — будь то США или Германия. Но «двуглавый» мир не состоялся еще в XX веке.

Подвариант третий. **Остаться в составе Севера в качестве одной из великих держав. Этот подвариант наиболее приемлем для сохранения России в XXI веке.**

Если продолжать строить «дерево будущего», то у подварианта **«великая держава в составе Севера»** есть уже свои «ветви». Они различаются в зависимости от ответа на вопрос: **в каком качестве России жить в составе Севера?**

Ветвь первая. Россия будет для Севера **ракетно-ядерным щитом**. Возможно, но опасно. По опыту СССР мы знаем, что в стране военно-промышленного комплекса вырождаются и правящий класс, и весь народ.

Ветвь вторая. Россия будет **сырьевой базой** для Европы. Опять-таки вариант возможный, но тоже опасный. Ни одна из нефтедобывающих стран арабского мира не стала великой. И правящий класс, и народ в стране, торгующей своими природными ресурсами, тоже обречены на вырождение.

Ветвь третья. Россия — поставщик **трудовых ресурсов** — от интеллектуалов (через транзитные пункты типа «Сколково») до дворников и проституток (после отмены виз) — в страны Севера. Эта ветвь развития тоже ведет к вырождению России.

Ветвь четвертая. Россия, используя свои европейские традиции, особенности своей культуры и традиции теоретической науки, становится одной из тех стран Севера, **которые будут его мозгом**. Вариант трудный, но самый привлекательный.

Ветвь пятая. Комбинирование. За основу берется ветвь четвертая («мозг»), но она укрепляется элементами всех трех других ветвей: и ракеты, и сырье, и трудовые ресурсы.

На мой взгляд, именно эта пятая ветвь четвертого варианта и представляет наибольший интерес. Ее главной составляющей — формированию России XXI века как одного из мировых центров теоретической науки — посвящен последний раздел этого материала.

Раздел III. О модернизации России в XXI веке

3.1. Важные, но недостаточные программы модернизации России

Есть программы модернизации, безусловно, важные для России. В качестве главных можно выделить три.

Первая. **Ядерная и космическая программы.** За полвека наша страна, жертвуя самым необходимым, создала в этих областях мощный потенциал: научный, конструкторский, технический. И его эффективное использование может и должно стать одной из программ российской модернизации.

Вторая. **Сырьевая программа.** Мы обладаем значительной долей мировых запасов многих видов сырья. Это углеводородное сырье — нефть, газ, сланцы и т. д. Это, далее, огромные ежегодные приросты лесного массива. Это, наконец, пресная вода. И некоторые другие виды сырья. Необходимо научиться готовить это сырье к экспорту. Но само по себе это направление модернизации очевидно.

Третье. Программа в области **климата.** После прошедшего лета необходимость мер в этой области очевидна.

Первый неотложный комплекс мер здесь — это преодоление последствий осуществленной в годы советской власти мелиорации. Осушение российских болот, речушек, малых водоемов создало самовозгорающиеся торфяники. Видимо, надо восстанавливать то экологическое равновесие, которое было веками в Центральной России. Проще говоря — вернуть земле воду.

Второй комплекс мер для стабилизации климата — преодоление последствий строительства за годы советской власти комплекса водохранилищ на Волге. При этом затопили миллионы гектаров самых плодородных земель России вдоль поймы Волги и ее притоков. Уничтожили Волгу как источник добычи рыбы, дававший еще в тридцатые годы вместе с Каспием 90 процентов всего улова страны. Самое же опасное — создали своего рода кольцо, в котором над центром России крутятся то жаркие антициклоны, то дождливые циклоны.

Но как бы ни были важны для будущего России эти три программы модернизации: ядерная и космическая, сырьевая и климатическая — все они, говоря языком математики, **необходимы, но недостаточны**.

К тому же все эти три программы уже в ближайшем десятилетии из национальных обязательно превратятся в международные. Уже действуют международные космические программы. Уже стоят на очереди международные климатические программы. И — в перспективе — меры по интернационализации запасов и добычи сырья.

При интернационализации, разумеется, надо будет учесть интересы стран, на территории которых расположены месторождения, через солидную ренту. Но в то же время ясно, что, во-первых, нет никакой собственной заслуги у страны в том, что на ее территории оказались запасы алмазов или нефти. Во-вторых, сама потребность в этом виде сырья и ее объемы заданы мировым прогрессом. Урановая руда стала ценностью прежде всего благо-

даря ученым-физикам, а не благодаря населявшим Южную Африку племенам.

Есть еще один фактор интернационализации природного сырья: ради мирного будущего человечества надо устранить потенциальные конфликтные зоны. Без интернационализации запасов и добычи сырья планету ждут конфликты. Из-за дна Ледовитого и других океанов. Из-за Антарктиды. И, в конце концов, из-за Луны. По этому пути идти нельзя. Должны быть созданы международные агентства по космосу и ядерной энергетике, по добыче нефти, газа, по климату и т. д.

Перспектива интернационализации означает, что национальные интересы страны перемещаются в сферу определения размеров квот страны в добыче, в доходах, в ренте и т. д.

Указанные три модернизационные программы России необходимы, но недостаточны для будущего России в XXI веке.

Что же может стать главной линией модернизации России на весь XXI век?

Вся элита России, все ее интеллектуальные силы и в том числе Вольное экономическое общество должны предложить свои варианты ответа на этот вопрос.

3.2. Цель модернизации: Россия — мировой центр теоретической науки

История учит, что главным всегда и везде остается технический прогресс.

На полтавском поле, как писал Пушкин, «шары чугунные повсюду». Но он деликатно не подчеркнул, что до того, как шведы смогли начать свой знаменитый штыковой бой, их час за часом молотила артиллерия Петра I. Пушек у русских было не в два, не в три, не в пять, а в двадцать раз больше, чем у шведов.

А за несколько столетий до этого пара сотен казаков Ермака подавила хана Кучума, так как имела «огненный бой» в виде пушек и ружей.

Одна тысяча пилотов Великобритании летом 1940 года отбила почти трехтысячную армаду самолетов Германии, так как на стороне англичан были радарные установки.

Есть все основания считать, что и в XXI веке **будущее человечества прежде всего будет связано с научно-техническим прогрессом. Поэтому именно в этой области надо искать место для России.**

Место в будущем — это место в научно-техническом прогрессе.

Научно-технический прогресс, как известно, включает огромный комплекс из блоков теоретической науки, прикладных наук, опытно-конструкторских разработок, экспериментальных производств.

России трудно вписаться в области, в которых уже десятилетиями работают другие страны. Нам уже нечего делать не только в автомобилестроении, но и в такой еще новой области, как производство компьютеров.

Но даже там, где у нас перспективы есть, например в разработках программного обеспечения, нам придется

соревноваться со странами, которые тоже избирают эти области в качестве приоритетов. Например, с Индией.

Но есть область в человеческом прогрессе XXI века, в которой у нас имеются не только шансы, но и более чем реальные возможности. Это сфера теоретической науки.

У теоретической науки особые «привязанности» к странам и народам. Тысячелетняя история Китая демонстрирует изумительные результаты в виде пороха, компаса или бумаги. Но вовсе не теоретические обобщения в виде научных терминов физики или математики.

Грандиозные усилия Японии, с ее запасом в сотни миллиардов долларов, по созданию своей теоретической науки вот уже десятки лет, после того как США после окончания холодной войны отключили ее от питания из своих «запасов», заметных результатов не дают.

И даже США до сих пор живут «импортом мозгов» из других стран.

Напрашивается вывод: **чтобы стать страной теоретической науки, нужны какие-то особые условия, целый комплекс таких условий.**

Каких именно?

Это наличие у нации присущего науке **типа мышления**. Он связан с разными факторами — от генетического фонда нации до особенностей климата.

Нужны традиции целых веков полной свободы от всякого физического труда — как у жрецов Древнего Египта или у граждан Древней Греции. Нужны традиции сред-

невекового Возрождения. Традиции веков европейской свободы индивида.

Я мог бы продолжать перечень, но мы все знаем и знаем давно, что **только в Западной Европе и России формировалась и развивалась теоретическая наука.** И в прошлом. И до сих пор.

И, думаю, логичен мой вывод: **главным направлением модернизации России в XXI веке должно стать превращение России в один из ведущих центров теоретической науки мира.**

Это именно та область, где мы не только можем выдержать конкуренцию. Это та область, где с самого начала мы уже имеем фору, уже опережаем других, во многом уже вне конкуренции.

Почему?

Во-первых, в России есть исторические традиции теоретического мышления и склонность к теоретическому мышлению.

Например, в силу генетического разнообразия русской нации. Хорошо помню, как на одной из лекций по истории профессор Полянский на вопрос «куда делись печенеги?» ответил: **никуда. Они здесь. На улице Горького. Ходят. Они в каждом из нас.** То же самое можно сказать о растворившихся в русских скифах, хазарах, готах, половцах, печенегах.

Во-вторых, фактором, способствовавшим интересу к теоретической науке, стало слияние в русской истории традиций античности из Византии, традиций Китая и Индии, дошедших до Руси во время Золотой Орды, тра-

диций западноевропейских наций, пришедших через прорубленное Петром I окно в Европу.

В-третьих, влияло и то, что для теоретического исследования не требовалась какая-либо особая материальная база. И приехавшему в Петербург гениальному Эйлеру. И творившему в Казани не менее гениальному Лобачевскому.

Развитие теоретических наук не зависит напрямую ни от инвестиций, ни от уровня зарплат. И самый гениальный математик современности Григорий Перельман спокойно живет в одиночестве под Петербургом, предпочитая лес всем многочисленным математическим тусовкам типа нашего экономического Давоса или хваленым научным центрам типа Стенфорда с его Силиконовой долиной.

В-четвертых, для понимания несомненной способности русского народа к теоретической науке исключительно важны соображения А.С. Кончаловского.

Хорошо известный кинорежиссер и деятель культуры и, к сожалению, малоизвестный мыслитель современной России вслед за С. Хантингтоном и Л. Хариссом в качестве самого исходного определяющего фактора цивилизационного процесса выделяет фактор «культуры».

Кончаловский справедливо относит российскую культуру к тому, что эти идеологи называют «крестьянской культурой» — с ее семейным радиусом доверия, с ее слабой мерой ответственности индивида, с ее тягой к власти, с ее отношением к труду как повинности, а к новатор-

ству — как угрозе стабильности и ереси, с ее отношением к богатству как предмету зависти и т. д.

С этой точки зрения России очень сложно не только быть одним из лидеров, но даже полноправным участником модернизационного процесса современной цивилизации.

Но необходимо продолжить анализ А.С. Кончаловского.

Дело в том, что была крестьянская культура Древнего Египта, где полная зависимость от единой системы орошения порождала иерархические системы власти.

Была и «рисовая культура», в которой решающим являлись исключительная точность и добросовестность повторяющихся единичных действий, что потом стало фактором победного шествия в странах рисовой культуры полупроводниковых технологий.

В России главная особенность крестьянской культуры в том, что не более половины года есть работа. А в остальные месяцы долгих зим в основном господствует пассивность и полупассивность. Но даже во времени сельхозработ тоже есть периоды пассивного ожидания роста и созревания урожая. И созерцательное мышление тут более чем объяснимо. Потом наступает время штурмов, авралов, когда «день год кормит». Как отмечалось еще в XIX веке, эта готовность к сверхнапряжению сил была фактором успехов русских воинов во многих сражениях.

Долгие месяцы физической пассивности создавали возможность особого типа размышлений. Серьезных и

глобальных. Но весьма далеких от любых близких практических проблем и нужд.

В этих своих размышлениях человек русской культуры выходил из-под контроля не только власти, но и всех традиций крестьянской культуры. Из-под канонов православия с его нетерпимостью к инакомыслию. Мышление такого русского «обособленного», «изолированного» человека отличалось особенной самостоятельностью, независимостью, оригинальностью, индивидуальностью. Это мышление человека, освобожденного от того «ученичества» русских, о котором справедливо писал Василий Ключевский. В общем, появлялись черты, очень важные для теоретической науки.

И типичный пример — учитель калужской гимназии К.Э. Циолковский, живущий в двух ипостасях. Первая — во время работы в гимназии. И вторая — когда ночами в камерке его мысли, освобожденные от всего повседневного, устремлялись к звездам.

Или как мелкий чиновник Липутин у Достоевского в «Бесах», который по ночам отвлекается и от службы, и от проблем быта, погружается в «общество будущей социальной гармонии». Или как «князь Федор» в «Горе от ума» Грибоедова превращается из барина в «физика и ботаника».

Вот почему я уверен, что и особенности крестьянской культуры России являются одним из доводов в пользу способности России стать страной теоретической науки.

И наконец, **в-пятых**, влияла советская эпоха, когда противостояние остальному миру заставило развивать

значительный блок научного комплекса, в том числе и всю его теоретическую часть.

Главный вывод: у России есть все шансы стать одним из главных мировых центров теоретической науки в XXI веке. Быть частью мирового мозгового центра. **Именно линия на превращение России в центр теоретической науки должна стать главной линией модернизации России в XXI веке.**

Для реализации этой линии необходимо сосредоточить внимание на трех группах проблем.

Первая. Это развитие **самой теоретической науки.**

Вторая. Это развитие **обеспечения теоретической науки.**

Третья. Это создание **среды для теоретической науки.** Остановлюсь тезисно на этих проблемах.

3.3. Развитие теоретической науки

Было бы с моей стороны несерьезно пытаться изложить то, что должно стать результатом многолетней дискуссии в широких интеллектуальных кругах нашей страны.

Было бы с моей стороны неуважительно пытаться подменить ученых-естественников в определении того, как должна быть организована их наука.

Было бы далее самонадеянностью, если бы я пытался подменить социологов в поисках ответов на вопрос, какой должна быть социальная среда страны теоретической науки или политологов, философов и юристов при

поиске общественно-политической модели России как центра теоретической науки.

Поэтому я сделаю то, что когда-то делали «сводники» — как звали работников сводного отдела Госплана. Они до начала всех работ над новым долгосрочным планом предлагали контуры предстоящей работы всем отделам Госплана. После работы тех по своим направлениям первые итоги сводились и контуры общего уточнялись. И опять работа уходила в отделы. Спустя много месяцев появлялись от них материалы, которые уже можно было сводить в первый вариант пятилетки. Но и этот вариант снова запускался в обсуждение.

Помня этот очень важный опыт прошлого, я тоже попытаюсь обозначить только первые отправные точки для последующих дискуссий.

Что значит для России стать страной теоретической науки?

Первая проблема — это создание всего **комплекса** теоретических наук. От математики и физики, от биологии и химии до экономики, истории, права, до классической филологии и философии. Науки питают не только «юношей», но и друг друга. Более того, именно на стыке наук, на проникновении методов одной науки в другую чаще всего появляются открытия.

Другая проблема — обеспечение максимально необходимого **объема** исследований. Нужна своего рода критическая масса, без которой цепная реакция плодотворных исследований невозможна.

Теоретическая наука требует особой **организации**. Для ее успехов не нужно создавать многоэтажные комплексы институтов. Наиболее приемлемы разного рода дискуссионные клубы, семинары, симпозиумы, даже кружки.

В теоретической науке **нет начальства**, а авторитеты великих условны. И права у каждого ученого должны быть одинаковые.

В теоретической науке **недопустимы идейно-теоретический диктат**, приверженность к нормам — пусть даже государственным или религиозным. Диссиденты в теоретической науке — верный признак того, что она живет.

Но в то же время теоретическая наука должна иметь определенные **нормативы**: гуманности, порядочности, морали и нравственности. В науке должно действовать то, что называют первым законом робототехники: ученый (как и робот) в принципе не может допустить вред для человека.

Теоретическая наука — это прежде всего **ученые**. Ее опора: интеллектуалы, интеллигенция. Для них не имеют значения иерархия, звания и т. д. **Оплата** должна быть почти одинаковой, но столь большой, чтобы не отвлекать от научных занятий.

Для ученых необходим свой **подход к возрасту**: и к **молодости**, и к **старости**. Чем раньше молодежь включится в науку, тем больше гарантий нестандартности. Но зато и старость в науке не имеет иной границы, кроме способности творчески думать.

Я мог бы продолжать. Но, повторяю, что вопрос правильной организации теоретической науки — это дело самих ученых и предмет их творческих инициатив.

3.4. Десять «бесов» российской модернизации

Почти четыреста лет назад Френсис Бэкон на рубеже перехода эпохи Возрождения в эпоху Просвещения изложил свои соображения о тех опасностях, которые подстерегают человеческий разум.

Эти опасности он назвал «призраками» или «идолами». Читавший мне в студенческие годы историю философии профессор Гольдентрих называл их не «идолами» и «призраками», а «демонами». Но при этом говорил, что в русском изложении более уместно было бы слово Ф.М. Достоевского — «бесы». Они являются символами тех искушений, которые подстерегают науку и ученых с умыслом сбить их с пути.

Со времени Бэкона количество «бесов» только росло. И прав был А.С. Пушкин, воскликнувший в своем знаменитом стихотворении о Бесах: «Сколько их, куда их гонят?»

Какие главные «бесы» подстерегают модернизацию России XXI века?

Первый бес — **«Бес помпадура»**. Градоначальник из города Глухова в книге Салтыкова-Щедрина считал, что он и имеет право, и обязан всем руководить. Этот Бес считает, что модернизация — это прежде всего дело российской номенклатуры. Она все знает. Она всем будет командовать. Сложные проблемы модернизации России

она решает тут же, за столом, дерзко воображая, что раз кто-то сел в это кресло, то уже может решать все. Великая общенациональная задача модернизации превращается в функции бюрократии, Кремля и Белого дома.

Второй бес — **«Бес рыночного прилавка»**. Когда в качестве программы модернизации предлагают все что угодно. Чем уже торгуют. Что надо сбыть. На чем при-выкли зарабатывать. В итоге тут и нанотехнологии, и ав-топром, и сердечные болезни, и поля для гольфа. Список модернизации начинает напоминать прилавки Черкизов-ского рынка или не менее знаменитой Горбушки.

Третий бес — **«Бес Иванушки»**. В «Коньке-Горбунке» Ершова Иванушке достаточно прыгнуть в котел с кипя-щим молоком и тут же вылететь из него писанным кра-савцем. Этот бес представляет модернизацию чем-то эле-ментарным, легким, быстрым. С получением результатов уже к следующим перевыборам власти.

Четвертый бес — **«Бес верблюжьего горба»**, бес на-следственных болезней России — коррупции и казно-крадства. Будет модернизация или нет, а деньги обяза-тельно будут распределены и истрачены.

Пятый бес — **«Бес остаточности»**. В советском плани-ровании был знаменитый остаточный принцип: многим сферам, начиная с культуры, доставалось то, что остава-лось в котле государства после главных расходов.

Вот и теперь на модернизацию выделяют то, что оста-нется после расходования на двух главных направлениях ближайших двух лет. Первое — расходы на опору власти, номенклатуру и олигархию. Второе — расходы на соци-

альную подкормку масс, призванную обеспечить их голосование на выборах в Думу и Президента. Ну а остаток можно или пустить на модернизацию, или на разговоры и конференции на эту тему.

Шестой бес — **«Бес национального чванства»**. Этот бес толкает на подчеркивание «своего» в теоретических достижениях. Беса этого лучшие люди России во все времена называли «квасным патриотизмом». С ним связаны идеологическая или религиозная нетерпимость.

Но ведь успехи России по развитию теоретической науки не только никому не угрожают, не только никому не противостоят, но, напротив, и опираются и взаимодействуют с достижениями других мировых центров теоретической науки в разных странах. Курс на превращение России в страну теоретической науки открывает новые перспективы перед всеми народами России. От них страна будет ожидать не борцов или футболистов, не танцоров или певцов, а ученых. И этот «спрос» открывает перед ними такое же великое будущее, как и перед самим русским народом.

Теоретическая наука наиболее интернациональна по своей природе, и поэтому наиболее благодатная сфера международного сотрудничества и интеграции.

Седьмой бес — **«Бес купеческого разгула»**. У нас так много денег и возможностей, что мы можем позволить себе не только теоретическую науку, сферу ее обеспечения и среду ее развития, но и еще расходы на другие, сулящие быстрый доход или какой-то престиж участки. На Олимпиаду или трассу для автогонок.

На самом деле принцип должен быть один: **каждый рубль — на направление главного удара.**

Восьмой бес — «**Бес бескультурия**». Раз во времена Сталина создали и бомбу и ракеты без свободы культуры, обойдемся и сейчас.

На самом деле тогда работали ученые, выросшие под влиянием великой русской культуры прошлого. И сейчас невозможно представить, чтобы творцами в науке были малокультурные или односторонне культурные люди.

Девятый бес — «**Бес шарашки**». Если при социализме науку удалось развивать за решетками лагерных шарашек, то и теперь обойдемся без личной свободы и демократии.

Но тогда развивали только военную науку и по преимуществу военно-промышленный комплекс. Во-вторых, крали все, что могли, в странах свободы и демократии. В-третьих, в шарашках сидели люди, выросшие как ученые в условиях того духовного освобождения, которое принес в умы такой гигантский общественный разлом, как три русские революции.

Десятый бес — «**Бес словоблудия**». Бес — традиционный для советской эпохи, основанной на замене действий на деле действиями на словах. Это подмена реальных дел изнуряющими речами и обсуждением. Словом, утопление дел в словоблудии.

Все эти десять бесов — не абстракция. Они уже настроились на модернизацию, присосались к ней, паразитируют на ней.

Поэтому первая и постоянная задача всех, кто понимает значение модернизации для современной России как страны и русских как этноса, а также для народов, связавших судьбу с Россией, — это **постоянная борьба с искушающими нас «Бесами модернизации»**.

Антикризисные программы для России

Лекция

в Международном университете в Москве

10 февраля 2015 года

Когда человеку, как мне, исполняется 78 лет, чем он должен заниматься? Он должен заниматься анализом своего прошлого. Потому что, конечно, потом его прошлое будут оценивать другие люди, но он должен высказать и свои соображения о времени, в котором жил и работал. Что я и делал, когда писал десять книг серии **«Мне на шею кидается век-волкодав»**. А сейчас начал новую серию из пяти книг **«Время взглянуть судьбе в глаза»**.

Человек должен думать о будущем. Потому что он обязан передать своим детям и внукам свои соображения о том, что нас ждет. Этим я тоже занимаюсь. Читал, вы знаете, лекцию о Великой Альтернативе XXI века.

Поэтому обсуждать текущие проблемы вроде уже неудобно, раз ты ни в чем не участвуешь и ничего уже сделать не можешь.

Но тем не менее я все-таки счел необходимым предложить именно эту тему. Почему?

Беда нашего времени состоит в том, что, к сожалению, явно недостаточно соображений общего характера. Советская эпоха выработала в нас определенный иммунитет ко всяким разговорам об общем, о будущем,

потому что слишком уж много, на каждом шагу, об этом нам говорили. А текущее было совсем другое.

Но сейчас, на мой взгляд, ситуация такова, что требуется анализ общего характера.

1. Кризис мировой экономики: истоки и причины

Веками русский крестьянин, перед тем как составлять график дневных работ, выходил на улицу посмотреть, какая на дворе погода.

Вот и мы, прежде чем начать рассматривать проблемы России, должны оценить общую, условно говоря, «погоду на дворе» — ситуацию в мире в целом и особенно в Западной Европе и США.

Именно потому, что я пытаюсь охватить все в целом. Первый комплекс вопросов, на которых я хочу остановиться, касается **мирового кризиса, его истоков и причин.**

Какие общие соображения я хотел бы отметить?

На мой взгляд, было допущено, пять фундаментальных ошибок.

Первая из ошибок состояла в том, что неправильно были оценены результаты холодной войны.

Тот факт, что распался Советский Союз и что государственный бюрократический социализм проиграл, был расценен таким образом, что его противники победили.

На самом деле, если одна сторона проиграла, это вовсе не значит, что победила другая сторона. Просто она выжила, уцелела.

Но ее сочли победителем. Это была первая ошибка.

Отсюда была допущена *вторая ошибка*. Вместо того чтобы внимательно посмотреть на себя, на победителя, вместо того чтобы разработать комплекс мер по модернизации победителя, изменения его с учетом новой ситуации после окончания холодной войны, была принята концепция, что вот то, что победило, это и есть идеал. За него надо держаться. Его не надо модернизировать.

Ведь что требовалось? Требовалось преодолеть остатки капиталистической системы в постиндустриализме. Требовалось преодолеть господство финансового капитала. Требовалось преодолеть развитие, при котором кризисы регулируют развитие. Требовалось начать систематическую борьбу с безработицей. Требовалась программа подъема третьего мира. Ничего этого не было сделано. Остатки капиталистической модели в постиндустриализме обрекли мир на неустойчивое развитие. На кризисы. 2014-й — очередной.

Третья ошибка была тоже очень важная. Результатом холодной войны стала огромной сложности задача для Соединенных Штатов Америки (как и для России): провести конверсию, освободиться от гигантского блока военно-промышленного комплекса.

Этот военно-промышленный комплекс был нужен не только США, он был нужен всему западному миру.

Поэтому задача провести конверсию в США была мировой задачей.

Но мир отказался помочь США в конверсии. Ведущие страны Запада и Япония решили экономию от военных расходов тратить на себя. И пусть США сами, своими силами, распутываются с военно-промышленным комплексом. Это была фундаментальная мировая ошибка.

Четвертой ошибкой я считаю концепцию развития Европейского союза после холодной войны. Я еще вернусь к европейским проблемам. Но главное в том, что Европейский союз принял две линии развития. Первая: на расширение ЕС. Вторая: в нем был сохранен принцип равноправия всех стран — его членов. Естественно, в нем большинство составили малые страны. А малые страны решили, что им крупные страны — даже после холодной войны — опасны. Поэтому надо ликвидировать Югославию. Ликвидировать Россию. Превратить Европу в сообщество мелких государств. В перспективе делить и Испанию, и Великобританию, и Италию, и т. д. Что-то похожее на древнее решение русских князей откреститься от единой Киевской Руси и стать сообществом равных.

Сначала взяли курс на дезинтеграцию Югославии. С этим — с большой кровью — но справились. Потом попытались взять курс на дезинтеграцию России. С этим не справились. ЕС не охватил всю Европу. И Европа не стала заповедником малых стран.

И наконец, *пятой ошибкой* я считаю отсутствие общего долгосрочного плана переустройства нашей планеты после окончания холодной войны.

Поэтому я полностью согласен с замечанием, которое недавно сделал наш замечательный, я считаю, министр иностранных дел Лавров. **Он сказал, что нынешний кризис — это не случайное явление. Это просто кульминация давнего развития, которое продолжалось уже несколько десятков лет.**

Теперь я перехожу **ко второму** блоку проблем — относительно собственно Западной Европы.

Чем характеризовалось развитие Западной Европы и в чем ее текущий кризис?

Первой ошибкой Западной Европы, как я уже говорил, было решение расширять Западноевропейский союз.

Западноевропейский союз уже к моменту окончания холодной войны был не очень устойчивым образованием. Первоначальное сообщество из шести стран было прочным. А вот уже к окончанию холодной войны расширенное сообщество. Тем не менее они решили продолжать интегрировать в Западную Европу другие страны Европы. Это была, на мой взгляд, ошибка.

Они повторили ошибку Советской России в 1917 году, которая решила, что она должна интегрировать все части бывшей Российской империи в единую Социалистическую республику. А теперь решили создавать Европейский союз из всех стран Европы. Никаких выводов из опыта Советского Союза, интегрировавшего

части, совершенно разные — от полуфеодалных до развитых капиталистических, — сделано не было.

Второй ошибкой, о ней я тоже уже говорил, был принцип равноправия стран внутри Европейского союза. Этот принцип равноправия республиканских компартий кошмаром висел последние годы над руководством Советского Союза, в котором блокировали лидерство России. А здесь он вообще превратился в то, что малые страны реально стали контролировать всю Европу.

Третья ошибка состояла в том, что в качестве главного курса был принят курс западноевропейской социал-демократии. А это был курс потребительства.

Курс западноевропейской социал-демократии на потребительство после 1945 года был понятен. Надо было отвлечь народные массы от Советского Союза.

Но теперь этот курс вновь навязали Западной Европе. Она сплошь занялась улучшением своего положения. Все деньги, которые были получены от сокращения военных расходов, вкладывались не в экономику, не в культуру или в науку. Они вкладывались в еду, в потребление.

Материальное положение каждого европейца значительно улучшилось. У меня есть знакомый, бывший профессор Афинского университета. Он с огромным удивлением сказал: «Ты знаешь, что произошло? Я сейчас выхожу на пенсию, мне пенсию дали более 1000 евро в месяц». Он даже мечтать о таких деньгах не мог. Его понять можно. Отсталая страна Греция — а в ней установили фантастические по размерам пенсии.

Я отмечу и другую картину. Европа после 1990-го была переполнена группами японских туристов. Огромные деньги, которые Япония высвободила из статьи расходов на военные нужды, она вложила не в развитие, а в развлекательные поездки своих граждан по всему миру. И вот уже много лет Япония барахтается в проблемах.

Четвертая ошибка. Когда создается система с господством малых стран, то в ней обязательно начинает расти бюрократическая надстройка. Масса малых и слабых — самая лучшая почва для бюрократии. Над Европой нависла туча европейской бюрократии: в Брюсселе и т. д.

Такая бюрократия, какая в Европейском союзе, была только в Советском Союзе.

Один мой знакомый, который имеет лавочку в центре Риги, латыш, говорит: «Жить невозможно. Я с трудом создал в центре Риги этот магазинчик. Каждые две недели приезжает какой-нибудь инспектор из Брюсселя и говорит мне: «У вас дверь не той высоты». «В Европе принят стандарт, что двери должны быть такой высоты». «Вы работаете не тем недельным графиком времени. В Европе принят такой стандарт графика работы в течение недели».

Я имел несчастье съездить в Брюссель и просить деньги для нашего университета. Но выяснилось, что без солидного денежного отката брюссельской бюрократии нам ничего не дадут. Дать готовы, но если мы треть денег вернем этим чиновникам. На это я пойти не мог. Но какие-то вузы в России, не буду их называть,

деньги из Брюсселя получали. Не исключено, что они на этот откат пошли.

Европейская бюрократизация — это четвертая ошибка.

И наконец, *пятая ошибка*. Европа решила помогать тем новым странам, которые в нее вошли. Но помогать по-советски, то есть командуя из Брюсселя: куда и как вложить деньги, которые Брюссель выделяет.

Беру Литву. Там есть Куршская коса. На ней за деньги Европы уже 20 лет строят дорогу через Куршскую косу. Каждый год приезжает новая комиссия. А вот ездить полностью по новой дороге до сих пор нельзя — не закончена.

Возвращаюсь к Греции. Приехал один знакомый, говорит: «Найдите мне срочно партнера в России». — «А что?» — «Вы знаете, для наших греческих районов Евросоюз готов выделить деньги. Если мы 30% денег вложим своих, тогда они дадут 70% денег». Я говорю: «Ну, а дальше?» — «А дальше мы поступим так: 50% денег, которые из Европы поступят, мы поделим — я и русский инвестор. Его реальные затраты будут 17,5%. Этих 17,5% его денег и 50% брюссельских мне хватит на этот проект».

Такая помощь абсолютно соответствует тому, что мы делали в СССР, пытаясь помогать Узбекистану, Армении или Грузии. Мы им всем помогали. Помогали так, что никто из них потом полслова благодарности не сказал. Никто не почувствовал себя необходимым остаться в единой стране.

Итог: кризис в Западной Европе стал закономерным результатом всего того курса, который принял Западноевропейский союз.

И наконец, **третий блок** мирового кризиса — это уже Соединенные Штаты Америки и третий мир.

Что произошло в Соединенных Штатах Америки?

В Соединенных Штатах Америки тоже было допущено несколько фундаментальных ошибок.

Первая ошибка — это идея того, что если победил в холодной войне Запад, то это победили мы, победили Соединенные Штаты Америки.

Раз мы победили, то *мы должны быть главой мира*. Ни США не были готовы к роли руководителя мира. Ни мир не был готов к тому, чтобы иметь США в качестве единственного руководителя. Но именно эта идея пирамиды была принята США.

Вторая идея. Раз нас бросили, раз нам решили не помогать в деле конверсии, то мы должны заставить Запад расплатиться с нами за то, что мы 30 лет тратили огромные деньги на защиту Запада от коммунистов.

А как заставить, если сами члены ЕС не хотят платить? Надо как-то заставить их платить. И заложить это в нашу пирамиду

Что будет опорой пирамиды США?

Казалось бы, ядерное оружие. Но нет. США понимали, что в XXI веке на ядерное оружие опираться недостаточно. Или его запретят, или оно «растечется» по миру.

Казалось бы, научно-технический прогресс. США в этой области могут вести мир за собой. И это не было

признано, так как в США победили на выборах вовсе не представители развитых штатов: Нью-Йорка, Массачусетса и даже не представители Калифорнии. В США победили относительно отсталые штаты Америки — Техас, Канзас и т. д.

Они решили, что основой господства США, основой пирамиды США должна стать энергетика. А для этого надо контролировать мировые цены на нефть и газ.

Возникла следующая проблема — чем обеспечить контроль над нефтью и газом?

План их первоначальный был простой. Надо взять под контроль арабские страны. В Ираке устроили войну. Из этого ничего не получилось. Тогда они решили давить на Иран. Тоже ничего не получилось. В целом силовой вариант обеспечения цен на нефть и газ американцы реализовать не смогли.

Тогда они приняли блестящее, на мой взгляд, решение. Они решили искать новую основу энергетической пирамиды США. В США появился сланцевый проект. Это выдающееся научно-техническое достижение. Мир должен был быть благодарен США за этот проект. Почему? Потому, что он освобождал и Европу, и всю белую расу от контроля тех отсталых стран, в которых есть нефтяные запасы.

Я не рассказываю, как был реализован этот проект. Как США блестяще обыграли нашу разведку и разведку всех западных стран. Как устроили взрыв в Мексиканском заливе, там горела какая-то скважина. Спутники, которые летали, сообщали, что США туда стянули ги-

гантскую технику. Видимо, тушить этот пожар. На самом деле все было стянуто для того, чтобы осуществить сланцевый проект. Но была создана видимость, что там спасаются от этой самой нефтяной аварии. Когда-нибудь напишут целые книги, как о Манхэттенском атомном проекте, каким образом обеспечили успех сланцевого проекта США.

Разрывом пластов, совершенно новым методом удалось получить нефть и газ. Но дорогие. Дороже, чем заправят на Ближнем Востоке и даже в России.

Тогда в США возникла важнейшая проблема. Как обеспечить сбыт из переполненных нефтехранилищ и газохранилищ по таким ценам, по которым Европа не хочет покупать? Как заставить Европу покупать?

Для этого требовалось только одно — заставить Ближний Восток и Россию не продавать в Европу нефть и газ. Для этого арабский мир и погрузили в хаос.

Но как заставить Россию? Это оказалось невозможно, потому что в этом случае созданная при Ельцине номенклатурно-олигархическая система рухнула бы сразу без ренты от вывоза нефти и газа.

Что оставалось делать Америке?

Вместо того чтобы созвать мировое совещание и честно сказать: «Возместите нам расходы на сланцевый проект. Давайте поднимем цены на нефть и газ в мире и сделаем рентабельными наши. Давайте отберем доходы у шейхов», США решили идти по другому, ковбойскому пути. Они решили реализовать украинский проект. Изменить правительство на Украине. Купить его было

недорого. А оно перекроет российские нефтепроводы и газопроводы, которые ведут в Европу. Это заставит Европу покупать газ по ценам США.

Вот этот проект США и реализуют с чисто американским напором и американской деловитостью до сих пор.

Что происходило *в третьем мире*? В третьем мире шли два совершенно разных процесса.

Первый: в нем встали на ноги и начали развиваться самостоятельно гиганты третьего мира, Китай и Индия, ну и Бразилия в какой-то мере.

И второй: полностью погрузились в тупик африканские страны и большинство латиноамериканских и азиатских стран.

В итоге есть несколько ведущих стран третьего мира и совершенно безнадежная ситуация в остальной части третьего мира.

Я подвожу итог первого блока своих соображений.
В мире нет единого мирового кризиса.

В мире совершенно другая ситуация. В мире есть **кризис Западной Европы**. Есть **устойчивое развитие США**. И есть **двунаправленное развитие третьего мира**.

Вот с чем имеем мы дело сейчас.

На базе всего этого я могу теперь перейти к проблемам России, к кризису 2014 года в России.

2. Кризис в России

Первое, что меня интересует, — мы должны понять причины кризиса в России.

Если верить нашим гайдаровским монетаристам, то кризис в России логичен. По схемам монетаризма есть такая фаза цикла. Теперь вместо цикла подъема наступил цикл кризиса.

Но ведь в России нет экономики, которая циклично развивается. Вообще нет нормальной экономики. Поэтому всякие разговоры о том, что мы в каком-то волнообразном цикле, — это полное несоответствие реальности.

Что имеется на самом деле?

Все причины кризиса России — внешние.

Мы оказались в кризисе, потому что *попали под колеса двух кризисов*. Мы оказались под ударами мирового кризиса. И мы оказались под ударами украинского проекта США. Вот эти две внешние причины и привели к кризису в России.

Я хочу напомнить известную сказку о трех поросятах. Помните волка, который дул на домишки, которые два из них построили? Волк дул. Но какие домишки разлетелись? Разлетелись те домишки, которые поросята строили из соломы и веток. Поэтому если волны и ветры мирового кризиса обрушились на Россию, то проблема не в этих ветрах и волнах, а проблема в том, что мы домишко такой построили.

Поэтому нам надо разобраться, что же мы такое построили, что оно не смогло сопротивляться ударам извне.

Я отметил несколько черт — я буду их просто называть. Я о них не раз говорил в лекциях и могу их тут только обозначить.

Первая причина состоит в том, что в России была проведена приватизация, но приватизация олигархическая и номенклатурная.

Вторая причина — в России есть государственный сектор, но не в постиндустриальном, а в номенклатурно-монополистическом варианте, обремененный многими бедами бюрократического социализма.

Третья причина — в России экономика ориентирована на экспорт энергетического сырья и государство живет на ренту от этого вывоза.

Я говорю: в России — номенклатурно-олигархический постиндустриализм. Это недостаточно сказать. Да, **номенклатурный**. Да, **олигархический**. Но надо подчеркнуть и третью его характеристику. Это **рентный постиндустриализм**.

Вы, конечно, не помните, но когда-то К. Каутский отметил несколько типов мирового империализма. Он говорил, что есть колониальный империализм Англии. Есть промышленный империализм Германии и США. Но есть и рентный империализм Франции.

Так вот, у нас рентный постиндустриализм. Мы живем на ренту от вывоза природного сырья. За счет ре-

сурсов наших будущих поколений и уже даже наших детей.

Россия настолько зависит от внешней ситуации, что даже курс рубля не может сама обеспечить. Наш курс рубля целиком, вы можете видеть это каждый раз на экранах телевизоров, зависит от того, каковы цены на нефть. Вот так они пошли — и наш курс рубля болтается туда и сюда.

Четвертый блок того, что мы построили, — это гайдаровская монетаристская политика полного невмешательства в экономику. Вмешиваться в экономику нельзя. Рынок. Им невозможно руководить. Он должен сам жить.

А что такое тогда наши министры? Руководитель Центрального банка *предсказывает*, что у нас будет такая-то инфляция. А представляет орган, который должен руководить ею.

Министр экономики *ожидает* такое-то развитие в России. Зачем тогда министр экономики?

Их всех — значительную часть — давно надо отправить в аналитические центры. Аналитики и предсказатели нужны, но не на постах руководителей. Но именно такие гайдаровские деятели нами руководят.

Итог гайдаровской концепции: пассивное созерцание процесса развала военно-промышленного комплекса Советского Союза.

Да, его действительно надо было реорганизовать. И развалить в том числе. Но выбирая то ценное, что

надо сберечь, что надо сохранить. Ничего в этом плане в России не было сделано.

Следующий вопрос. Политической системой России была избрана *управляемая демократия*.

Это совершенно блестящая система. На голосование в губернии может выйти 25 процентов населения, но выборы считаются состоявшимися. Губернатор может быть избран половиной голосовавших — 12 процентами населения. Но он считается властью народа. Вот это и есть управляемая демократия.

Управляемую демократию вы и без меня хорошо знаете. Ни одного независимого телеканала.

И наконец, последняя характеристика. Среди бюрократии верх взяли *лидеры*, неспособные к какой-либо созидательной деятельности. Это способные люди. Но к чему способные? Способные потреблять ренту. Распиливать эту ренту. К коррупции. Тут они все на коне. А вот что-то строить? Пусть хоть один министр назовет, что он за эти годы построил в отрасли такое эффективно работающее, чем можно хвалиться.

Подвожу итог причин кризиса. **Россия отвечает не за то, что внешний кризис на нее обрушился. Россия отвечает за ту систему, которую она у себя построила, которая способна плохо сопротивляться внешнему кризису.**

Но Россия отвечает и за тот комплекс мер по борьбе с этим кризисом, которые она сейчас приняла. И я перехожу к реакциям России на этот кризис.

Сначала у нас была реакция чисто гайдаровская — сидим и смотрим.

Потом президент сказал, что так нельзя. Созвали гайдаровский форум.

Более позорного зрелища, чем гайдаровский форум, я не видел. В стране кризис, безработица, закрываются предприятия, курс рубля падает, сбережения миллионов стариков обесцениваются. А в зале сидят 500 жирных, лоснящихся от довольства людей и высокомерно о чем-то рассуждают. Стоит посмотреть на этот зал и сказать: разве эти люди живут в стране, которая погрузилась в кризис? Да нет. Это люди, которые довольны ситуацией. Они свысока рассуждают о чем-то там, что происходит где-то внизу, в России. Естественно, что от этого форума президент ничего не получил. Главный метод, который форум предложил: *это сидеть и ждать*.

По-своему ответ логичен — раз мы целиком зависим от того, что делается в мире, надо как-то высидеть. Любой ценой высидеть, пока в мире закончится кризис и снова вырастет спрос на энергоресурсы, поднимутся цены на энергоресурсы, и мы снова начнем кормиться от ренты.

Но кое-что делать приходится. Наибольшее впечатление на меня произвело проедание золотого запаса. Гигантские суммы, которые Россия накопила, которых было достаточно, чтобы осуществить модернизацию России (ведь даже заговорили об этой модернизации), растрачены.

Растрачены якобы полностью на борьбу с кризисом. Но что это за борьба? Печатают бумажные деньги, пачками. Эти бумажные деньги куда идут? В наши банки. Что делают наши банки и их клиенты с этими деньгами, полученными от нашего правительства? Они идут в правительственный государственный банк и меняют их на золото, на доллары из резерва. И доллары тут же вывозят.

Вот такая модель борьбы с кризисом.

Поэтому они все и довольны. Такое впечатление, что и Госбанк кормится на этой процедуре, раз тоже доволен.

Печаль состоит в том, что оппозиция, которая у нас в стране есть, ничего действительно комплексного, конструктивного не предложила. Любая оппозиция, от крайней правой до крайней левой, оказалась абсолютно несостоятельной.

Президент с этим смириться не мог, и он потребовал от правительства антикризисного плана.

Я перехожу к анализу этого антикризисного плана.

У меня такое предположение, что план этот предложили, чтобы **отделаться** от президента, потому что ничего более чуждого составу нашего правительства, чем само слово «план», я представить не могу. Какой план может быть для людей монетаристского мышления? Само слово вызывает бурную реакцию отвержения. Но пришлось употребить это слово — «план».

Дальше. Глава правительства с этим планом в Думу не идет. Отправляет своего заместителя. Или Думу он

вообще не считает органом, который чего-то значит? Или он сам это план не считает достойным обсуждения?

Что в этом плане есть? Помню детскую песенку: «В этой маленькой корзинке что угодно для души». И в этом плане действительно есть все, что угодно для души.

Всовывали туда на ходу, что придет в голову, — ни связи, ни взаимозависимости, ни логики, ни временной последовательности, ни выделения ресурсов. Ничего там нет похожего на план. А что есть?

Есть метод Гоголя. Помните «Шинель»? Что делал Акакий Акакиевич? Он регулярно шел к портному, чтобы очередную дырку залатать. Вот примерно таков и этот план — латание дыр.

Это метод нашего доблестного МЧС. Оно 20 лет борется с пожарами. Вспыхнул пожар — поехали тушить. С радостью — если за рубеж, так как тут, ничего уже не проверяют. Такой примерно и этот план — тушить пожары.

Есть метод монетаристов. Заявляют: «Мы спасаем людей». Никаких людей никто не спасает. Спасают банки. Правительство прямо заявило, что все деньги, которые выделены на антикризисные меры, **будут направлены банкам.**

Правительство заранее расписывается, что оно ничем руководить не готово. Деньги отдает банкам. И банки уже будут решать, кому раздать эти деньги.

А что делается дальше? Дальше фантастика. Составляется список из 200 наиболее важных предприятий России. Казалось бы, это именно то, что должно встать

в центре антикризисного плана. Я понимаю, что попасть в этот план было непросто. Не исключаю — по связям или даже за откаты.

Но потом дальше наступил второй этап. Ведь составляло список Министерство экономики. А еще есть Министерство финансов, которое деньги будет выделять. Оно сказало: «То, что список составлен, это для нас не указ. Мы только некоторым дадим денег из тех, кто в этом списке». Значит, опять не исключено, что надо опять включать связи, а то и делиться.

Но главное — это то, что заявил Шувалов на первом же совещании: «Денег у правительства на этот план нет». План на старте несостоятелен по меркам советского планирования.

Я еще раз убеждаюсь, что этот план составлен для того, чтобы успокоить президента.

На самом деле правительство рассчитывает, как и раньше, всего на две вещи. **Первая** — что в мире кризис кончится, в мире начнется подъем и появится спрос на энергоресурсы. **И второе** — что цены на энергоресурсы начнут расти. А что касается этого антикризисного плана, то он на бумаге так и останется.

Уповают на внешнее вмешательство: «Вот приедет барин, барин нас рассудит». Барин — это Запад в прямом смысле слова.

В такой ситуации я и хотел бы перейти к **третьему блоку** своих рассуждений — **какой могла бы быть антикризисная программа.**

3. Возможный комплекс антикризисных мер для России

Первая проблема — это **проблема целей**. От этой проблемы нельзя уйти. С нее надо начинать. Я сформулировал пять целей.

Первая цель антикризисной программы: *Россия должна остаться великой державой*.

Это вовсе не общепринятая точка зрения. Масса людей, которых я уважаю, считают, что нельзя такую цель ставить. Хватит нам рваться в великие державы. Пора по-человечески пожить.

Я в какой-то мере всех этих людей понимаю. Действительно, человек живет один раз, и он имеет право жить нормально. Но вся проблема в том, что Россия не может сохраниться, если она не будет великой державой. *А пожить* не удастся. Почему? По двум причинам.

Первая — это геополитическая причина. В силу своего положения на стыке Европы и Азии России нельзя не быть великой державой.

Вторая причина — фундаментальная черта русского национального характера. Ее сформулировал наш великий философ и писатель Федор Михайлович Достоевский. Он говорил, что важная черта русского мышления — это всемирность, склонность к всемирному мышлению, всемирной постановке и всемирным решениям.

Россия не может сохраниться, если она не будет великой державой. Это не значит, что мы должны быть главными, как когда-то хотели авторы концепции «Рос-

сия — третий Рим» или Ленин и Троцкий. Это не значит, что мы должны быть «одной из двух», как когда-то хотел Брежнев. Мы должны быть «одной из великих». Этого вполне достаточно для сохранения России.

Если мы хотим быть великой державой, **на чем можно держаться?**

До революции чем держалась Россия? Россия держалась размерами территории, населения, мощностью своей армии. На чем собирался держать мировую республику Ленин? На великой идее нового строя, которая объединит весь мир и будет привлекательна для всего мира. На чем собирался держать Сталин? Провести индустриализацию, создать мощную промышленность для армии. Хрущев уточнил эту цель. Он считал, что нужно обеспечить еще и рост материального благосостояния. Мы должны обогнать всех по потреблению и стать предметом зависти. Брежнев считал опорой ракетно-ядерный потенциал.

А сейчас? Ни одна из позиций, которые раньше обеспечивали России величие, основой будущего величия России в XXI веке быть не может.

На мой взгляд, в XXI веке Россия может выжить, если она поставит задачу стать **одним из мировых центров теоретической науки.**

Нам никого не обогнать ни в производстве автомобилей, ни в производстве пассажирских самолетов. Мы вряд ли будем мировым центром отраслей опытно-конструкторских разработок. Но есть область, где мы мо-

жем быть первыми. Где мы сейчас во многом первые. Это — **теоретическая наука.**

Очень мало наций в мире способно к теоретической науке. Посмотрите на США — держатся целиком на ввозе ученых из других стран. Посмотрите на Японию — прекрасные специалисты по всем прикладным наукам, но ничего не могут делать в теоретической науке. Посмотрите на Китай — какие мировые открытия в области теоретической науки им сделаны? Прикладных — масса. Начиная с колеса. А вот теоретических — нет.

Особенность мышления европейцев — это склонность к теоретической науке. Она была в античности у греков и римлян, она была у германцев, она была у англичан и французов. Это генетическая характеристика белой расы.

Эта склонность у нас тоже есть. Именно ее мы и должны использовать.

Теоретическую науку надо сделать главной целью развития страны. Не «одной из» десяти. Нельзя — наряду с футболом или олимпиадами. Все надо бросить на науку, деньги прежде всего.

Если мы реализуем такой курс, мы можем создать в России такой мозговой центр, без которого мир не может существовать. Который заставит всех нас уважать и держаться за нас.

А что у нас сейчас делается? Первый пример. Есть гениальный математик Перельман Гриша. Он получил мировую премию, миллион долларов. Отказался: «Мне она не нужна для моей работы». Единственное, что ему

было нужно, — нормальная маленькая дача под Петербургом, чтоб на ней сидеть и думать. Но наша доблестная Академия наук, кстати еще не «обрезанная» Белым домом, перестала ему вообще платить. Он, конечно, не нуждается в миллионе долларов. Но кушать он должен. И маму должен кормить. Ему пришлось ехать в какую-то шведскую гимназию, чтоб там преподавать математику. А вот Екатерина II ввозила, тратя большие деньги, в Россию лучшие умы мира. Того же Эйлера.

Вот таково отношение к теоретической науке деятелей, которые уже пять лет треплются, именно треплются о том, что они якобы поддерживают модернизацию.

Впрочем, они не только треплются, они еще при этом успевают нанести удар по последнему, пусть и очень выродившемуся остатку теоретической науки — по Академии наук.

Второй пример. Горит ИНИОН. Казалось бы, что тут такого? Но ведь у нас есть доблестное МЧС. И все же несколько лет подряд в стране горят библиотеки. За это время можно было создать систему тушения в библиотеках? Почему горящую книжную библиотеку надо водой заливать, как кухню или склад с дровами? Почему ничего за эти годы не было сделано нашим МЧС? И ИНИОН заливали водой. А теперь замораживать надо, чтобы книги не начали портиться.

При таком отношении к науке, конечно, рассчитывать на то, что мы станем центром мировой теоретической науки, не реально.

Я не говорю уже о том, что делается в школах и во всем остальном. А ведь, чтобы *обеспечить* роль России в виде центра теоретической науки, нужна забота не только о ней.

Надо правильно экспортировать сырье. И вывозить не лес-сырец, не рыбу необработанную. Надо армией заниматься. Надо участвовать в освоении космоса, Арктики, Антарктиды. Надо заниматься пресной водой. Но это уже *вспомогательные* цели.

Для *обеспечения* интересов теоретической науки в стране должны произойти крупные преобразования.

В образовании. В школе выделять предметы, которые ведут к формированию людей, способных заниматься теоретической наукой.

Культура тоже нужна соответствующая. Без танцев на льду. Невозможно представить теоретическую науку без соответствующей культуры.

И политическая система. Разве может быть наука в политической системе, в которой интеллигенция никакой роли не играет? Вспомним: мы успешно начали перестройку потому, что Михаил Сергеевич Горбачев сделал гениальный шаг. Он треть мест в первом парламенте России отдал интеллигенции. И появился парламент, которого потом в России уже не было никогда. Парламент, в котором был цвет мыслящей части российской интеллигенции.

И сейчас надо радикально изменить политическую систему. Ведь нечего ждать от избирателей, которые день за днем смотрят похабные шоу «Давай поженимся»

или что-нибудь еще в этом роде. Это совершенно животные передачи. От человека ничего там не остается. Осталось разве что зубы смотреть — как при покупке лошадей. Или не менее похабные передачи о том, как готовить. Вы же посмотрите: по всем каналам сплошные передачи, как готовить пищу. Даже от жены того же Никиты Михалкова, который порой хвалится, что он заботится об интеллекте страны.

И наконец, последнее. Нужна, конечно, соответствующая *внешняя политика*.

Второй блок моих рассуждений касается того, что **нужно для того, чтобы осуществить действительно радикальные преобразования России, чтоб построить дом, который бы мало или вовсе не зависел от ветров кризисов.**

Нужны два блока.

Первый блок — *надо развить те постиндустриальные реформы, которые у нас осуществились.*

И второй блок — *надо осуществить новый комплекс реформ.*

Сначала я хотел бы остановиться на том, как и что надо развивать. Опять-таки буду краток — я о многом и говорил, и писал.

Чего у нас не хватает **в экономической сфере?**

Первое — надо осуществить земельную реформу. Это не сделано.

Второе — надо осуществить децентрацию, демонополизацию того, что досталось от Советского Союза. И в госсекторе, и в частном.

Третье — надо в принципе изменить подход к малому и среднему бизнесу.

Четвертое — надо реально обеспечить конкуренцию. Ведь нельзя же, чтоб каждый день губернатор или мэр шли в каждый магазин смотреть, повысились там цены или не повысились. Это должна делать конкуренция. Если один завысил цены, то должен быть магазин, куда я могу пойти, где цены ниже. А тот, который завысил, должен разориться. Если попыталась повысить цены компания РЖД Якунина, то на железных дорогах страны должны быть и другие железнодорожные компании. В Японии на государственной дороге Шинканзен ходят поезда нескольких конкурирующих железнодорожных компаний.

Следующее, что надо сделать, — надо, конечно, провести банковскую реформу. Нынешняя система банков должна быть реорганизована. Банки должны быть региональными, рассчитанными на регионы. Что касается биржи, то ее вообще надо закрыть. Если у кого есть чем торговать, пусть идут на западные биржи и там торгуют.

Теперь о том, **чего нет в государственном устройстве**. Опять-таки ограничусь обозначением узлов реформирования.

Надо обеспечить в государственном устройстве России *независимость*. Независимость чего?

Первое — это независимость *низового звена* государственного механизма. Александр Исаевич Солженицын говорил, что нам нужно создать земства. Можно назвать иначе: муниципалитеты, советы. Но без низового звена

ни в одной стране демократия не существует. Один из фундаментов американской демократии — эти шерифы, которых избирает население. Фундамент английской демократии — это тоже избираемые внизу органы. И нам нужно первое звено демократии, ее фундамент.

Нужно и *второе* — *независимая государственная служба*. Ничего изобретать не нужно, во всем мире это сделано. 95 процентов государственных служащих США не зависят от властей: президента, министров, губернаторов, мэров. Они делают карьеру по правилам государственной службы.

Не будет такой части чиновников на государственной службе — их будут гонять на митинги, на площадь Победы или на выборы.

Есть и 5 процентов должностей госслужбы. Они в США — по закону Пэна — добыча победителей на выборах. Эти меняются с каждым новым избранным лидером.

Третья часть, требующая независимости, — *федерализация*. В огромной стране основные вопросы надо решать в среднем звене.

Вот была история с электричками. Да это же позорище. Вопросы местных электричек должны решать губернаторы сами, это их земля, это их избиратели.

Когда я стал руководителем Москвы, я среди прочих пунктов просил Бориса Николаевича: «Отдайте мне московское метро и пригородное сообщение». Пригородное сообщение мне Борис Николаевич не отдал, а метро все-таки отдал. И с тех пор все проблемы метро

решались в мэрии. Встала одна станция — город высылает автобусы, чтобы перекрыть эту станцию. Плохо, хорошо работает метро — никого, кроме московского начальства, нет.

Следующая проблема — надо создать в государстве *независимые структуры будущего*. Все наши структуры — это структуры временщиков. Людей, избранных на пять лет. Но разве можно иметь гигантское государство, в котором руководят собравшиеся на пять лет люди. Они ведь даже не знают, что им самим делать через пять лет, после новых выборов.

Должен быть Госплан, должны быть десятки учреждений, которые ориентированы на будущее и полностью независимы от текущих выборов.

Когда-то Алексей Николаевич Косыгин посылал нас в США изучать опыт Корпорации долины реки Теннесси. Первое, что меня поразило: когда Рузвельт создавал корпорацию «Tennessee Valley Authority», корпорацию по освоению долины реки Теннесси, то первая его забота — эта корпорация должна быть независима от выборов. Ее надо создать так, чтобы выборы ни в штате, ни в США не влияли на корпорацию. Власть назначает руководителей «Tennessee», а дальше она живет своей жизнью. Сменились президент США и конгресс, сменилась власть в штате, а «Tennessee Valley Authority» трогать никто не может. И правильно. Потому что ей надо строить планы на 10 лет, на 15 лет, планы строительства гидроэлектростанций, водохранилищ.

И наконец, мы должны обеспечить давно очевидное — *независимость третьей власти, судов.*

Возьмите закон о судах нашего премьеры 1917 года, социалиста Керенского. Исчерпывающий, блестящий закон. Граждане избирают мировых судей. Мировые судьи избирают судей первого уровня, те — судей высшего звена. И никто ни во что вмешиваться не может, кроме граждан и самих судей. Граждане платят отдельный налог для судебной власти, и судебная власть имеет свой бюджет.

Простите, а у нас даже если наш Верховный суд хочет себе машину поменять, то надо бежать в Управление делами Президента, чтобы эту самую машину сменить. То же самое внизу. Юрий Михайлович Лужков давал квартиры судьям Московского суда. Что вы хотите от этого суда, от его судей?

Вы заметили, что аресты и следствия по делам губернаторов и мэров осуществляются бригадами из Москвы? Возможно, Кремль цену «независимости» третьей власти на местах знает хорошо.

Нужна независимость и *четвертой власти — средств информации.*

Что значит независимость? Это значит, что эта власть не должна зависеть ни от первой, ни от второй, ни от третьей ветвей власти. А от кого должна зависеть? От народа. Народ должен избирать журналистов, журналисты должны избирать себе руководителей.

Опять-таки должен быть особый налог для системы средств информации. И поступать он должен прямо от граждан четвертой власти.

И в итоге вся система будет независимой.

Это о реформах государственного устройства.

И наконец, последний блок — **реформы социальной сферы**. Я и здесь просто только обозначу задачи реформирования.

Надо решительно *преодолеть крайности неравенства*.

Мы создали строй, в котором можно и нужно зарабатывать, жить лучше тем, у кого денег больше.

Но никто не сказал, что у одного должен быть миллиард денег и его потомки могут не работать.

Надо ограничить *пределы личного богатства*.

Надо ограничить пределы того, что можно *наследовать*. Мой сын может получить от меня нужное для старта жизни. Но он не должен получить такие деньги, что уже может не работать.

Это не значит, что у меня должны отобрать мои заработанные деньги. Я могу сам их расходовать. Но куда? В участки, которые общество указало, — в науку, в культуру, в образование, — но не в карман своих детей.

Необходимо обеспечить реальные основы для существования *среднего класса*. Сейчас он не может нормально существовать.

Но главное, надо *обеспечить независимость и самоорганизацию интеллигенции*.

Интеллигенция должна сама решать все основные вопросы своей жизни. Это позор, когда в Академию наук посылают чиновников из Кремля, которые должны заниматься тем, как устроить жизнь Академии и академиком. Кто у нас разбирается в физике или математике — академики или представители Кремля?

И последнее. Обществу *необходима элита*. Если в обществе не будет уважаемого слоя, я не знаю, как его назвать — дворянство, жрецы, члены КПСС или как-то еще, — но этот слой в обществе необходим.

Таковы мои размышления относительно того, **как усовершенствовать то, что уже сделано в ходе реформ в России.**

Но то, что у нас сделано, касается только одной трети, в лучшем случае половины нашего государства. А вторая половина, 60 процентов — это то, что называется непроизводительной или, точнее, социальной сферой.

Что представляет собой непроизводительная сфера России? Это здравоохранение, образование, культура, наука, спорт. Сейчас все они — советские государственно-бюрократические системы. Все характеристики советского остались — бесплатность, контроль бюрократии над всем, нехватка средств, неэффективное использование даже тех средств, что выделены, коррупция при распределении этих средств. И в итоге — малоэффективное развитие непроизводительной сферы.

Главная проблема России — осуществить и в этой сфере то, что надо сделать стране при переходе от бю-

рократического социализма к постиндустриальному обществу. **Надо перейти к трехблочной системе — государственное, коллективное, частное.** Везде: и в науке, и в культуре, и в образовании, и в здравоохранении. Осуществить **разгосударствление.**

На каждом шагу идет вранье, нас пугают: «Вы хотите бесплатное сделать платным!» Нет ничего бесплатного. Все эти системы живут за мои деньги. Но эти деньги отбирают у меня чиновники. Затем они ими распоряжаются.

А надо сделать так, чтобы деньги, которые общество выделяет на учителей или врачей, шли гражданам и затем от них — учителям и врачам, минуя чиновников. И главными станут решения самих граждан.

Трудно это сделать? Да нет, совершенно нетрудно. Надо все деньги, выделяемые государством, скажем, на образование, раздать гражданам в виде чеков на образование. И граждане будут выбирать школу и учителя, которого хотят, и отдавать свои чеки им.

Преподается там история так, как хочет господин Мединский? Пожалуйста, пусть гражданин отдает детей в эту школу. Если он хочет идти в школу, где преподают другую историю, он идет в другую школу. У него есть чеки, он этой школе отдает их за учебу своих детей. Если они хотят послать детей в школу, где математика составляет 40 процентов, они выберут такую школу.

Если денег по чекам не хватает для учебы в избранной школе — родители доплачивают. Население име-

ет возможность своими деньгами влиять на развитие школ.

То же самое со здравоохранением. И с вузами. И с культурой.

В непроизводственную сферу должны войти *конкуренция*, борьба за чеки и дополнительные деньги потребителя. Тогда в ней начнется рост эффективности.

После этого непроизводственной сфере почти не нужны чиновники аппарата. Ей нужно самоуправление.

Конечно, непроизводственная сфера имеет особенности. При разгосударствлении в ней будет мало частного в чистом виде. Если есть лидеры — замечательные режиссеры или тренеры футбольных команд, — они будут хозяевами своих организаций. Но главной силой при разгосударствлении становится интеллигенция.

Почему ученые звания должно давать государство, если те же США полностью обходятся без государственного участия, решая вопросы — бакалавр, магистр, доктор? Награды. Почему в мире кино главная премия «Оскар»? А у нас должно давать премии обязательно государство?

Я подчеркиваю: **общая проблема состоит в том, что мы сейчас «сидим на двух стульях»**. Нанебольшомновом стуле реформированного и на большом старом стуле — государственном, социалистически-бюрократическом.

«На двух стульях» Россия «сидела» после 1861 года. С 1881 года Александр II хотел начать завершать преобразования. Его убили. Россия осталась «на двух стульях». Чем кончилось? Тремя русскими революциями.

«Усидеть на двух стульях» хотели в 1921 году — советская власть и НЭП. Усидели? Не усидели.

Пытался «на двух стульях сидеть» Алексей Николаевич Косыгин, когда начал в 1965 году реформу. Усидел? Нет.

Новые реформы надо осуществить для того, чтобы **создать единую цельную систему вместо «двух стульев»**. Чтобы эта цельная система стала базисом нормального развития.

Реформа непроизводственной сферы — это сейчас главная, узловая, основная задача для нашей страны.

Что значит провести реформу непроизводственной сферы? Что значит вывести из-под контроля той же мэрии московские театры, московские школы, больницы? Что значит вывести вузы страны из-под контроля правительства? Это значит **нанести сокрушительный удар по чиновничеству**.

Я это называю «провести раскулачивание бюрократии» (если сталинский термин использовать). Вот без этого «раскулачивания» бюрократии мы дальше двигаться не можем. Нельзя надеяться на то, что если добавить деньги от государства, то эти сферы что-то дадут. Ничего не дадут. Никакой в России теоретической науки не будет, если всем по-прежнему будут командовать чиновники.

Или непроизводственную сферу выведем из советской системы, из-под контроля чиновников и бюрократии и сделаем ее постиндустриальной — или Россия погибнет. Никаких других вариантов в перспективе нет.

Разрешите сделать **заключительные замечания**.

Россия сейчас переживает самый опасный для своего развития период. Значительно более опасный, чем 1991 год.

Почему?

Потому что в 1991 году мы имели *активный народ* и *активную интеллигенцию*.

А сейчас? А сейчас совсем другая ситуация. Что делать — ясно. Ресурсы есть. Растрacены, но они еще есть. Есть армия как щит.

Чего нет? Нет движущих сил.

Главная движущая сила — **народ**. В народе есть энтузиазм, определенная активность. Это достаточно? Нет, недостаточно.

Сейчас мы отмечали юбилей 1914 года. Вы по телевизору видели, какой был буйный энтузиазм по случаю начала войны 1914 года. Насколько его хватило? На четыре месяца, после этого он закончился. Сейчас может быть буйный энтузиазм по поводу Крыма или чего-то еще. Но насколько его хватит? Можно сказать точно — не очень надолго.

Вспомним 1941 год. Был неплохой писатель — Борис Горбатов. У него была книга, в которой он сформулировал очень важное положение: гранаты, писал он, бросает не ненависть. Гранаты бросает мужество. Так вот, сейчас у нас именно мужества нет. Чувств хватает, достаточно. Но вот мужества как раз нет. У нас *нет пассивности* — по терминологии Гумилева.

В 1989 году у нас был подъем. И это реальный фактор. И на нас всех — ну, вы молодые, а вот на мне, на Сергее

Николаевиче, на моих коллегам здесь в зале — лежит великая историческая вина, вина за соучастие в уничтожении великого народного энтузиазма, вызванного революцией 1989–1991 годов. Этот энтузиазм был затоплен, потушен и уничтожен. И вместо *народа* мы имеем сейчас *массу*. Эта масса способна на отдельные активные действия. Но она не способна быть движущей силой истории.

Я помню, как в 1990 году избрали Моссовет — антисоветский Моссовет в Советском Союзе. Вокруг нас все было против. Московская область объявила нам, что она перестанет поставлять городу яйца и кур с птицефабрик, хотя когда-то все птицефабрики строились в области для обеспечения Москвы.

Что я сделал? Я выступил как председатель Моссовета и сказал по телевидению, что если Московская область прекратит поставки яиц и кур, мяса из области, то я выведу на улицу тысячи москвичей. Они заблокируют все здания московской областной администрации в Москве: от обкома партии до милиции. И Московская область перестанет функционировать как административное образование. Но на этом мы не ограничимся. Эти же граждане потом пойдут по квартирам московских чиновников и выгонят всех из Москвы, из московских квартир.

Мог я так говорить? Мог, потому что знал, что если я попрошу, то это так и произойдет. Я был уверен, что завтра тысячи москвичей выйдут и выгонят из московских квартир всех областных чиновников, если дать людям их адреса. **За мной был Народ.** Как действующая, активная сила.

Что сделала Московская область? Немедленно затихла. Кончились разговоры, что они будут блокировать город. Они перешли к переговорам о сотрудничестве.

А сейчас? Смотрите: Пригородные электрички отменяют. Что бы я делал как лидер масс в 1989 году, столкнувшись с этой проблемой? Как вы думаете? Обращался бы к президенту? Да нет. Первое — я бы собрал на площади людей. Они потребовали бы к себе всех депутатов: от низа до Думы и Совета Федерации. И сказали бы им, что если через день они не устроят забастовку лежачую в своих зданиях в Думе, в Федерации и т. д., то мы их прогоним. Депутаты помчались бы устраивать эти демарши.

Шаг второй. Я бы обязал прокурора или милицию немедленно предъявить обвинение в саботаже, во вредительстве всем руководителям железной дороги, посадил бы их в тюрьму до разбирательства. И они бы сидели в тюрьме, пока не кончится разбирательство. Прежде всего посадил бы всех начальников, всех замов, всех руководителей отделов.

Третий шаг. Я бы перекрыл телами избирателей железные дороги. Чтобы доходы, которые получает «РЖД» от поездов якобы рентабельных, прекратились, пока она не решит проблемы местных электричек.

Это все сделано было бы за неделю. И на этом бы все кончилось, уверяю вас.

А сейчас? А сейчас молятся Богу — президенту. Президент немедленно отреагировал, дал пинка. Мораль такая: «Вы впредь, если у вас что-то случится, обращай-

тесь ко мне, я буду решать ваши вопросы». Конечно, с таким народом рассчитывать на то, что мы осуществим назревшие преобразования, нельзя.

Вторая группа — **интеллигенция**. Что мы сейчас имеем в нашей интеллигенции? Мы имеем идейно ослабленную, идейно дезорганизованную, утерявшую во многом связь со своим великим русским наследством, интеллигенцию. Я даже не знаю, как ее сейчас назвать. Ее уже трудно называть интеллигенцией.

Какие блоки в нее входят? Блок первый — это люди, которые кормятся от подачек власти. Лизоблюды. Блок второй — это те, которые кормятся от поездок за границу, от издания книг за границей, от спектаклей за границей и так далее и так далее. Как бы компрадоры. Блок третий — это те, которые уже ни во что не верят, ни на что не рассчитывают, медленно умирают. И наконец, есть блок четвертый. Те, кто пока что готовы к сопротивлению. Они даже собрались на Болотной площади. Но увидели на трибунах людей, рвущихся к власти без нужной народу программы, с желанием только занять должности. Естественно, что вспышка энтузиазма тут же угасла.

В целом надо с горечью признать: *мозг народа спасти народ и страну не готов*.

Бюрократия и номенклатура. В бюрократии есть слои, которые патриотически настроены. В армии есть такая часть, в безопасности, в военно-промышленном комплексе, в МИДе. Они оказывают давление, они по-своему борются. Но у них нет программы. Да и, соб-

ственно, бюрократия сама никогда программ выдвигнуть и не могла.

Что сейчас может быть надеждой?

Знаете, нет человека более неприемлющего всякого рода авторитаризм, чем я. Но сейчас я никаких вариантов не вижу, кроме одного — **повторить опыт 1861 года.**

Тогда Россию спас царь, который собрал в России всех, кто хотел отменить крепостничество, создал антикрепостнический блок и начал Великие реформы.

Я думаю, что наш президент должен сделать то же. Он должен собрать патриотически настроенную часть бюрократии и готовую к реформам часть интеллигенции, сформировать из них команду, которая может вести преобразования, встречая одобрение народа. **В этом и только в этом я вижу сейчас спасение.**

В России нужно повторить опыт великого Дэна Сяопина: объединить все патриотически настроенные силы бюрократии и все реформаторские силы народа. Тогда можно двигаться вперед и действовать.

Правда, я вижу и гигантские опасности авторитарного пути. Вы знаете, что Александра II в конце концов убили. На моих глазах выкрутили руки Хрущеву и вместо «оттепели» началось строительство коммунизма. На моих глазах угасли реформы Брежнева и Косыгина. На моих глазах дорогой Михаил Сергеевич не смог объединить бюрократию вокруг перестройки.

И все же **Русская Тройка Будущего — это Президент, Патриотическая часть бюрократии, Реформа-**

торская часть интеллигенции, опирающиеся на поддержку Народа.

Может, кто-то знает другие выходы? Я буду рад выслушать. А у меня просто ничего кроме тройки пока не вырисовывается.

Проблема элиты России

Актровая лекция

в Международном университете в Москве

3 сентября 2015 года

1. Постиндустриальный строй и новые проблемы цивилизации

1.1. Постиндустриализм конца XX и начала XXI века

Главной чертой конца XX и начала XXI века является переход человеческой цивилизации нашей планеты к новому общественному строю. Чаще всего его называют постиндустриальным.

Этот строй заменил и капитализм, и государственно-бюрократический социализм. Постиндустриализм попытался интегрировать ряд позитивных сторон и преодолеть ряд негативных сторон обеих систем.

Казалось бы, новый строй должен был дать мощный старт прогрессивному развитию. И действительно, во многих областях этот прогресс мы видим.

Но в то же время постиндустриальное общество с первых же шагов столкнулось с серьезными проблемами. О них я подробно говорил во многих лекциях.

Прежде всего, это **военные конфликты**. В Иране. В Афганистане. В Югославии. В Африке. В Чечне. В арабских странах.

Мир захватил **террор**. Рухнули башни небоскребов в Нью-Йорке. Взрывы гостиниц в Индии, домов в Москве, в лондонском метро, расстрел в норвежском молодежном лагере.

Обострились и другие **конфликты**: национальные, гендерные, религиозные, моральные, бытовые.

Но самыми разрушительными стали **экономические кризисы**. В Греции и Испании чуть ли не каждый третий гражданин, чуть ли не каждый второй молодой человек не имеет работы.

За этими конфликтами и кризисами нового строя надо выявить их основу. Известный словенский философ и политический деятель Жижек в книге «Жизнь в конце времени» объединил их в четыре группы. Используя категории Нового Завета, Жижек назвал их «четырьмя всадниками Апокалипсиса».

Первый. Это **экологический кризис**, кризис среды нашего обитания.

Второй. Это **биогенетическая революция**. Генномодифицированные продукты. Новые лекарства. Пересадка человеческих органов.

Третий. Это **борьба за сырье**. За пищу. Особенно серьезна перспектива нехватки пресной воды.

Четвертый. Взрывной рост экономического и социального **неравенства**. И внутри наций. И между ними.

1.2. Проблемы постиндустриализма в России

Постиндустриализм в России также столкнулся с серьезными проблемами.

После 1991 года правящие в России силы избрали худший для страны путь в постиндустриальное общество. Четыре «кита» этого пути. Первый — использование либеральной монетаристской модели в экономике. Второй — шоковая модель переходного периода. Третий — модель примитивной популистской демократии в государственном строительстве. Четвертый — принятие во внешней политике модели глобализма США при устройстве мирового порядка.

Гайдаровская политика разрушила неэффективную старую экономику. Но не создала эффективную. И превратила страну в торговку своими природными богатствами и кадрами и, следовательно, своим будущим. А правящий класс России стал приобретать компрадорские черты.

Были уничтожены сбережения граждан. Ведь они могли стать базой сверхопасного для бюрократии и олигархов среднего класса.

Затем олигархическая приватизация окончательно устранила опасность появления средних и малых собственников.

Либералы-гайдаровцы заставили народные массы заплатить за свою неспособность стать новым правящим классом России. Миллионы стариков были обречены на роль попрошайек у власти. Хорошо помню горькие слова одного пенсионера: «Думал, собрал на достойную

старость, а правительство Егора Тимуровича сделало так, что моих сбережений вряд ли хватит на гвозди для гроба».

Но почти десятилетие этого курса позволило значительной части советской бюрократии выжить, трансформируясь частично в новую бюрократию, частично в олигархию.

У Б.Н. Ельцина хватило ума и мужества, чтобы самому уйти в отставку, отвергнуть все кандидатуры преемников-гайдаровцев и передать руль государства наиболее великодержавной группировке в своем окружении.

Эта группировка во главе с президентом Путиным пытается изменить ситуацию и добилась ряда успехов (в экономике — восстановление части ВПК, а во внешней политике — воссоединение с Крымом).

Но гайдаровская команда удержалась в креслах правительства, в аппарате президента, в министерствах и ведомствах.

На долгие годы утвердилась ситуация «сидения» России одновременно «на двух стульях» — державном и компрадорском.

Компрадорская политика гайдаровцев поставила под угрозу саму суть России — ее великодержавность. Напомню три символических факта.

Долгие годы регулярная армия государства российских бюрократов и олигархов не могла справиться даже по существу с партизанами Чечни.

Долгие годы экономических реформ завершились сокрушительным финансовым крахом 1998 года и кризисами последних лет.

Вся гигантская машина дипломатии и разведки не смогла во время предупредить главу правительства о предстоящем нападении на Югославию, и ему остался поворот самолета в духе клоунского спектакля в посредственном театре (но за непредставленную информацию никто публично наказан не был).

Сейчас в очередной раз один из министров объявляет, что мы уже достигли дна и нас ждет рост. А через несколько дней выясняется, что дно можно пробить и достигнуть даже 3,5 процента падения ВВП в год.

А из другого министерства мы слышим, что пожары вокруг Байкала взяты под контроль. Но через несколько дней выясняется нечто другое.

Опыт «сидения на двух стульях» у России есть. В конце XVI — начале XVII века — **на боярском и дворянском**. После начала реформ 1861 года — **на феодальном и буржуазном**. В 1921 году — **на нэповском и государственно-социалистическом**. А после начала реформ Брежнева и Косыгина в 1965 году — «на стульях» механизма **экономического** и механизма **партийно-бюрократического**.

Все эти «сидения» заканчивались крахом. Не подлежит сомнению, что и нынешнее «сидение на двух стульях» — гайдаровском и державном — тоже закончится тупиком.

1.3. Неадекватность проблем и лидеров

Сталкиваясь с трудностями и кризисами, постиндустриальный строй ищет средства их преодоления.

Подход первый — **Реванш**. Возврат или к капитализму (обновленному). Или возврат к государственному социализму — тоже обновленному. Здесь, на мой взгляд, перспектив нет.

Второй путь — **Ремонт** нынешнего постиндустриализма. Радикальных перемен и на этом пути тоже не будет.

Третий путь — принципиальное **Обновление** постиндустриализма и формирование **Нового Постиндустриализма**.

Четвертый путь — отказ от постиндустриализма и переход к новому строю, а точнее — к **Новой Цивилизации**.

Главным является третий путь. Что необходимо для обновления?

Если обобщенно характеризовать ситуацию, то можно и нужно говорить о **несоответствии нынешнего постиндустриального общества характеру и сложности новых проблем цивилизации**.

Возникает логичный вопрос **о путях преодоления несоответствия**.

Как у любого демократа, у меня ответ напрашивается такой: надо обратиться к народным массам.

Но за прошедшую после нашей Великой антисоциалистической революции 1989–1991 годов четверть века уже накопился опыт. Правда жесткая: апелляция к мас-

сам сработала в годы революции и никак не сработывала потом.

Вот недавно оппозиция на Болотной площади выдвинула как главный лозунг — честные выборы. Массы к нему равнодушны. Они видели честные выборы и в 1989, и в 1990 годах. Что они дали? Выборы в самом лучшем случае приводили к власти популистов: и депутатов, и лидеров. А популисты — самые честные — новых проблем — ни цивилизации, ни России — решить не могут.

Вспоминаю такой случай. В 1990 году был избран новый, демократический Моссовет на альтернативных выборах. В депутаты попало то лучшее, чем располагало тогда демократическое движение, активисты перестройки.

Вот у этих депутатов я, избранный ими же председателем Моссовета, просил выделить деньги на остро необходимый Малому театру ремонт. А большинство депутатов возражало. Их доводы: сотни наших избирателей живут с детьми в сырых подвалах, а вы хотите истратить деньги на театр, в котором рядовые москвичи нередко ни разу в жизни не были.

Я объяснял, что, даже переехав из подвала в нормальную квартиру, гражданин еще не станет москвичом. Москвичом и вообще гражданином новой России нельзя стать без Малого театра, дома Островского — как одного из звеньев великой русской культуры.

В конце концов депутаты согласились, но я с тоской осознал, какой небольшой является в массе вполне до-

стойных горожан та прослойка, которой нужны театры, музеи, библиотеки, серьезные книги.

И меня мало утешало, что противостояние вполне достойных средних людей и тех, кто видит, и шире, и дальше, и глубже этих достойных граждан, было всегда. Ведь это вполне достойные средние граждане античных Афин проголосовали за смертный приговор Сократу. А в мое время большинство советских людей если не участвовало, то все же допустило травли и Пастернака, и Сахарова, и Солженицына.

Исследователи отмечают в качестве характерной черты нашей эпохи грандиозное **понижение среднего уровня человечества**. И в мире. И в России.

Хотя сотни миллионов людей живут все обеспеченнее, все лучше, одновременно с этим усиливается их сугубо потребительский подход к жизни. Потребительство становится главной характеристикой среднего человека. Великий Аристотель еще в древности называл таких людей «жвачными животными».

Вырос и вырос гигантски удельный вес людей, занятых трудом в офисах. Если крестьянин на поле ежегодно видит смысл своих усилий, если рабочий пусть через разделение труда, но все же тоже видит реальный смысл своего труда, то работники контор не видят именно реального смысла своих усилий. Они превращаются в то, что называют **офисным планктоном**.

Другой слой, символизирующий деградацию человечества, можно назвать **спортивным планктоном**. Часто их называют «фанатами».

И наконец, третий слой — это прикованные к экранам телевизоров для созерцания всевозможных отупляющих сериалов и шоу. Это «**телевизионный планктон**».

Такое состояние человеческой массы по существу исключает саму возможность ее действий как активной силы.

По данным Льва Гудкова, сменившего Леваду на посту директора «Левада-центра», опубликованным в «Новой Газете», только 10 процентов населения имеет запрос на демократию. Но Гудков подчеркивает, и я с ним согласен, что и эти 10 процентов в состоянии полной растерянности, депрессии, дезориентированы и порой думают о миграции из России.

Ну а если не массы, то, может быть, выход найдут лидеры? Однако и тут мало утешительного. Достаточно посмотреть **на уровень лидеров** современного постиндустриального общества.

С одной стороны, талантливые люди — и в политике, и в бизнесе, и в науке, и в культуре.

Но, с другой стороны, нельзя не признать, что постиндустриализм пока не выдвинул гигантов, подобных тем, кто жил и работал в XX веке. Вспомним политических лидеров — Ленина, Сталина, Рузвельта, Черчилля, Мао, Тито, Неру, Гитлера. Или капитанов бизнеса типа Форда, Аньели или Мацүшиты. Или деятелей науки масштаба Эйнштейна и Королева. Или звезд литературы уровня Булгакова и Маркеса.

Сейчас нет близких им по уровню деятелей. А ведь новые проблемы требуют лидеров не менее масштабных, чем были в XX веке.

Как можно назвать окружение президента и премьера, которое устроило на днях показ по TV всей стране их спортивных занятий? Несколько месяцев страну призывают к импортозамещению, а лидеры на лыжах одеты во все заграничное. Упражняются на иностранных тренажерах. Выходит, что импортозамещение — это для нас, а лидеры — как было в СССР при КПСС — живут на заграничном.

Я уже не говорю, что для страны важны не мускулы лидеров, а их мозги. Была бы очень нужна их открытая и честная дискуссия на TV друг с другом о главных проблемах страны.

А то, что нам предлагают, скорее провокация против лидеров.

Но мне представляется, что проблема гораздо глубже, чем в лидерах. Она — в том резервуаре, из которого можно черпать лидеров.

Таким резервуаром **не может быть весь человеческий потенциал** постиндустриального общества.

Но в обществе есть группа людей, озабоченных или прямо, но чаще через призму своих интересов и подходов, но именно **общими проблемами всех людей**.

Как назвать этот слой? На мой взгляд, больше всего подходит слово **элита**. В переводе — **лучшие**. Так используют этот термин биологи: элитные семена, элитные сельскохозяйственные животные.

Я понимаю элиту как **лучшую часть человечества**. Элита — тот слой общества, который является резервуаром лидеров.

Элита — это те, кому Одиссей в дантовском «Аде» говорит: «Вы созданы не для животной доли. Вы к Знаниям и Славе рождены». А Н.Г. Чернышевский в «Что делать?» употребил термин «соль Земли». Николай Бердяев говорил: «аристократия духа». Лев Гумилев: «пассионарии».

Проблема в том, что в постиндустриальном обществе не образовалась элита, которая бы соответствовала сложностям и уже вставшим перед ним сейчас и наметившимся в перспективе проблем.

В поисках выхода необходимо обозначить три участка анализа.

Во-первых, попытаться хотя бы в самых общих чертах рассмотреть и элиту в истории человеческого общества.

Во-вторых, на базе исторического анализа попытаться обозначить некоторые контуры модели элиты общества, теории элиты общества.

В-третьих, уже на базе этих размышлений высказать соображения о проблеме элиты в современной России.

2. Исторический опыт элит

2.1. Из истории мирового опыта

Даже самого первичного взгляда на историю человечества достаточно, чтобы определить, что человечество

никогда не существовало без людей, способных отличаться — по силе, по знаниям, по остроте мышления, по активности и любопытству, по предприимчивости, по желанию жить не только сегодняшним днем, по стремлению увидеть будущее.

Уже в первобытной общине были вожди, старейшины, волхвы и шаманы.

А в древних цивилизациях Египта были и фараоны, и жрецы, и военачальники, и чиновники-писцы, и лекари. Так было и в доколумбовых цивилизациях Америки.

Древняя Индия создала уже **модель элиты**, выделив в иерархии каст брахманов (наряду с воинами, торговцами и т. д.).

В глубокой древности появились и первая модель **народа-элиты**. Она представлена в Библии. Есть Создатель. Всего в мире и всех народов. Есть избранный им для Завета народ.

Античный мир тоже делит человечество на особый, избранный народ — греков, римлян, китайцев — и окружающее этот народ море варваров.

Феодальные системы строго разделяли уже **собственный** народ на элиту — дворянство и массу — крепостных крестьян.

Конечно, все века предпринимались попытки отвергнуть идею элиты. В античности была идея равенства свободных. И греки создают первые демократические общественные системы.

В общем виде идея равенства представлена в христианстве. Христос заявлял, что нет ни эллина, ни иудея.

Есть Человек. Есть Люди. И — по Булгакову — Христос считал, что все люди добрые.

А Мартин Лютер, великий реформатор христианства, любил повторять притчу: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, где был тогда дворянин и был ли он вообще?»

Но по-настоящему равенство стало одним из трех фундаментальных лозунгов при наступлении эпохи **капитализма**. Три цвета знамени французской революции, ее три великих постулата: Свобода, Равенство, Братство.

Но и капитализм не обошелся без элиты. Правда, опирающуюся на новый фундамент — не происхождение, не кровь, а на **собственность и ее символ — деньги**.

Капитализм, неразрывно связанный с прогрессом, выделил и людей знаний, **интеллигенцию** как обязательную, важную, необходимую, достаточно массивную часть элиты.

Капитализм менее чем за два века освоил и подчинил весь земной шар. Но при этом все было пропитано заботой о прибыли. Все было ориентировано на максимальную эксплуатацию трудящихся.

Узость кругозора денег и прибыли, дефекты развития в виде цикличности, острые классовые противоречия, противоречия внутри самой элиты предопределили границы капиталистического строя.

2.2. Из опыта элиты досоциалистической России

Досоциалистическая Россия имела три главные эпохи — Киевскую Русь, Московское царство и империю Романовых.

До 1917 года романовская монархия просуществовала более 300 лет. И одним из важных факторов этого поразительного трехвекового долголетия была ее элита.

Элита имперской России была представлена прежде всего **дворянством**. Но в состав элиты включались и определенные слои купечества (члены гильдии), и почетные граждане, и церковная иерархия, и национальные элиты нерусских частей империи, и дворяне других стран, и целые слои общества, например казаки.

А само дворянство в российской империи не было замкнутой кастой. Была отработана система получения дворянства. И отец В.И. Ленина, Илья Ульянов, окончивая университет, становился дворянином.

Главной чертой российской элиты была ее связь с государством, **державность**. Не столько государство формировалось элитой, сколько элита формировалась государством.

Другая черта российской элиты — ее **военная основа**. Не величина земельной собственности, не количество крепостных, а именно военная служба была главной чертой дворянства в России.

В элите России было **две системы иерархии**. Одна — по занимаемым должностям. Другая — по званиям, в зависимости от срока службы. Была Табель о рангах. И были четкие соотношения званий и рангов в разных

областях деятельности: в армии, в чиновничьем аппарате, в образовании, в церковной иерархии.

Еще одна важная черта российской элиты — жесткое **подчинение верху**. Без этого не могла существовать огромная держава. Так как это подчинение сложно осуществлять за тысячи верст, в России очень важны были **законы**. Они представляли волю верха на местах.

Полновластие вышестоящего начальства легко становится источником произвола, фаворитизма, семейственности.

Черта российской экономической элиты — полное господство в элите **государственной бюрократии**. И городничий в «Ревизоре» Гоголя, таскающий за бороды купцов своего города, более чем типичен. Предприниматели России в 1917 году не осмелились представить свою жизнь без бюрократического государства.

Характерная черта всей российской элиты — ее **идеологизированность**. Все освящалось православием: от рождения детей до пушек для убийства. Собственно сама принадлежность к православной вере только и давала право называться русским. Других критериев не было. Принятие православия было пропуском в элиту для еврейских предков Ленина.

Важная черта российской элиты — ее **многонациональность**. И сами цари давали старт, выбирая жен обязательно за границей, **среди иностранцев**.

Еще одна черта — **иностранное влияние**. Были три «волны» иностранного влияния.

Первая — греческая. Со времен крещения Руси и до женитьбы Ивана III на византийской принцессе Софье Палеолог.

Вторая — татарская. Со времен Золотой Орды русские князья женились на татарках, а татары оставались служить в Московском государстве. Присоединивший к России Казань Иван IV был не только потомком победителя на Куликовом поле Дмитрия Донского, но и потомком побежденного там Мамаю. А один из творцов экзистенциализма Николай Бердяев был из древнего татарского рода.

Третья волна началась с Петром I. Среди славных «птенцов гнезда Петрова» блистали и Брюс, и Боур. А немцы из Прибалтики составили наиболее дисциплинированную, наиболее бескоррупционно работавшую часть петербургского чиновничества.

Поразительно, что при огромной роли иностранного элита России отличалась исключительным **патриотизмом**. По Пушкину, Татьяна письмо Онегину пишет на французском, но она же — «русская душою».

Важнейшая черта элиты России — ее полная **ориентированность на одного лидера**, на вершину пирамиды, на царя.

Элиту России отличала **верность**, преданность монарху. Никаких Алых и Белых Роз, католиков и Фронды и любых видов массовой оппозиции в элите России до 1905 года не было.

Романовскую элиту отличала исключительная **стойкость**. Наполеон уже взял Москву в 1812 году, а ни один

дворянин, начиная с царя, ни о каком соглашении с захватчиком и думать не хотел.

И одной из важнейших черт российской элиты была ее **тесная связь с народными массами**, забота о крепостных, попечительство. Были, конечно, и Салтычихи, но преобладала тесная связь барина и крестьян. Традиция **заботы** элиты о массах — тоже характерна для России (по Лермонтову, полковник был не только «слуга царю», но и «отец солдатам»).

Это в том числе объясняет, почему самые могучие крестьянские восстания бушевали на окраинах России и захлебывались, вступая в коренные русские земли.

В целом российская элита далеко не случайно сумела почти три века «нести на себе бремя» великой империи.

2.3. Элита советского государственно-бюрократического социализма

И в XX веке была предпринята попытка утвердить новый строй — строй государственно-бюрократического социализма.

Социализм Маркса, социализм рабочего класса, воспринял фундаментальную идею Библии об избранном народе. У Маркса вместо избранного народа с особой миссией появился избранный класс со своей исторической миссией.

Ленинский социализм в России тоже вначале говорил о всеобщем равенстве. Но чуть ли не с первых дней Октябрьской революции 1917 года социализм в России смог устоять и развиваться только в форме государства

с присущей ему бюрократией. Это был государственно-бюрократический социализм.

Основной стала **партия** — как общая организация правящей элиты государственного социализма.

Партия включала основную часть бюрократии и тех членов общества, которые бюрократию поддерживали, были и ее опорой, и резервом ее кадров. Партия сама отбирала для себя членов во всех слоях общества.

Внутри партии был реализован принцип **демократического централизма** — принцип полного и беспрекословного подчинения нижестоящих вышестоящим.

Советская элита была **четко структурирована** на партийную, силовую, военную, советскую, хозяйственную отрасли непроизводственной сферы.

Элита государственного социализма **достигла значительных успехов** в промышленности, в создании армии, в науке. Впервые общество стало развиваться по общему плану. Осуществилась культурная революция. Удалось преодолеть такие беды капиталистического строя, как кризисы, безработица, огромное неравенство. Символом успехов советской элиты стали успехи в освоении ядерного оружия и космоса.

В то же время государственный социализм и его элита столкнулись с целым **комплексом неразрешимых проблем и противоречий**.

Интернациональный социализм практически втискивался в национальные рамки и внутри СССР, и на международной арене.

Согласование интересов отдельных отрядов советской бюрократии шло без демократических механизмов. Все держалось на силовом командовании верхов — номенклатуры.

Бюрократия постоянно стремилась обеспечить себя разнообразными привилегиями.

Но самым главным стало то, что элита государственного социализма не **имела должных стимулов к научно-техническому прогрессу**. Почти все, что дал XX век — от телевизоров до пылесосов, от синтетики до новых лекарств, — появилось в другой социальной системе.

В верха элиты шли не все способные к творчеству, а только успешные в подчинении и командовании. И, оказавшись на вершине пирамиды, обретая всевластие, они не имели данных для организации прогрессивного развития. Они были пригодны для плавания по принятым правилам и нормам.

И далеко не случайно элита государственно-бюрократического социализма стала символом элиты тупика.

Огромный исторический опыт элит в человеческих обществах позволяет наметить некоторые общие позиции. Условно их можно назвать **«концепцией элиты»** или **«теорией элиты»**. Такой теории пока нет. Но некоторые моменты можно обозначить.

3. О теории элиты

3.1. Необходимость и функции элиты

Прежде всего, надо отметить **обязательность** наличия элиты в любом из известных нам человеческих сообществ.

Человеческое сообщество строилось на двух началах.

Во-первых, на **идее единства** людей. Во-вторых, на идее их **равенства**. Идея того, что люди вокруг тебя равны тебе, **позволяла формировать** все человеческие сообщества.

Люди в массе достойные, нормальные. Обычно они озабочены по преимуществу текущими проблемами. В кризисные периоды они поднимаются, становятся, используя термин Гегеля, историческими. Но как только, по их мнению, общие проблемы в целом решены (или это им так кажется), то они снова возвращаются к своей повседневной жизни.

Но ни одно человеческое сообщество не могло обойтись и без элиты. А элита — это уже признание неравенства людей. Вожак, идущий впереди и видящий дальше других. Старейшина — знающий больше других и о реке, и о лесе, и о животных. Жрец — умеющий лечить болезни. И так далее.

Без элит человечество не могло бы жить.

Девяносьть пять процентов людей стремятся прожить нормальную, достойную, благополучную жизнь. Они тяготеют к повторению, с улучшением, норм и стандартов жизни своих родителей и прадедов. В этой ориен-

тации на нормы прошлого заложен серьезный смысл. Ведь опыт предков — серьезный довод за то, чтобы повторять их правила и нормы жизни.

А вот обновления, новшества — вещи, связанные с инициативой. И кто-то из первобытной элиты придумал добывать огонь трением, а не ждать молнии или лесного пожара.

Создание нового — прогресса — важная функция элиты в обществе.

Но главная ее функция — создавать в человеческой массе **организацию и порядок**.

Еще важная функция элиты — **защита человеческого общества**. От других сообществ и вообще от всех внешних врагов.

Еще одна функция элиты — поиск, накопление, хранение информации, **знаний**. Элита — это своего рода **мозг** человеческого сообщества.

Следующая функция элиты — создание **идеологических концепций**. От первобытных верований до развитых систем религии. И до философии.

Функция элиты — развитие всего комплекса **культуры**. Культура создается элитой.

У элиты есть и очень важная для нее самой **функция самосохранения**, самозащиты себя как особой части общества.

Чтобы выполнять эти функции, элита должна освободить себя от заботы о хлебе насущном, заставить общество содержать себя. Чтобы думать, надо освободить руки от работы. И не просто «кормиться», но и

жить лучше других. Это можно сформулировать и так: элита — всегда **эксплуаторская часть общества**. Если считать эксплуатацией жизнь за счет других.

Жизнь за счет других — эксплуатация — необходима для общества. Это и содержание детей за счет родителей, и содержание больных за счет здоровых, и содержание пожилых за счет молодежи. Это та эксплуатация, без которой невозможно человеческое сообщество.

Элита старается максимально обеспечить себя. Но избыточное изъятие у трудящегося населения части доходов позволяет элите жить, уже ничего не делая для массы, то есть паразитируя. **Паразитизм — раковая опухоль элиты**.

Какую долю составляет элита в обществе? Когда-то Чернышевский писал о 10 процентах — если вы помните «Что делать?». Гумилев, напротив, говорил о десятках, даже о единицах пассионариев. Думаю, что можно говорить о пяти процентах членов общества, пригодных для того, чтобы войти в состав элиты.

Элита — основной резервуар правящего класса. Она шире правящего класса.

В последнюю четверть XX века проблема элиты привлекает все больше внимания. И это не случайно.

Упор на свободу каждой личности, свободу каждого индивида был одним из факторов отказа и от капитализма, и от бюрократического социализма.

Но опыт популистской демократии с равными правами каждого гражданина показал, что не только свобода

должна идти к индивиду, но и индивид должен быть достоин свободы.

А масса населения, сосредоточенная на своих личных проблемах, не готова подняться до понимания самых общих и самых долгосрочных проблем. И чем острее становятся эти проблемы, тем логичнее внимание к той, меньшей, незначительной части интеллигенции, которая готова ими заниматься. К элите общества.

3.2. Характеристики элиты

Важная характеристика элиты — **основа ее формирования.**

Можно выделить такие главные основы: этнические, расовые, классовые, идеологические.

Этническая база элиты — это когда весь народ становится элитой. Например, как маньчжуры в Китае.

Расовая система выделения элиты предполагает такие характеристики, как цвет кожи, состав крови и т. д. Достаточно длительное время в США элита была только белой расой. А Гитлер в Германии выделял немцев — арийцев.

Еще одна система — **классовая.** Элита опирается на один класс. Вспомним концепцию диктатуры пролетариата или дворянства России.

Основой элиты бывали и сугубо **идеологические** мотивы. Так, идеологической была основа компартии в СССР. А в царской России православие было идеологическим условием вступления в элиту России.

Другая характеристика — **механизм** формирования элиты.

Это механизм **наследования**. Это далее, механизм **вовлечения самой элитой** в свои ряды новых членов (так формировала себя коммунистическая элита в СССР)

Еще один — разные формы **участия** общества в создании элиты.

И наконец, **популистская демократия**, когда значительную часть элиты избирают своим голосованием **все** члены общества.

Еще одна важная характеристика элиты — ее **структура**.

От достаточно простых структур элита развивалась в очень сложные социальные образования.

И по роду занятий — аппарат органов власти, армия, техника, образование и т. д.

По гендерным характеристикам элиты — доля женщин.

По возрасту — доля молодежи, доля пожилых.

Одна из характеристик структуры элиты — ее **иерархия**. В элите всегда есть высшая группа, номенклатура. Это — элита элит. И вниз — до офисного планктона

Очень важно **отношение** общества к своей элите. На протяжении всего жизненного цикла данной элиты выступают то надежды, то уважение, то страх, то безразличие, то презрение, то ненависть.

Одна из важных характеристик элиты — ее **мотивация**. Элита должна быть заинтересована в эффективном выполнении своих функций.

Для элиты важны мотивации: духовная, идеологическая, материальная, моральная, социальная. Мотивацией является и комплекс мер наказания.

Само пребывание в составе элиты является мотивацией. Тем более если есть перспектива сохранить в элите своих детей.

Одна из характеристик элиты — это **жизненный цикл элиты**. Она возникает, усиливается, господствует, а потом теряет свой потенциал, вырождается.

Несмотря на различия элит, их жизненному циклу присущи общие черты. Остановимся на этих общих чертах.

3.3. Жизненный цикл элиты

Для успешности жизненного цикла элиты очень важна такая его характеристика, как **преемственность**.

Право наследования места в элите помогает сформировать комплекс ответственности и перед старшим поколением, и перед своими детьми.

Но именно право наследования и особенно такие его механизмы, как местничество и майорат, создавали препятствия для выдвижения на посты самых способных. Вспомните, о чем мечтает царь Борис Годунов у Пушкина — «не род, а ум поставлю в воеводы».

Но и отказ от жестких правил преемственности создавал проблемы: фаворизм, неустойчивость и т. д.

Важной характеристикой цикла жизни элиты является **темп смены кадров.**

Пребывание долгие годы на одном и том же посту дает члену элиты опыт. Это важно для качества его деятельности. Да и его самого достаточно хорошо все знают: и его сильные, и его слабые стороны.

Но длительное «закрепление» поста за конкретным членом элиты ведет к утрате всей системой гибкости, способности быстро реагировать, замечать и внедрять новое.

Для качества функционирования элиты важны **механизмы «сортировки»** во время жизненного цикла. Сортировка предполагает отбор, выдвижение лучших, сохранение их на постах, отсеивание менее эффективных. Как любой сад нуждается в очистке от сухостоя, так и элита должна иметь механизмы очистки. Они очень разные. От нормальных отставок или от не выдержавших конкурс до варварских ленинских чисток (при переходе от военного коммунизма к НЭПу из партии был исключен каждый третий) или зверского сталинского Большого террора 1937 года, расчистившего пространство для кадров его бюрократического социализма.

Но для всякой элиты рано или поздно в цикле наступает стадия **исчерпывания ее потенциала и ее вырождения.**

Вырождение элиты — закономерное явление ее жизненного цикла. Это то время, когда элита уже не может выполнять свои функции.

Все мы, старшее поколение России, были свидетелями вырождения и загнивания советской элиты в самых разнообразных формах — от растущей доли лиц пожилого возраста, увеличения доли все менее компетентных кадров, увеличения числа нарушителей советских законов, взяточничества и коррупции, превращения идеологических норм в формальные ритуалы.

Даже беглое рассмотрение теории элиты дает достаточно материала для перехода к заключительной теме лекции — о проблемах элиты современной России.

4. Проблемы формирования современной элиты России

4.1. Состояние элиты современной России

Если исходить из исторического очерка элиты и его теоретических обобщений, то можно выделить десять основных проблем современной элиты России.

Первая. Более или менее заметной элиты в постиндустриальной России **нет**. Есть **протоплазма элиты** — своего рода сырье для нее.

Вторая характеристика современной элиты России — непредсказуемость, **случайность попадания** члена общества в ее ряды.

Третья черта — **отсутствие устойчивости**. Нет никаких гарантий, что соблюдение таких-то и таких-то условий обеспечит пребывание в элите.

Четвертая черта нынешней российской элиты — ее ориентированность **на текущую деятельность**. Вообще

нет ничего долгосрочного, устремленного в будущее, адресованное потомкам. Нет, говоря словами Лермонтова, «гением начатого труда».

Пятая черта — совершенно недостаточное присутствие в рядах элиты **талантливых представителей нации**. Отсутствие талантов в элите позволяет пожить и возбуждать разного рода посредственностям. Ведь на плоской равнине каждая кочка кажется холмом. Ситуация очень напоминает картину, которую Ницше определил как «**мелочная эпоха плебейской близорукости**».

Шестая черта. У российской элиты **нет чувства ответственности** — ни перед Богом, ни перед Россией, ни перед ее гражданами, ни перед самой элитой.

Седьмая черта. Превалирование **жажды наживы**. Жажда наживы — это ведущая характеристика целого комплекса взаимосвязанных черт морали: крайнего близорукого эгоизма, зависти к другим и презрения ко всем, неудовлетворенность всем вокруг, упоение неравенством, наслаждение своим превосходством над окружающими и т. д.

Восьмая черта современной элиты — ее полная **зависимость от одного из отрядов элиты — от бюрократии** в целом и особенно от **номенклатуры**.

Почти вся экономика и вся непроизводственная сфера — в руках государства, и элита этих сфер — под бюрократией.

Девятая черта. **Восприимчивость к коррупции**. Сама по себе работа на государство не дает гарантий благополучной жизни после ухода из властных струк-

тур. Поэтому бюрократия в российской элите крайне неустойчива перед коррупцией, крайне восприимчива к воздействию в виде взяток.

Десятая черта. Элита российского постиндустриализма оказалась **слабо подготовлена**, а то и вообще не подготовлена к тому урагану, цунами сложных проблем переходного периода от государственного социализма к новому строю и, тем более, к перспективам современной цивилизации.

Почему при всех этих очевидных недостатках уже не одно десятилетие в России командует эта элита?

Ответ прост. Да потому, что она от России как общества, как социальной системы не зависит. Она живет не за счет общества, а за счет углеводородной ренты от вывоза нефти и газа, то есть богатств недр страны. Эти недрa и их эксплуатацию элита сумела захватить, кормиться самой и расходовать на «подкормку и подкуп» народных масс.

Но стоит возникнуть проблеме с этой рентой, то нынешняя элита — как было с элитой Горбачева четверть века назад при падении цен на нефть — будет обречена.

Так как развитие России невозможно без элиты, способностей предвидеть, ставить и решать актуальные проблемы выхода из социализма и всей цивилизации XXI века, то **главная, исходная проблема современного развития России — необходимость активных усилий по формированию реальной элиты** как базы выживания России в XXI веке.

Сначала я остановлюсь на текущих, назревших, а потом и на перспективных мерах.

4.2. Назревшие меры по формированию российской элиты

Среди уже назревших мер я бы выделил пять.

Во-первых, это восстановление использованной М.С. Горбачевым при созыве I Съезда народных депутатов СССР в 1989 году модели, предусматривающей так называемую квоту для общественных организаций.

М.С. Горбачев хорошо понимал, что при самой демократичной процедуре альтернативных выборов главная движущая сила перехода от бюрократического социализма к его «обновленному социализму» — интеллигенция — не получит достаточного количества депутатских мест. И Горбачев, воспользовавшись страхом верхушки КПСС идти на прямые тайные выборы населением, и провел систему, при которой одна четверть мест Съезда заранее выводилась из сферы всенародного голосования. На эту часть мест депутатов избирали главные силы общества — общественные организации, начиная с самой КПСС и профсоюзов до обществ изобретателей или кинематографистов. Весомая часть — от организаций интеллигенции.

В итоге в состав народных депутатов СССР наряду с членами ЦК КПСС попали лучшие, наиболее авторитетные в среде интеллигенции, люди — от режиссера Марка Захарова до композитора Родиона Щедрина, от врача Святослава Федорова до академика Андрея Сахарова.

Такого «высоколобого» парламента ни старая Россия, ни СССР — в прошлом, ни новая Россия — потом — не знали. Прежде всего, из этой части депутатов

была сформирована первая официальная оппозиция в СССР — Межрегиональная депутатская группа, сыгравшая особую роль при выходе страны из бюрократического социализма.

Думаю, что и сегодня для повышения роли элиты в современной России **надо четверть депутатов избирать не голосами населения, а голосами отдельных групп интеллигенции.**

И, далее, сделать то, чего не сделал Горбачев, — распространить этот принцип **на выборные органы власти всех уровней.**

Это повысит интеллектуальный уровень всего депутатского корпуса России и всей ее элиты.

Вторая мера — создание, с введением новых статей в Конституцию, в стране **органов долгосрочного, стратегического планирования.**

Чтобы у главных долгосрочных стратегических проблем будущего — энергетики, экологии, биогенетики, космоса и т. д. появились подлинные кураторы.

Должны быть разработаны и процедуры формирования таких органов. Например, в Главплан России должны автоматически входить бывшие первые лица страны: президенты, премьеры, руководители палат. И губернаторы, и министры, занимавшие свои посты более десяти лет. В Главплан должны делегировать своих лучших членов Академия наук, творческие союзы, объединения интеллигенции. И наконец, Главплан должен иметь право половину своих членов избирать сам.

Мы получим орган, способный выделять проблемы будущего, обеспечивать их анализ, подготовку для властей проектов их решения и контроль за реализацией принятых решений.

Третья мера повышения качества российской элиты — создание **организационной и финансовой независимости третьей и четвертой ветвей власти**, судов и средств массовой информации, прежде всего электронных.

Для этого нужно внедрить в них **особую систему альтернативных выборов**. При выборах этих властей надо реализовать **два принципа**. Первый. Избрание первого уровня судей и журналистов народом. Второй. Избрание самими судьями и самими журналистами всех вышестоящих звеньев этих властей.

Надо обеспечить и полную финансовую независимость третьей и четвертой властей введением **особых налогов** для них.

Четвертая мера — создание в обществе и государственной системе надежного и эффективного фундамента: **первого звена власти**. В развитых странах это полномочные муниципалитеты. В России по традиции это звено можно назвать общиной и земством.

А.И. Солженицын справедливо придавал особое значение этому звену. На уровне земств смыкаются массы и элита, элита и бюрократия. Ведь здесь главную роль играют граждане, которые совмещают свою основную деятельность с обязанностями управленцев.

На этом уровне главные — не чиновники, а избранные в члены земства уважаемые местные граждане. Именно этому звену надо передать массу функций, изъав их из ведения бюрократии.

Пятая мера — разгосударствление непроизводственной сферы. Это самая главная среди неотложных мер.

И если я обозначаю это пятым пунктом, то только потому, что без отмеченных выше четырех мер подлинное разгосударствление в непроизводственной сфере осуществить невозможно, все опять сведется к олигархически-бюрократической приватизации.

Суть же разгосударствления проста — о ней я уже читал лекцию. Надо, чтобы врач, учитель, театр получали деньги не от бюрократии, а от граждан напрямую.

Деньги, которые сегодня государство отбирает у граждан и само тратит на школы или больницы, должны остаться на руках у этих граждан, и они сами решат, кому и сколько платить — и из этих денег, и из своих.

Итогов три. Во-первых, в непроизводственной сфере возникнет конкуренция. Во-вторых, главными судьями будут потребители услуг, то есть граждане. И в-третьих, государство, освобожденное от забот о школьных партах и больничных койках, сможет бросить все свои силы на решение главной исторической задачи России в XXI веке — на модернизацию, реально возглавит все общество именно на этом участке.

4.3. Перспективные проблемы формирования российской элиты

В будущем необходимо перейти к тому, что можно назвать комплексом реформ по созданию элиты. Эти меры для удобства можно объединить в пять групп.

Первая мера — обеспечение **полной независимости** и от выборных, и от исполнительных структур власти **правлений всех принадлежащих государству хозяйственных организаций**: от Газпрома до муниципального театра или городского стадиона. А независимые правления избирают директоров. Хозяйственные организации, даже государственные, обязаны жить по законам хозяйственной экономики.

Когда в США в тридцатые годы прошлого века создавалась первая мощная государственная хозяйственная организация — корпорация по освоению долины реки Теннесси, то президент Рузвельт специально старался сделать ее независимой и от конгресса, и от Сената, и от него самого. Академик А.Г. Агибегян, профессор Б.З. Мильнер и я, которых послали тогда по поручению Д.М. Гвишиани (с согласия А.Н. Косыгина) изучать для нашей экономической реформы этот опыт, специально отметили эту черту.

И в Канаде, например, есть достаточно эффективная система взаимоотношения государственных корпораций и органов власти. Если мне память не изменяет, когда-то на экфаке МГУ Руслан Имранович Хасбулатов после стажировки в Канаде защищал на эту тему докторскую диссертацию.

Если мы хотим, чтобы государственные хозяйственные органы были независимыми, то надо отнять и у Думы, и у правительства право вмешиваться в дела Газпрома и — самое главное — в назначение его руководителей. Напротив, администрация государственных корпораций должна быть мощным фактором влияния на государство.

Во-вторых, от демократии нынешней системы со схемой «партия власти — партии оппозиции» надо перейти к другой, тоже демократической системе, когда партия власти представлена двумя конкурирующими партиями: и правящая партия, и партия-оппонент. Избиратели выбирают более приемлемую в данный момент для них одну из партий власти. А оппозиционные партии — как и сейчас — будут в роли «вечных критиков» или кандидатов в «младшие партнеры» в случаях правящей коалиции. Надо обеспечить для этого все условия: законодательные, организационные, экономические.

Надо запретить избираться на третий срок не только президенту, но и всем депутатам одного органа, губернаторам одной губернии, мэрам одного города. Далее, надо на оставшиеся после 1/4 мест для интеллигенции 3/4 корпуса избирать депутатов в личном качестве по округам. Надо сделать явку на выборы обязательной и считать выборы состоявшимися только при явке 3/4 от общего числа избирателей. И избранным может быть только тот кандидат, который получит более 50 процентов голосов от общего числа не голосующих, а избирателей.

Это все меры против примитивной популистской демократии.

В-третьих, так как главные проблемы будущего постиндустриализма связаны с работой человеческого интеллекта, его мышлением, то логично **способность к творческому мышлению** считать **главным системообразующим фактором формирования элиты постиндустриализма**. Необходимо выделять и поддерживать все объединения интеллигенции: учителей, инженеров, экономистов, агрономов, врачей, писателей, журналистов, юристов, артистов и т. д.

Так как в демократическом обществе логичны и параллельные, и конкурирующие объединения в среде тех же писателей или ученых, то **многообразие общественных объединений** — одна из опор новой элиты.

Нужна **обязательность** членства в таких объединениях для каждого члена элиты. Объединений адвокатов может быть несколько, но в одном из них я, если я адвокат, состоять обязан.

В-четвертых, необходимо внутри России в решении национального вопроса перейти от принципа национально-территориальной автономии к принципу культурно-национальной автономии.

Развитие постиндустриального общества ведет к исключительному динамизму в расселении представителей каждой нации по всей стране. Но значение национального сохраняется. Национальные границы из «заборов» становятся «проходными, дверями». Идет распространение представителей различных наций по

стране в поисках лучших приложений своих усилий, лучших условий жизни, лучшего климата для развития своей личности.

И главной национальной проблемой становится не территориальный фундамент нации, а ее культура и язык. Новые основы нации должны учитывать также интернационализацию и глобализацию мира. И важно, чтобы представитель любой нации в любом месте страны мог оставаться членом своего национального сообщества. Это обеспечивается национально-культурной автономией.

Поэтому территориально-национальные структуры надо сохранять только там, где доля одной нации составляет более 50 процентов общей численности населения данной территории.

А главными должны стать **национальные объединения в масштабе всей страны**. В них будет входить тот, кто готов платить и платит национальный налог. Национальные объединения на деньги налога организуют в школах по субботам занятия по изучению языка, культуры и истории своего народа. Эти объединения в каждом регионе образуют Совет национальностей. А в стране образуется третья палата представительной власти — Палата Национальностей.

В-пятых, перспективный итог — появление в элите России слоя, аналогичного дворянству в старой России или КПСС в СССР.

Этот слой должен объединить всех интеллектуалов общества. Возможное название — по терминологии

Стругацких в книге «Хищные вещи века» — «интелы». Или «спецы» — по терминологии первых лет советской власти.

Приведут ли предложенные комплексы мер, текущих и перспективных, к созданию эффективной элиты пост-индустриальной эпохи?

В мире уже немало тех, кто в этом сомневается. Уже сегодня есть антиглобалисты. Представители движений «Захвати Уолл-стрит», «Пять звезд», «Альтернатива для Германии», ряда мусульманских движений и т. д.

Всех их объединяет одно: **они не собираются совершенствовать постиндустриализм. Они не верят в него. Они отрицают его. Они выступают за новую цивилизацию.**

Нынешняя цивилизация на первое место ставит **Человека потребляющего** и стремится решать его проблемы. Новая — **Человека разумного**, ориентированного на ограничение потребления необходимым минимумом.

Нынешняя цивилизация главным считает **рост производства**. Новая — ставит четкие **пределы роста**, определяемые потенциальными ресурсами планеты.

Нынешняя цивилизация делает все для **увеличения численности** населения планеты. Новая — несомненно установит **пределы и лимиты роста и численности населения**.

Нынешняя цивилизация ориентирована на **всеобщее равенство**, на, говоря термином Герберта Маркузе,

«человека одного измерения». Новая — **на людей, способных к творчеству**. Она исходит из признания того, говоря словами Николая Бердяева из его книги «Философия неравенства», что «всякое творческое движение **есть возникновение неравенства**, возвышение, выделение качеств из бескачественной массы».

Новая цивилизация будет настолько противоположна нынешней, что именно к ней, а не к марксистскому коммунизму логичнее отнести слова самого Маркса **о конце Предыстории Человечества и начале его Подлинной Истории**.

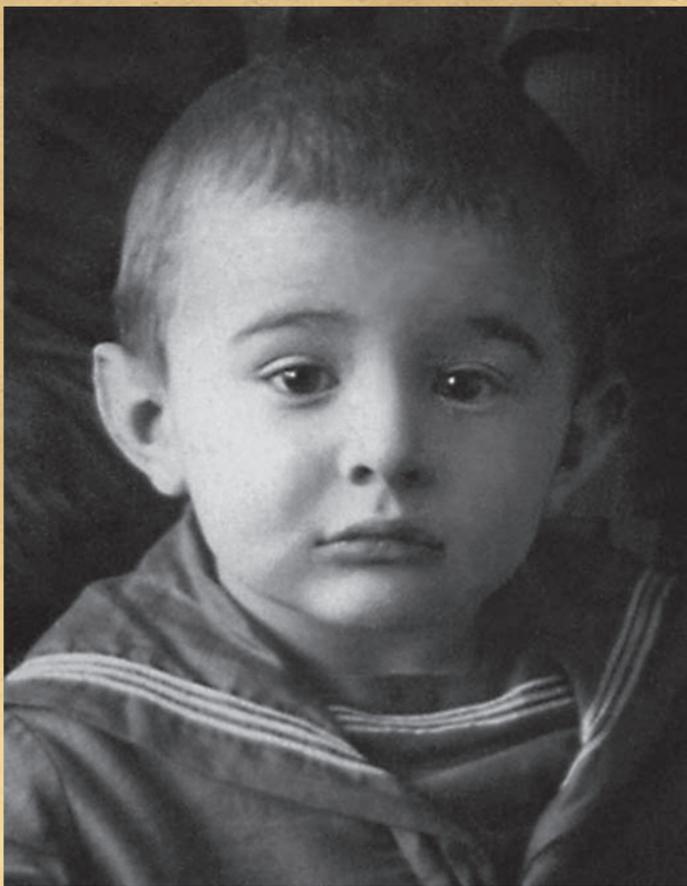
Но в настоящее время еще не исчерпаны все резервы для развития элиты постиндустриализма. И, на мой взгляд, предложенные группы мер создания элиты России — исходная, стартовая проблема.

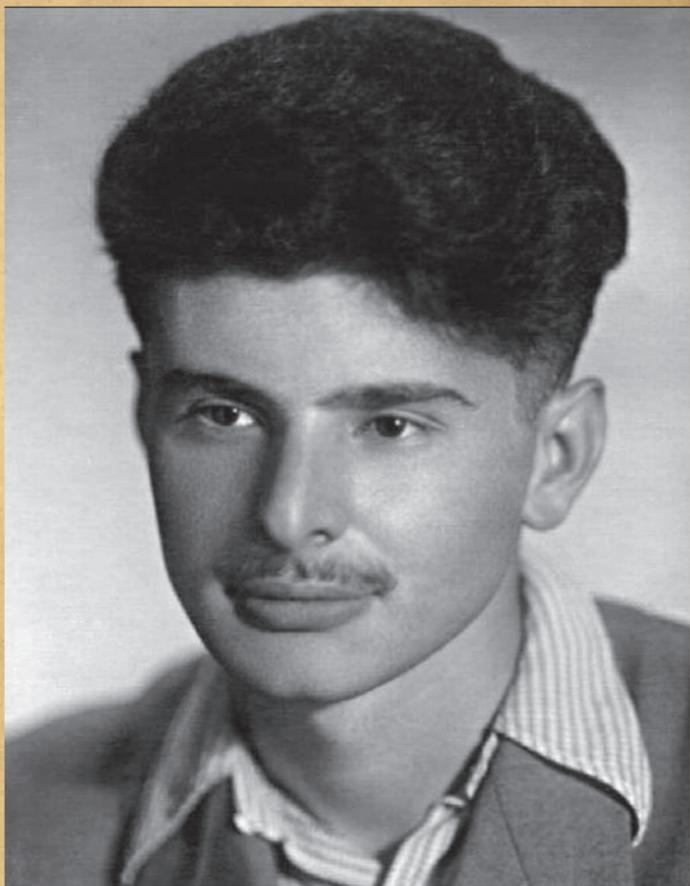

Мне уже год, 1937 г.

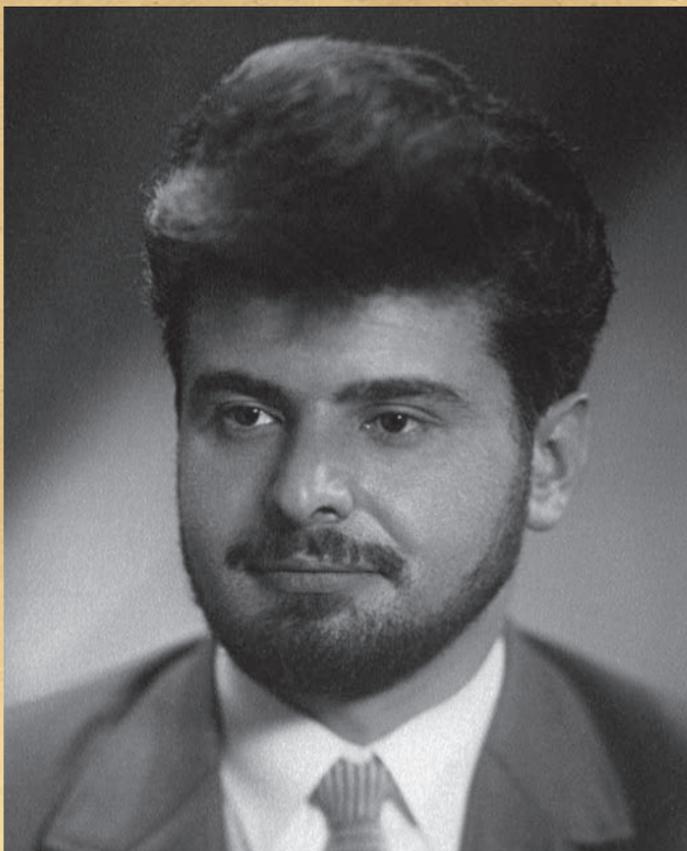
Фото разных лет

Алтайский край, 1940 г.

*Секретарь Комитета ВЛКСМ
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, 1959 г.*

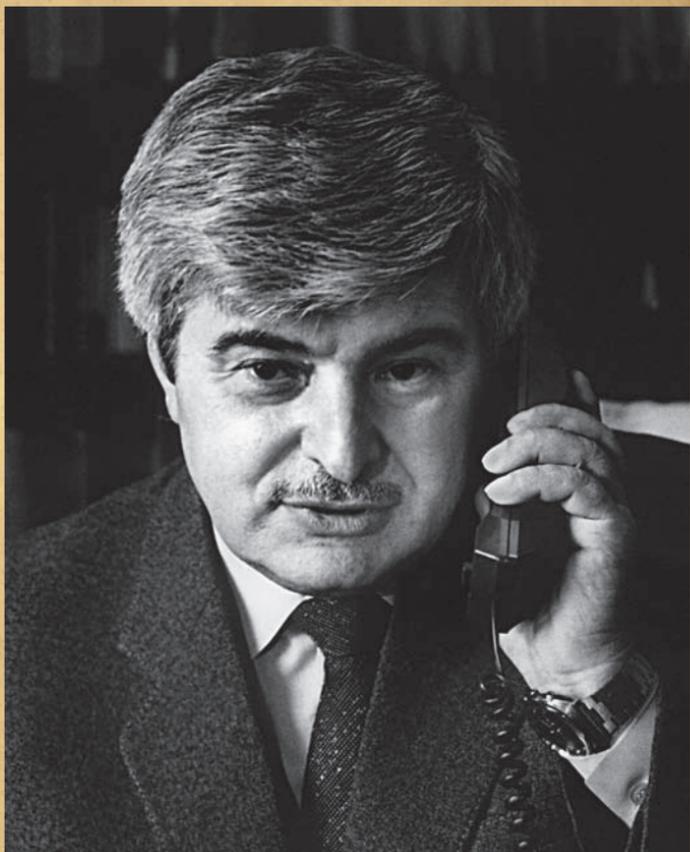
*Аспирант кафедры бухгалтерского учета
и анализа хозяйственной деятельности
экономического факультета Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова, 1961 г.*

1963 г.

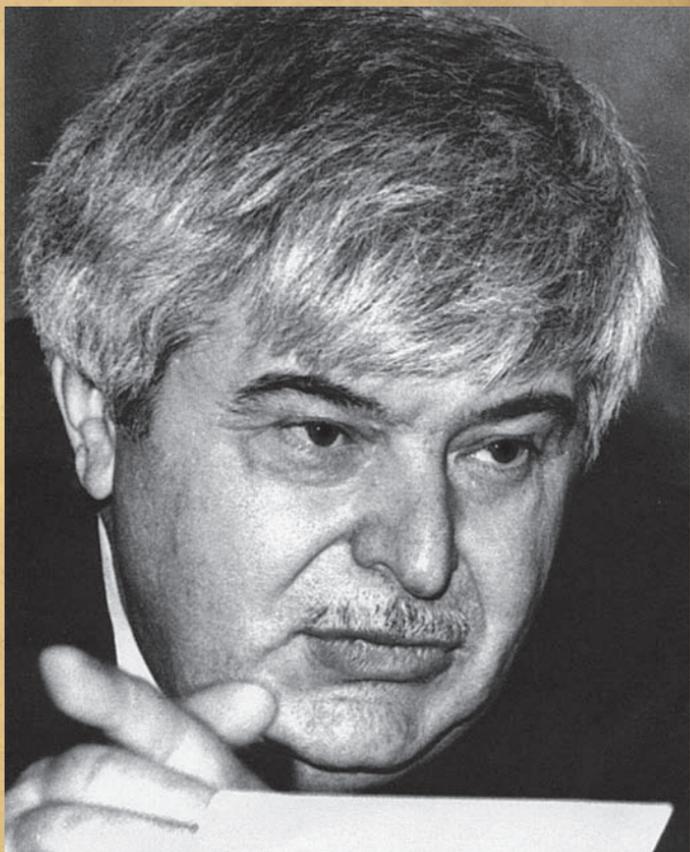
*Заведующий кафедрой организации и методов
управления экономического факультета МГУ,
1970 г.*

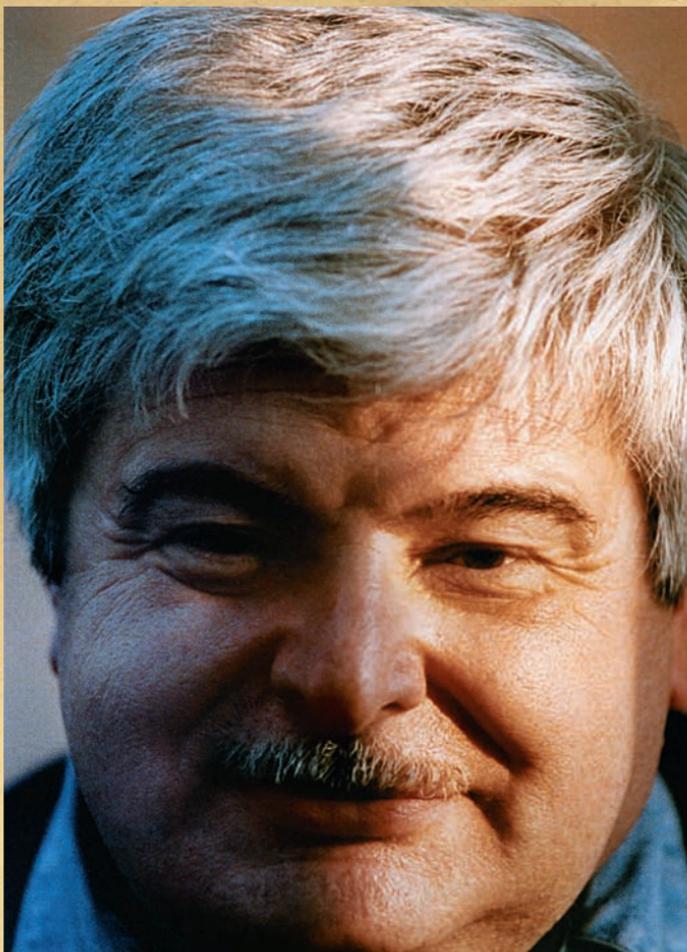
Декан экономического факультета МГУ, 1977 г.

*Народный депутат СССР, сопредседатель
Межрегиональной депутатской группы, 1989 г.*

Мэр Москвы, 1991 г.

*Президент Международного университета
в Москве, 1991 г.*

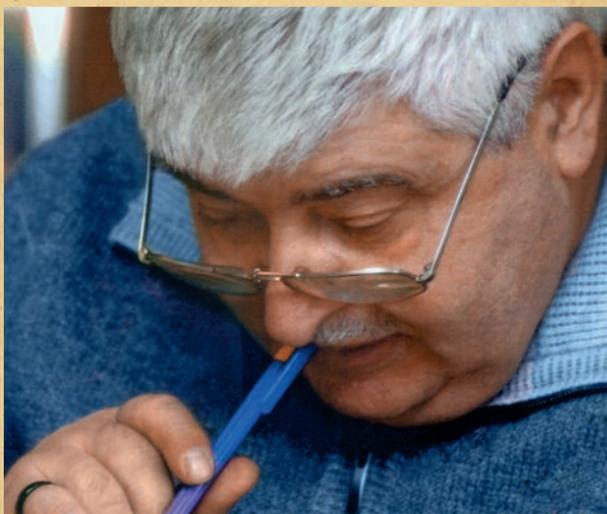
1992 г.

*Президент Вольного экономического общества
России, Международного Союза экономистов,
Международного университета в Москве, 1993 г.*

2000 г.

Мне 70 лет, 2006 г.

2007 г.

2008 з.

2009 з.

2012 г.

Часть II.
О Будущем Человечества

Великая Альтернатива XXI века

(Исчерпывание Постиндустриализма и перспектива Альтернативной Цивилизации)

Лекция

в Международном университете в Москве

2 сентября 2013 года

В наше сложное время мы все чаще слышим слово «анти».

Антиглобализм. Антиевропеизм. Антифундаментализм. И так далее — вплоть до антидепрессантов.

За этими «анти» выступает нечто более общее. Это общее — «Альтернатива».

Альтернатива углеводородной энергетики. Альтернатива мегаполисам. А на днях образовавшаяся в Германии новая партия была названа «Альтернативой для Германии» (АФД). Ожидается, что уже на ближайших осенних выборах в бундестаг ФРГ процент поданных за нее голосов будет заметным. А похожая на АФД недавно созданная в Италии партия «Пять звезд» получила на выборах в парламент чуть ли не четверть голосов избирателей.

Что стоит за этой всеобщей тягой к «анти», превращающейся в грозную «Альтернативу»?

Суть моей точки зрения в том, что в наступившем XXI веке перед человечеством возникла Великая Альтернати-

ва — перспектива Новой Цивилизации, противоположной нашей Промышленной.

Свою точку зрения я и предлагаю вам в этой лекции.

1. Утверждение и кризисы постиндустриализма

Цивилизацию, при которой мы живем, чаще всего называют Промышленной.

Она началась с Первой промышленной революции — с паровых машин. Затем была Вторая промышленная революция — появились электричество и двигатель внутреннего сгорания. Затем — Третья — эпоха электроники, атомной энергии, информатики.

А если говорить о социальных системах, то Промышленная цивилизация прошла классический капитализм, империализм, государственно-бюрократический социализм, а сейчас живет при постиндустриальном строе.

Постиндустриальному строю предшествовали два великих кризиса: кризис капитализма и кризис государственного социализма.

Прежде всего это был предсказанный Карлом Марксом кризис капитализма: строя частной собственности, частного производства, независимых товаропроизводителей, рынка как главного механизма экономики и свободной конкуренции как главного двигателя этого механизма.

Этот строй гигантски двинул вперед развитие производительных сил. Но он имел глубокие внутренние противоречия. Попытки преодолеть их путем перехода в империализм только их усугубили. Итогом стала грандиозная

мировая бойня — Первая мировая война. Война эта — десятки миллионов убитых, десятки миллионов раненых, изувеченных, отравленных газами, грандиозные разрушения... Для человечества стало ясно, что необходимо преодолеть и капитализм, и империализм.

Замена была предложена — государственный социализм.

Предложена в двух вариантах. В российском, ленинском, интернациональном. И в гитлеровском, немецком, национал-социалистическом.

Различий было немало, но главное отличие этих двух социализмов состояло в том, что первый считал, что социализм — это для всего мира. А второй считал достойными социализма только несколько народов, точнее рас. Прежде всего арийскую.

Оба социализма для своего утверждения нуждались во всем земном шаре и вступили в борьбу за него.

Итогом стала Вторая мировая война. Противоречия между интернациональным и национальным социализмами были столь велики, что СССР вступил в союз с западными, несоциалистическими странами. Национал-социализм был побежден.

Теперь главным врагом интернационального социализма стал несоциалистический мир. Началась длительная холодная война.

СССР не выдержал холодной войны. Не выдержал, так как выяснилось, что сама система государственного социализма, имея серьезные преимущества, в то же время оказалась обремененной не менее серьезными дефектами. Глав-

ными из них были три: 1) неспособность к комплексному научно-техническому прогрессу, 2) незаинтересованность членов общества в росте эффективности экономики и 3) субъективизм хозяина государственного социализма — бюрократии и ее верхушки — номенклатуры. В особенности лидеров этой номенклатуры. Итог — кризис государственного социализма и его гибель.

Государственный социализм, строго говоря, не был побежден. Он распался сам. Победителем оказался его противник — Запад. Что же это был за победитель?

Это был новый, постиндустриальный строй, который начался с Нового курса президента США Рузвельта в начале тридцатых годов и заменил на Западе капитализм.

Постиндустриальный строй попытался преодолеть болезни и капитализма, и государственного социализма. И объединить их преимущества. У социализма он взял социальную ответственность и централизованное регулирование. У капитализма — рынок, конкуренцию. Там, где эффективно частное хозяйство — оно осталось. Там, где необходимо действовать в масштабе общества — утверждались государственный сектор и государственное регулирование.

Политическим строем постиндустриализма стала демократия. Демократия особого типа — всеобщая, популистская.

Постиндустриализм утвердился в двух вариантах. В странах бывшего капитализма в основном в варианте господства финансовой олигархии. В бывших социалисти-

ческих странах в основном в виде господства бюрократии и номенклатуры.

С первых же шагов постиндустриалистического строя выяснилось, что он, устраняя многие противоречия и капиталистической системы, и государственного социализма, сам оказался обременен глубокими противоречиями.

Казалось бы, после окончания холодной войны на нашей планете наступит более спокойное время. Да, опасность ядерной катастрофы в основном отодвинулась. Но мир не наступил. Постиндустриализм в его современном варианте оказался обременен кризисами.

Прежде всего, это **военные конфликты**. В Иране. В Афганистане. В Югославии. В Африке. В Чечне. В арабских странах.

Мир захватил **террор**. Рухнули башни небоскребов в Нью-Йорке. Взрывы гостиниц в Индии, домов в Москве, в лондонском метро, расстрел в норвежском молодежном лагере.

Пришли и новые **конфликты**: национальные, гендерные, религиозные, моральные, бытовые.

Но самыми разрушительными стали **экономические кризисы**. Даже в Европе: в Греции и Испании чуть ли не каждый третий гражданин и чуть ли не каждый второй молодой человек не имеют работы.

Сталкиваясь с трудностями и кризисами, постиндустриальный строй ищет средства их преодоления.

Подход первый — **Реванш**. Или возврат к капитализму (обновленному). Или возврат к государственному соци-

ализму — тоже обновленному. Здесь, на мой взгляд, перспектив нет.

Второй путь — **Ремонт** нынешнего постиндустриализма. Радикальных перемен и на этом пути тоже не будет.

Третий путь — принципиальное **Обновление** постиндустриализма и формирование **Нового Постиндустриализма**.

Четвертый путь — отказ от постиндустриализма и переход к новому строю, а точнее к **Новой Цивилизации**.

Остановлюсь на двух последних, сулящих перспективы вариантах. Обновленный Постиндустриализм. И Новая Цивилизация.

2. Шансы постиндустриализма

Каковы шансы у постиндустриального строя на существование в XXI веке?

Казалось бы, масштаб противоречий этого строя столь велик, что есть уже сейчас все основания говорить о его исчерпывании.

Но ведь модель постиндустриализма «не совпадает» с ее реальными вариантами — ни номенклатурно-олигархическим, ни финансовым.

Поэтому можно ставить вопрос о шансах постиндустриализма.

Рассмотрим эти шансы в отношении трех главных блоков этого строя — экономического, политического и социального.

Так как в этой аудитории преобладают ориентированные на бизнес молодые люди, я прежде всего остановлюсь

на путях совершенствования экономического механизма в его главных узлах: государственный сектор, частный сектор, коллективный сектор и надгосударственная, международная экономика.

Сначала **о государственном секторе** постиндустриальной экономики. Здесь я бы выделил три направления перспективы развития.

Во-первых, уточнение размеров и состава госсектора. В руках государства должно остаться только то, с чем плохо справляется или вообще не справляется частный бизнес. Сейчас, условно говоря, на полях госсектора «пасется» частный бизнес (например, при добыче природного сырья). А, с другой стороны, государство взваливает на себя то, с чем лучше справляется частное предпринимательство (например, детские сады).

Во-вторых, в госсекторе надо внедрить такие факторы повышения его эффективности, как конкуренция и материальная заинтересованность.

Уместно вспомнить, что успехи советской авиации были связаны с тем, что Сталин создал несколько государственных конструкторских бюро с заводами — Яковлева, Лавочкина и т. д., конкурирующих друг с другом. А одна из причин утраты лидерства СССР в космосе состояла в том, что все было монополизировано одним космическим центром.

Уместно также вспомнить, что реформа 1965 года Косыгина, создав систему новых материальных стимулов у коллективов и директоров предприятий, позволила ускорить темпы советской экономики.

В-третьих, надо устранить все участки «сращивания» государственного и частного бизнеса. Еще при Горбачеве выяснилось, что кооператив при госпредприятии дает директору доход, в десятки раз превышающий его зарплату. Неудивительно, что директор все лучшее государственно-го завода передавал этому кооперативу. Сращивание надо изгонять.

Частный сектор постиндустриальной экономики требует следующих мер.

Во-первых, надо создать все условия для конкуренции предпринимателей и решительно искоренить монополизм.

Во-вторых, особые меры нужны для поддержки и поощрения малого и среднего бизнеса. В том числе бизнеса молодежи, бизнеса женщин, бизнеса пенсионеров, бизнеса инвалидов.

В-третьих, необходимо отстранить частный бизнес от сфер, где играют решающую роль непредпринимательские факторы. Это охрана природной среды. Или проекты с большой социальной и политической нагрузкой — типа Олимпийских игр.

Хотел бы напомнить, что концерн Михаила Ходорковского оказался беззащитным перед номенклатурой, так как занялся сферой, в которой зависел не от себя, а от хозяина запасов нефти и газа — государства.

Для будущего постиндустриальной экономики важно совершенствование и **коллективного сектора** — акционерных организаций и кооперативов. Они имеют важные преимущества.

Но в реальном российском постиндустриализме именно акционерные предприятия стали базами самых крупных афер.

Это пирамида Мавроди, где стартовые группы акционеров «кормились» за счет новых покупателей акций.

Это компании Березовского, где он, владея 5–10 процентами акций, становился хозяином всей собственности организаций.

Это «дольщики» строительного концерна Полонского, обворованные на миллиарды.

Это кооперативы ЖКХ, захваченные «управляющими» компаниями. Слово-то какое — «управляющая».

Все эти извращения надо устранить. Ведь и у кооперативной, и у акционерной форм собственности есть огромные резервы. Об этом много писали русские теоретики кооперативного социализма. О них справедливо писал и Святослав Федоров, который видел выход из многих проблем экономики в том, что все работники должны стать акционерами своих предприятий. Эти преимущества действительно велики. Например, кооператоры думают не только о прибыли, но и об уровне свои заработков.

И наконец, еще один резерв постиндустриализма — развитие *международных форм* хозяйствования. И здесь есть от чего очищаться — например, от «налоговых заповедников» в виде офшоров. Навести порядок в миграции трудовых резервов — и в целом, и интеллектуальных в особенности.

Не менее масштабные резервы есть и у **политических государственных механизмов** постиндустриализма.

Тут прежде всего надо *гарантировать демократию*. Если выборы считать состоявшимися при явке избирателей менее 50 процентов, то это уже издевательство над демократией. Ведь победителю таких выборов достаточно набрать 25 процентов голосов от общего числа избирателей. А после этого говорить о том, что он представляет «народ».

Необходимо, как в ряде стран, сделать явку на голосование обязательной. За неявку — весомый штраф.

Надо избавиться от голосований за списки неизвестных избирателю людей. Он должен знать лично, за кого голосует. Списки позволяют стать депутатами лидерам партий и партаппаратчикам. И те и другие нужны. Но почему их должно содержать государство?

Надо освободить депутатов от деклараций доходов жен и детей. Это советские доносы членов семьи друг на друга. Но главное — это настоящее издевательство над правом жены чиновника быть независимой. Где сторонники гендерного равенства? Если есть подозрения, что муж или жена содействуют бизнесу супруга, выясняйте и судите. Но без доносов.

Для повышения эффективности и *устойчивости аппарата* надо — по опыту ряда стран — выделить в аппарате часть в 5 процентов постов, на которые победитель может назначать своих сторонников («добыча», как говорят в США). А 95 процентов аппаратчиков должны не зависеть от исхода выборов. Их карьера должна строиться по твердо утвержденным правилам.

Один из главных путей совершенствования постиндустриального строя — укрепление *третьей и четвертой ветвей власти* — *судебной системы и системы средств массовой информации*.

Сейчас заявления об их независимости мало обоснованы.

Какой независимости ждать от судов, если квартиры судьям выдает исполнительная власть? А самих судей или назначают, или выдвигают, или представляют, или утверждают власть законодательная или президентская?

Какой независимости ждать от электронных средств массовой информации, если вся их техническая база создается другими ветвями власти и они же выделяют каналы вещания?

Есть и для третьей, и для четвертой власти три генеральные проблемы.

Первая — источник властных полномочий. В демократическом государстве источник власти — народ. Но ни судьи, ни журналисты свои полномочия от народа не получают. Необходимо, чтобы само звание — судьи, журналиста — было бы итогом голосования избирателей.

Вторая — организационная независимость. Все посты в судебской и информационной системах должны зависеть только от решения избранных народом сообществ журналистов и судей.

Кстати, в законе о судебной системе, подготовленном еще Временным правительством России Керенского (а он сам был юристом) в 1917 году, такая система и предусматривалась. Первый уровень — мировые судьи — избира-

ются пожизненно народом, а затем все другие уровни избираются съездами судей.

И наконец, *третья* проблема — экономическая независимость. Должны быть особые налоги для судебной системы и для средств информации. И их сбор, и их использование должны быть полностью независимыми от двух ветвей власти.

Конечно, разработка системы четвертой власти очень сложна. Ведь если судьи имеют общую норму — закон и, соответственно, действуют солидарно, то журналисты должны действовать индивидуально. Но сам по себе принцип независимости журналистов должен обеспечиваться.

Важной проблемой будущего постиндустриализма будет **национальная**.

Веками нации были привязаны к территориям, и через территориальные органы решались их проблемы. Это был *национально-территориальный принцип*.

Но в новых условиях миллионы людей мигрируют. На одной территории совместно живут люди разных наций.

В такой ситуации принцип национально-территориальный должен быть заменен принципом *национально-культурной автономии*. В любой части страны и мира человек должен иметь возможность удовлетворять свою потребность в национальной идентичности.

Условно говоря, Союз татар всей России или Союз чеченцев всей России должен значить для татарского или чеченского народов больше, чем республики Татария или Чечня. Из представителей национальных союзов в Совете

Федерации надо сформировать третью палату — Палату Национальностей.

И последняя область совершенствования постиндустриализма — **социальная**.

Эта область оказалась наиболее не соответствующей сути постиндустриализма.

И в постиндустриализме западных стран, и в постиндустриализме бывших социалистических стран имеются серьезные проблемы.

Главное то, что я называю *жизнью не по средствам*.

Население постиндустриальных стран потребляет больше, чем позволяют и уровень экономики, и ресурсы нашей планеты, и ее возможности в части утилизации отходов.

В итоге все государства мира обрастают огромными долгами. На десятки лет вперед.

По существу, мы живем «в долг», растрачивая доход будущих поколений — наших детей и внуков. Это им придется расплачиваться за нашу жизнь не по средствам.

Поэтому главная задача в социальной сфере — упорядочение потребления, сокращение всего того, без чего можно и нужно обойтись.

Прежде всего, надо устранить жизнь «по моде» и «ради моды».

Далее, надо устранить все излишества — типа миллиардов на Олимпийские игры, с многомиллионными зарплатами спортсменам. Вспомним, что гладиаторские виды увлечений были в числе факторов катастрофы Древнего Рима.

Еще одна задача — *урезание сверхдоходов номенклатуры и олигархии.*

Еще одна задача — устранение вопиющих *разрывов* в доходах слоев населения, города и села, стран, регионов, в целом Севера и Юга.

Важный резерв наведения порядка в социальной сфере — *устранение посредничества бюрократии.*

Деньги, которые государство готово выделять гражданину на учебу, лечение, отдых, от государства должны идти не органам власти, а прямо гражданам, и они сами, выбирая приемлемое для них, будут платить: и то, что дало государство и, если захотят, свои доплаты — и школам, и больницам, и поликлиникам и т. д. И не чиновники, а родители выберут школу с устраивающим их учебником по истории.

Вместо нынешних попыток власти отобрать деньги у Академии наук все надо делать наоборот. Деньги государства на науку идут именно ученым, без посредничества чиновников. Чиновники расходуют только то, что им выделено для госзаказа науке.

Как видим, у постиндустриального строя в XXI веке есть огромное поле для совершенствования своих экономических, политических и социальных компонентов. У него есть исторический шанс вступить в свою высшую стадию — **Новый Постиндустриализм**. Этот строй, говоря языком великого провидца Шарля Фурье, можно назвать **строем социального гарантизма**.

Но вопрос в том: насколько реальна эта перспектива?

Ведь исторический опыт убеждает в том, что идеальных социальных систем не было. У каждой были свои резервы и преимущества. Но были и свои исторические пределы, свои непреодолимые для самой системы рубежи.

У системы капитализма — узость сугубо экономической ориентации в целом и на прибыль — в особенности. А также неустранимая проблема хозяйствования независимых частных хозяев. И — проблема мира наемного труда.

У бюрократического социализма — это незаинтересованность владельцев общей собственности в техническом прогрессе и неспособность управляющей общей собственностью бюрократии организовать научно-технический прогресс и преодолеть собственный субъективизм.

Постиндустриализм сумел существенно погасить эти коренные противоречия, но устранить их не смог. И так как главной в нем стала бюрократия — государственных и экономических систем, то и главной его проблемой стали генеральные проблемы бюрократии. А среди них — отсутствие должных материальных стимулов у бюрократии к эффективному управлению оказавшимися в ее руках огромными государственным и муниципальным секторами и недостаточная ее заинтересованность в реализации своих прав на регулирование всей экономики.

Присущая всем видам бюрократии склонность заменять официальные стимулы коррупционными доходами в постиндустриальном обществе стала грандиозной. Она многократно расширилась по сравнению с возможностями бюрократии капитализма. Но она многократно

расширилась и по сравнению с коррупцией бюрократии социализма, в котором бюрократия была жестко регламентирована и по доходам, и по вариантам образа жизни.

Поэтому родовая, наследственная болезнь бюрократии — коррупция — в постиндустриальном обществе становится главной непреодолимой болезнью. Ведь и возможности для коррупции расширились: из-за устранения ограничений государственного социализма и появления узаконенных для богатых членов общества образов жизни на большие деньги.

И коррупция — это уже ясно — стала главным историческим пределом постиндустриализма. Главная опасность для его будущего, его внутренняя, неизлечимая, вечная болезнь, **его раковая опухоль.**

Коррупция — это особый вид эксплуатации. Это механизм перераспределения доходов.

Основа коррупции — противоречия между масштабами ресурсов, которыми распоряжается бюрократ, и тем, что он при этом зарабатывает.

А важным фактором выступает то, что при распоряжении такими же ресурсами собственники и менеджеры частного бизнеса получают неизмеримо более высокий доход.

Коррупция пронизывает все постиндустриальное общество. Суды за коррупцию идут во Франции над бывшим президентом Шираком, в Италии — над Берлускони. В Китае, в Испании — везде.

Устранить коррупцию невозможно — ведь она вытекает из самого устройства постиндустриализма.

Именно коррупция — главная преграда для совершенствования постиндустриализма. Бюрократия выбирает не то, что лучше, а то, что приносит ей коррупционный «навар», «откат».

Поэтому неизбежен вывод, что именно коррупция и будет причиной исчерпывания и гибели постиндустриализма. **Коррупция — исторический ограничитель возможностей постиндустриального строя.**

3. Новая, Альтернативная Цивилизация

Но если нам уже сегодня видны исторические пределы постиндустриализма, то правомерен вопрос о том, что заменит постиндустриализм.

Не один год в наступившем XXI веке я думал о Новом Постиндустриализме. Думал. Писал статьи. Выступал. Но надо смотреть правде в глаза.

Вот уже десять лет этого века прошло, а каких-то заметных успехов по преодолению ни финансового, ни номенклатурно-олигархического вариантов постиндустриализма не достигнуто.

Однако другого пути, кроме совершенствования постиндустриализма, я долго не видел.

Но именно в это время в мире появились и все более усиливаются те, кто выступает **не за улучшение постиндустриализма, а вообще за отказ от него.**

Сначала выступили антиглобалисты. Они штурмовали то Давос, то города, где на «саммитах» встречались лидеры ведущих стран мира.

Затем на улицы вышли сторонники движения «Захвати Уолл-стрит».

Совсем недавно, буквально за год, в Италии сформировалась партия «Пять звезд». И не только сформировалась, но и включилась в парламентские выборы и получила чуть ли не четверть голосов избирателей всей Италии.

А несколько недель назад — как я говорил вначале — в Германии создали партию, уже в открытую названную «Альтернатива для Германии».

В 1988–1989 годах я прошел серьезную школу. Тогда, на моих глазах, народные массы, выходявшие на улицы Москвы и городов СССР, — честно признаюсь, неожиданно для меня — выступили не за новый социализм Горбачева, а вообще против государственно-бюрократического социализма.

Тогда народ выступил за то, к чему не был готов не только я, но и большинство демократов России. В итоге мы оказались теми, кого в истории обычно называют «хвостистами».

Мы не сформировали наш демократический вариант выхода из социализма и отдали власть реформаторской бюрократии из КПСС во главе с Б.Н. Ельциным.

Великую Антисоциалистическую революцию 1989–1991 годов мы и выиграли, так как бюрократический социализм был свергнут. И проиграли, так как новый строй утвердили в России в худшем из всех возможных вариантов — номенклатурно-олигархическом.

Вот и теперь происходит что-то подобное. **Массы уже хотят и готовы преодолеть постиндустриализм**, а мы,

идеологи, еще не готовы предложить хотя бы модель нового общества.

И я решил не повторять ошибку 1988–1989 годов. Идти не на митинги, а, наоборот, к столу. Чтобы попытаться осмыслить предстоящие события.

И чем больше я анализировал, тем больше я понимал, что речь идет не о новом строе, еще одном строе Промышленной Цивилизации, а о чем-то гораздо большем — о Новой Цивилизации. Великой Альтернативе.

Естественно, что я обратился к той литературе, которая рассматривает именно Цивилизации. Цивилизационный подход к истории показался мне наиболее приемлемым для анализа того, что происходит сейчас.

Это целое направление. Я хотел бы назвать прежде всего книгу А. Тойнби «Исследования истории Цивилизации во времени и пространстве». Назвать работы М. Хайдеггера, С. Хантингтона, И. Валлерстайна, Д. Белла, М. Фуко. У нас в России на эту тему писали В. Иноземцев, Ю. Семенов, А. Сорока-Цюпа.

Значение имеют труды по футурологии — Кана, Тоффлера, Фукуямы, разработки ученых Римского клуба. У нас, в СССР и России, надо отметить работы Бестужева-Лады, Дилигенского. И еще книги наших фантастов — Ефремова, братьев Стругацких, — они тоже пытались представить общество будущего.

В итоге я составил себе схему двух идеологий: идеологии нашей Промышленной Цивилизации и идеологии будущей, Новой, Альтернативной Цивилизации.

Я выделил пять главных краеугольных камней Промышленной Цивилизации.

Это прежде всего трактовка Человека. Человек в нашей цивилизации признается как **Экономический Человек**. У него есть и разум, и воля, и мораль. Но главное в нем — это удовлетворение материальных потребностей.

Второй постулат нашей цивилизации — постулат **непрерывного роста производства**.

Чтобы удовлетворять потребности Экономического Человека, непрерывно совершенствуют производство. И обслуживающие производство науку, образование, культуру.

Но рост производства, с одной стороны, выходит на то, что называют пределами роста. А с другой — на выходящее за рамки реальных потребностей разбухающее потребление.

Третий постулат нашей цивилизации — **идея равенства всех людей**.

Казалось бы, никаких сомнений в необходимости равенства и быть не может.

Но в самом фундаменте человека заложены различия. Мужчины и Женщины. Люди разного возраста. Разных рас и национальностей. И, самое главное, разница в интеллектах.

Я очень сочувствую женщинам Украины из движения «Фемин» или нашим женщинам из «Пусси-Райт». Но я понимаю, что гендерного уравниения быть не может. В 1918 году в Одессе на митинге в защиту равенства женщин один матрос, реагируя на заявление выступающего, что между

мужчиной и женщиной маленькая разница, воскликнул: «Да здравствует маленькая разница!» И он был прав.

Четвертый постулат промышленной цивилизации — производство **товаров** и **рынок** независимых производителей со свободной **конкуренцией** между ними.

Если Экономический Человек — главная ценность, то в экономике именно его спрос, свободный рынок и свободная конкуренция будут тем механизмом, который отвечает Экономическому Человеку.

Рынок и конкуренция делают победителями тех, кто работает лучше. Рынок предполагает деньги. И промышленная цивилизация становится финансовой.

Гибкость и преимущества финансовых структур позволяют бурно развиваться производству.

Но при этом выяснилось, что многие характеристики человека нельзя измерить деньгами. Деньги вообще неприемлемы для оценки перспективных, долгосрочных проблем.

Основные трудности всей промышленной цивилизации оказались связаны именно с конфликтом финансовой, денежной и реальной экономиками.

И наконец, пятый постулат промышленной цивилизации — **демократия** как лучшая форма государственного устройства общества.

Демократия — естественная надстройка над рынком и свободной конкуренцией.

Демократическое устройство играет такую же конструктивную роль, как рынок и конкуренция.

Но — как и при анализе рынка — выясняется растущее уменьшение потенциала демократии.

Теперь попробуем поразмышлять: **возможна ли другая цивилизация, основанная на других, чем упомянутые, постулатах?**

Надо не фантазировать, а выдвигать то, что уже имеется и растет, усиливается.

На мой взгляд, уже можно предварительно обозначить главные основы Новой Цивилизации. Для удобства сравнения я их тоже объединил в пять позиций.

Первый постулат — тоже *Человек*. Но не Экономический, а **Разумный**. У Разумного Человека главное — неудовлетворение потребностей. Неэффективность. А именно *разумность*.

Конечно, и этот человек должен удовлетворять свои потребности. Но прежде всего он должен *Думать*. Что есть. Во что одеваться. Как правильно жить.

Второй постулат. Среди потребностей Разумного Человека главной становится потребность развития **Интеллекта**.

Не набивание желудка едой, дома — мебелью, сундуков — вещами, шкафов — одеждой, а развитие и пополнение своего Интеллекта.

Главным в человеческом обществе становится носитель Интеллекта — Интеллигенция. Это высший слой, мозг общества.

Третий постулат — признание **неравенства** людей.

Всех видов неравенство: полового, возрастного, расового и т. д. Но прежде всего — интеллектуального.

Признание неравенства — логичное следствие выдвижения на первый план Интеллекта.

Вместо критериев: имущество, деньги, кровь, расы, посты в иерархии — оценка прежде всего по интеллектуальным показателям.

Неравенство, которое опирается на Разумность, будет Справедливым.

Четвертый постулат — **терпимость**, лояльность, толерантность. Консенсус — как любит говорить М.С. Горбачев.

Толерантность прежде всего идейная. Терпимость ко всем и всему, что отличается от тебя.

Принцип терпимости компенсирует опасности принципа неравенства.

Пятый постулат — идея **организованности** и **организации**.

Вместо стихийности, пассивного ожидания, поиска разного рода «невидимой руки» — идея разумного вмешательства.

Организованность — итог Разумности.

Идеология Промышленной цивилизации логична: Свободный Человек. Свободный Рынок. Свободная Конкуренция. И итог: Человек экономический. Человек-потребитель. Богатство материальное. И т. д.

Но и идеология Новой Цивилизации логична. Человек Разумный. Его интеллект — главное. Интеллигенция — главная в обществе. Если есть интеллект, то есть и неравенство. Неравенство интеллектов — справедливое. Если есть разумность, то логична терпимость. Если есть разум-

ность, то логично вмешательство, логичны организованность и организация.

Новая Цивилизация — более мощный фундамент для прогресса. Обе цивилизации ориентированы на прогресс. Но прогресс Новой жестко ограничен Разумностью. А прогресс Промышленной цивилизации более неразборчив в средствах, более беспощаден к людям, меньше ограничен социальными и моральными нормами. Более животный.

Я так много говорю об идеологии, так это — исходное. Опираясь на новую идеологию, уже сейчас можно наметить главные магистрали будущих перемен.

Я выделил их три. Преодоление затратной цивилизации. Создание денежной рыночной экономики без финансового капитала. И наконец, создание государства без номенклатуры при обуздании бюрократии.

Что значит **преодолеть затратную цивилизацию**? Это, прежде всего, перейти к разумному потреблению, затем — к разумному производству. И — в итоге — к разумному образу жизни в целом.

Разумное потребление должно начинаться с разумного подхода к *численности* каждой семьи, каждой нации, каждой страны и всего человечества.

Регулирование численности — это мощный рычаг, который стал одним из факторов подъема Китая в конце XX века, после того как в Китае ввели лимит: один ребенок на семью.

Один ребенок — это мало, так как растет доля пожилых. Видимо, необходимо иметь два ребенка на семью

или по одному ребенку на каждого мужчину и на каждую женщину.

Другая проблема разумного потребления — формирование нации *здоровых* людей. Если детей мало — они должны быть здоровыми.

В чем только меня ни обвиняют — то в приверженности евгенике, то нацистских концепциях. Но я убежден — надо очищать генофонд человечества.

От хронически больных папы и мамы рождается ребенок с болезнями обоих родителей. Рано или поздно наше общество превратится в общество инвалидов.

Нельзя признать нормой обычая Древней Спарты, где опытные матроны осматривали младенцев и выбрасывали в пропасть всех нежизнеспособных. Но можно и нужно еще на стадии зародышей выделять непригодных и устранять.

Другая проблема разумного потребления — переход к разумным *нормам еды и одежды*.

На всю жизнь запомнил я один разговор. Когда меня в МГУ в 35 лет назначили завкафедрой, то ввели и в Совет экономического факультета. Естественно, что я с жадностью учился всему: от стиля полемики до выбора одежды. На одном заседании я восторженно отозвался и о выступлении известного профессора, и о его костюме, видимо, только что сшитом. Сидящий рядом со мной другой не менее известный профессор сказал: «Да, в отношении оценки выступления Вы правы. А вот костюм — это уже не университетское. В старой России меняли костюмы или дворяне — следящие за парижской модой. Или купцы —

хвастаясь свои богатством. А учитель менял костюм раз в пять лет. И не из-за бедности: его месячный заработок равнялся цене десяти коров. Но его никто не понял бы в среде учителей, поменяй он костюм или пальто, не износив их. Таков был стиль, Наш стиль».

Я не сторонник того, что уже представлено в фильмах о космосе, — одевания всех в одни и те же комбинезоны, общую униформу. Но и шкафы, набитые выходящими из моды каждый сезон изделиями, — не идеал будущего человечества.

Я, например, еще учась в МГУ, как один из лидеров университетского комсомола, боролся за единую форму для студентов на целине. И мы добились этого. Форма оказалась столь привлекательной, что в ней стали ездить и на уборку картофеля, и ходить на воскресники. Затем — даже на занятия. Особенно понравилось форма девушкам с мехмата: ушло неприемлемое для интеллектуалок соперничество в одежде.

Ясно одно: не ограничив и не нормировав потребление, нельзя будет **разумно организовать производство**.

В Новой Цивилизации не производство будет определять потребление, а, наоборот, потребление, его стандарты, нормы и объемы станут базой для установления объемов производства, его ассортимента, темпов обновления и т. д.

Такое производство сможет обеспечить экономию ресурсов, особенно невозобновляемых. Оно будет заботиться о защите природной среды от отходов, особенно вредных. Оно озаботится охраной живой природы и климата.

Заключительный комплекс мер — переход к новому образу жизни.

Новый образ жизни, скорее всего, будет состоять в отходе от мегаполисов как главного вида современного образа жизни. Главными станут небольшие городки, во многом специализированные: на науке, на учебе, на лечении и т. д.

Другое возможное изменение — перемещение населения нашей планеты в те ее зоны, которые наиболее пригодны для жизни: по климату и другим природным характеристикам.

Такие принципиальные изменения в системе потребления, в производственной системе и в образе жизни человека станут возможны, если будет **устранен главный противник Новой Цивилизации — Финансовый капитал.**

Человечество, создав деньги в качестве всеобщего эквивалента затрат труда, совершило гигантский шаг в экономическом строе цивилизации.

Даже государственный социализм, обещая теоретически упразднить деньги и построить из золота туалеты, на практике активно использовал деньги.

Поэтому есть все основания предполагать, что и Новая Цивилизация будет использовать и деньги, и рыночные механизмы.

Однако финансовый капитал — это не просто деньги.

Это деньги, сконцентрированные в руках монополистов-олигархов.

Это, далее, деньги, которые приносят прибыль и доход уже сами по себе, вне связи с реальной экономикой.

Новая Цивилизация должна не освоить, не использовать, а именно преодолеть, **вообще уничтожить финансовый капитал**.

Именно это стоит за лозунгами движения «Захвати Уолл-Стрит».

Что значит «захватить» Уолл-стрит? Это значит устранить его базу, его суть. Конкретно — это *упразднить банки. Ликвидировать биржи* и их базу — акции.

Вообще освободиться от финансового капитала. Не улучшить его, а вообще жить без него.

Вместо банков — для хранения (и только для хранения) денег населения — Сберегательные кассы. Для денег бизнеса — Общества взаимного кредита.

Это будут организации, обслуживающие население и бизнес, а не живущие самостоятельной жизнью и своими интересами.

Ведь всем нам ясно, что вот уже 20 лет после окончания холодной войны миром руководит финансовый капитал. Но не менее ясно и другое: финансовый капитал с ролью руководителя цивилизованного мира не справился. Хотя узурпировал огромную часть богатства. Хотя получает грандиозные прибыли.

За всем этим стоит тот исторический факт, что потенциал финансовых механизмов уже не справляется со сложными проблемами нашей эпохи. Более того, исчерпываются резервы экономического подхода вообще. Мир XXI века, выхода в космос, генетических преобразований, экологических катастроф, ядерной энергетики, национальных, моральных, религиозных конфликтов, стал «не

по зубам» ни деньгам, ни вообще экономическим инструментам и механизмам.

Основная часть банков должна быть упразднена, а небольшая — занятая общими проблемами экономики — стать Государственным Банком, образуя Экономический Центр общества.

А для ликвидации бирж надо принципиально изменить акционерный капитал.

Сами по себе акции как форма участия во владении собственностью сохранятся. Но их роль изменится. Их можно будет продавать только организации, выпустившей их.

Вместе с исчезновением торговли акциями *исчезнут и биржи.*

Конечной целью и результатом всех мер в области финансов и денег стоит не устранение денег, рынка и коммерции. Устранять надо будет то, что как раз мешает рынку и свободной конкуренции, — монополизм. И самый опасный из монополизмов — денежный.

Третий стратегический участок наступления Новой Цивилизации — **удар по бюрократии в целом и номенклатуре в особенности и прежде всего.**

Без бюрократии и ее высшего звена современное государство и общество невозможны. Поэтому бесперспективно ставить вопрос так, как его ставят в отношении финансового капитала. Там лозунг — уничтожение финансового капитала. Но уничтожить бюрократию нельзя. **Ее надо не убирать, а обуздать.**

А конкретно: превратить из командира, начальника, директора в особого типа обслуживающий персонал. Обобщенно говоря — **речь должна идти о лишении бюрократии роли господствующего класса.**

Для этого целесообразно выделить и реализовать три комплекса мер.

Во-первых, это сокращение поля деятельности бюрократии и, соответственно, государства в обществе.

Во-вторых, это расширение и усиление контроля негосударственных частей Новой Цивилизации за государством и его бюрократией.

В-третьих, развитие механизмов внутреннего контроля бюрократии за самой собой.

Сначала о *сокращении поля усилий государства.*

В постиндустриальном строе не раз и не два при возникновении той или иной проблемы тут же включается стандартный вариант ее решения. Сначала — найти деньги в кармане государства. Потом — поручить чиновникам государства истратить эти деньги для решения данной проблемы.

В итоге в руках бюрократии оказались «ключи» от десятков проблем — от детских садов до охраны снежных барсов. В итоге всевластие бюрократии на каждом шагу.

Что бы ни взять: премии за лучшую книгу, конкурс музыкантов, научное обсуждение какой-то проблемы — везде ярлыки государства, везде чиновники, везде воля номенклатуры. О таких вещах, как присуждение ученых степеней, государственных наград и премий, говорить не приходится.

Чтобы сократить власть бюрократии, говоря языком большевиков, «раскулачить» бюрократию, нужны генеральная чистка и изъятие массы проблем из рук бюрократии с передачей их в руки негосударственных структур. И премии «Оскар» в кино, Нобеля в науке, звания в сообществе врачей и медали Вольного экономического общества для экономистов будут главными.

В заключение

По какому из двух, изложенных выше стратегических направлений пойдет история цивилизации в XXI веке?

Несомненно, что в *конечном счете* утвердится Новая Цивилизация.

Но это может произойти или *достаточно быстро* — вспомним, как кризис начала XX века утвердил в Европе — за какие-нибудь 15 лет — государственный социализм в России, Италии, Германии.

Или мир будет совершенствовать Развитой Постиндустриализм *несколько десятилетий*, создавая основы для Новой Цивилизации, развивая общие или переходные социально-экономические формы.

Логично предположить, что спокойнее этот, постепенный переход.

Но против него говорят два обстоятельства.

Во-первых, очевидна *неспособность* ни правящей финансовой олигархии, ни бюрократической номенклатуры планировать и осуществлять перемены. Какие шаги можно ждать от них, если нынешние правители даже проблему Сирии месяцами решить не могут.

Во-вторых, все более грозным фактором становится растущее *неверие народных масс и в оба варианта* постиндустриализма, и в правящие силы нынешнего постиндустриализма. Народные массы стремительно радикализуются, и, судя по изменениям в Италии и ФРГ, утверждение Новой Цивилизации может начаться уже в ближайшие 10–20 лет.

Прогнозировать будущее сложно и опасно во всякой науке — будь то биология или астрофизика. Но особенно опасно — в гуманитарных науках. Легко оказаться в области утопий.

В то же время и нам крайне важно хотя бы представить траекторию будущего развития.

Вот поэтому я и решил предложить вам свои представления о двух перспективах нынешней цивилизации.

Мне лично, скорее всего, уже не придется стать свидетелем того, какая из этих перспектив реализуется. Но вам предстоит жить и работать долгие годы. И я, излагая вам свою версию, уверен в том, что как минимум знакомство с моими соображениями вам не помешает в тех более чем непростых решениях, которые вам предстоят.

Желаю вам трезвости и стойкости в преданности и идеологии, и делу исторической неизбежности Новой Цивилизации.

О цивилизации XXI века

Актовая лекция 4 сентября 2012 года
в Международном университете в Москве

1. Первопричины кризисов начала XXI века

Конец XX века ознаменовался завершением великой эпохи. Ушли с исторической сцены государственно-бюрократический социализм, холодная война и перспектива ядерной катастрофы с гибелью всего человечества.

Казалось бы, на нашей планете был дан старт новой эпохе. Всех охватила эйфория.

Но вот прошло уже два десятилетия. И что мы видим?

Да, опасность мировой ядерной войны отсутствует. Да, жизнь миллионов людей улучшилась. Расширяются связи стран, и растет мировая торговля. Усиливается интеграция современного мира. Открылись границы, и люди в основном свободно перемещаются по планете.

Но никакого подлинного успокоения не пришло. На планете появляются и усиливаются самые разнообразные кризисы. В них вовлекается все большее число стран. Есть все основания сделать честный вывод: новая эпоха оказалась эпохой кризисов. Что это за кризисы?

Прежде всего, это *военные конфликты*. В Иране. В Афганистане. В Югославии. Конфликты в Африке. Боевые действия в Чечне. Вооруженные конфликты в арабских странах.

Мир погрузился в *террор*. Рухнули башни небоскребов в Нью-Йорке. Взрываются гостиницы в Индии. Дома в Москве. Взрывы в лондонском метро. Стрельба в норвежском молодежном лагере. Пираты — давно забытые — в Индийском океане.

Границы, оставшиеся от прошлого, не признают и оспаривают десятки стран и народов. К уже привычным спорам вокруг границ в Африке, доставшимся от эпохи колониализма, добавились споры о границах между странами бывшего СССР. Выяснилось, что и в Европе немало недовольных границами. Распалась Югославия. На грани распада Бельгия. Даже Шотландия заговорила о выходе из Великобритании. Взаимные претензии и угрозы. Рост напряженности.

Взамен идеологического конфликта либерализма и тоталитаризма пришли новые *конфликты идей и взглядов*. Половые. Гендерные. Религиозные. Моральные. Возрастные. Бытовые.

Даже на призванных примирять споры Олимпийских играх претензии спортсменов-мусульманок в части их права на свой головной убор. Нет даже признаков появления общей веры в единого Бога. Как и в предшествующие столетия, каждая из стреляющих друг в друга сторон ссылается на одобрение Бога.

Но самыми разрушительными факторами стали *экономические кризисы*. Даже в Западной Европе: чуть ли не каждый четвертый в Греции и Испании не имеет работы. Основа экономики — деньги — меняют свою роль. Деньги все меньше подходят на роль кирпичей, из которых можно

строить нормальную экономическую жизнь и страны, и каждой семьи, и каждого человека.

Научно-технический прогресс вступает в зоны, все более опасные для человека и человечества: генная инженерия, модифицированные продукты питания, новые лекарственные средства и психотропики. Борьба с допингом на Олимпийских играх производит удручающее впечатление. Допинг стал не чем-то альтернативным физическим даным спортсменов, а всего лишь одной запрещенной группой веществ на фоне других, вполне разрешенных — от табака до алкоголя.

И еще один кризис: *социальный*.

Фундамент цивилизации — парная семья — вырождается. Массовую популярность приобретает движение за жизнь без детей. Мужчины и женщины не считают нужным ради одного ребенка связывать себя узами брака на десятилетия.

Не менее опасен *кризис интеллектуального уровня* человечества. Интернет, мобильная связь, компьютеры стали частью новой эпохи. Но именно они снижают требования к интеллектуальному потенциалу.

Успехи в медицине ведут к увеличению больных и инвалидов в обществе.

Как реагирует человечество на эти и другие, не названные мной, кризисы?

На мой взгляд, можно выделить четыре главных направления.

Первая стратегия состоит в том, что никаких особых мер не требуется. Стандартные и традиционные решения

и меры. Грубо говоря, речь идет о том, чтобы «плыть по течению» или «по воле ветров». Стратегия **пассивности**.

Вторая стратегия предполагает активное совершенствование нынешней системы. Изменить структуру и права международных организаций. Ужесточить и нормы, и санкции за их нарушения. Это направление можно назвать **модернизационным**.

Позиция и властей ведущих государств, и международных организаций располагается где-то между этими двумя направлениями. Склоняясь то к «плавному течению», то к реализации модернизационных мер.

Третья стратегия подхода к кризисам XXI века отвергает все варианты мер в рамках нынешнего постиндустриального общества. Выход они видят в принципиально новых моделях устройства этого общества.

И наконец, *четвертая* стратегия. Ее можно назвать антицивилизационной или альтернативой нынешней постиндустриальной цивилизации.

Суть ее в том, что отвергается не модель современной цивилизации, а сама эта цивилизация.

В экономике достаточно широко известны различные направления движений типа «Захвати Уолл-стрит», предлагающего отказаться от современных форм акционерного капитала, бирж, банков. В социальной сфере — различные модели исламского общества. Исходная идея — неприемлемость нынешнего постиндустриализма.

Действительно, можно ли считать нормальной цивилизацию, где каждый четвертый не имеет возможности работать и своим трудом обеспечивать свою жизнь?

Можно ли считать нормальной цивилизацию, где каждый второй молодой человек, вступая в жизнь, не видит сферы эффективного приложения своих сил и, соответственно, нормальных перспектив для своего будущего? В обществе вообще не оказывается места для молодого поколения.

Естественно, что главная причина кризисов видится в самой постиндустриальной цивилизации.

Об этой четвертой стратегии реагирования на кризисы начала XXI века — моя сегодняшняя лекция.

2. Главные идеологические постулаты нынешней цивилизации

Если считать, что общей основой кризисов начала XXI века являются не дефекты нынешней цивилизации и даже не в целом существующий вариант этой цивилизации, и, отбросив все варианты ее перестройки, видеть проблему в самой по себе этой цивилизации как таковой, то естественно начать анализ с ее главных, базисных постулатов.

Первый постулат — **о свободе** как главной человеческой ценности.

Свобода — неотъемлемая черта человека сознательно-го. О какой сознательности может идти речь без свободы?

Но, с другой стороны, развитие нашей цивилизации выявило противоречивость права свободы.

Свобода одной личности сталкивается с правом на свободу другого индивида. С первых шагов жизни сталкиваются право на свободу ребенка и право родителей на этого ребенка. Право родителей родить и воспитывать дебила и

право общества защитить себя от этого дебила. Сталкиваются права на свободу классов, социальных слоев, народов и государств. И два соседних африканских государства, устроившие резню с миллионами жертв, апеллируют к своему праву на свободу.

Из этих и других примеров напрашивается вывод: постулат права на свободу не смог стать основой нормально-го устройства нашей цивилизации.

Второй фундаментальный постулат нынешней цивилизации — **о равенстве** всех людей.

Казалось бы, никаких сомнений в необходимости равенства и быть не может. И именно в отсутствии равенства — корень всех бед, причина войн, революций и прочих конфликтов. Стоит добиться равенства рас, полов, народов, условий жизни и даже лиц с разным образованием, как путь к справедливому обществу будет открыт.

Но ведь в самом фундаменте человека: в наличии двух полов, в наличии разницы в возрасте, в цвете кожи, в устройстве генетической базы — везде присутствуют различия.

В конце XIX века эти различия и признавались, и изучались. Но после того как гитлеровский социализм сделал расовые отличия обоснованием прав арийской расы и на господство, и даже на уничтожение других рас, в цивилизованном обществе стало неприлично не то чтобы обсуждать, но даже упоминать о различных генетических основах разных рас и народов.

Между тем даже в отдельных видах спорта — мы это видим на Олимпиадах — одни расы приспособлены к од-

ним, а другие — к другим видам спорта. То же относится и к видам трудовой, и к видам умственной деятельности.

Даже устойчивость к алкоголю очень различна. Я видел в Сибири, в Туве, лет 40 назад, как в центре Кызыла вокруг одной пустой бутылки кубинского рома вповалку лежали шесть вполне крепких тувинцев. Когда в Австралии уравнили в правах австралийцев и аборигенов, то аборигены получили равные права на доступ к алкоголю. Началась настоящая трагедия. А в Бразилии пришлось после принятия принципа равенства рас все же начать разъяснять, что в браке индейца и негра рождаются чаще всего неполноценные дети. А когда американцы — после победы над Японией и высадки на Филиппинах — женились по искренней взаимной любви на филиппинках, они калечили своих жен. Половые органы у европейцев в три раза больше, чем у филиппинцев. Несомненно неравенство рас в усвоении наук, в умственной деятельности, в творчестве, в спорте.

Сокрушительный удар идее глобального равенства нанес конец XX века. Распался СССР, основанный на идее равенства всех народов страны. Бессилие ООН, в которой все страны равны — и имеющие миллиард населения и насчитывающие меньше ста тысяч жителей. Проигнорировавшее печальный опыт СССР Европейское сообщество, реализующее идею равенства всех своих членов, погрузилось в волны кризисов. И новый мусульманский мир уже в самом фундаменте пронизан конфликтами.

Почему вопрос о неравенстве внутри человеческой популяции стал сейчас сверхважным? Да потому, что со-

временной цивилизации нужна интеллигенция и ее творчество. А умственная деятельность — это поиск особого, нового. Творчество — это неравенство. И это неравенство надо как можно раньше выявлять и поощрять.

Неравенство талантов — это и неравенство групп. Шире говоря — каст. Кастовая система была в Древнем Египте и Индии. Еще Н.Г. Чернышевский выделял среди человеческой популяции 10 процентов склонных к переменам и 90 процентов склонных к стабильности. И Л.Н. Гумилев писал о появлении в обществе небольшой группы пассионариев как стартовой точке радикальных перемен.

Цивилизация, ориентированная на равенство, обязательно будет отставать от цивилизации, которая признает, ищет и растит таланты. Корабль Одиссея никогда бы не миновал остров Сирен, если бы Одиссей не отверг равенство прав всех своих спутников и не залил бы воском их уши.

Третий фундаментальный постулат современной цивилизации — об **экономическом** человеке.

В соответствии с этим постулатом человек имеет и сознание, и волю, и нравственность, и мораль. Но главное в нем, его основа — это его потребность в еде и одежде. Он — человек экономический. Человек потребляющий. Человек-потребитель. Он стремится как можно больше или сразу потратить, или накопить запасы для будущего потребления.

Именно такой человек создал и развивал нынешнюю цивилизацию. В ней все подчинено интересам потребления.

Бесконечно растущее потребление предполагает непрерывно растущее производство. А такое производство предполагает рост потребления ресурсов нашей планеты. И уже видны перспективы исчерпывания этих ресурсов. Потребляющий человек выходит на то, что называют пределами роста.

Это — с одной стороны. С другой — потребляющий человек все больше теряет свои человеческие качества. Он потребляет все больше того, что ему не нужно и без чего он может обойтись. В обеспечивающем его производстве растет доля ненужного производства. Фиктивная необходимость в материальном производстве создает в конце концов базу для всей фиктивной экономики: денежного капитала, акций и т. д.

Ориентировка на потребление создает из экономического человека того, кого Герберт Маркузе, великий философ XX века, презрительно называл «человеком одного измерения».

Четвертый постулат нашей цивилизации — постулат **перемен**.

Должно изменяться потребление. Должна расти численность людей. Должны увеличиваться освоенные территории. Должно расти число приверженцев отдельных религий или идеологий. Должны расти страны и государства.

Вера в прогресс, прогрессивный тип перемен — **пятый** постулат нашей цивилизации.

Человечество не просто меняется. Оно растет, все улучшаясь. Все будет только лучше. Даже обещанный всеми религиями конец света воспринимался как только некий

морально-этический постулат, а вовсе не как реальная ближайшая перспектива.

Но и этот постулат прогресса начитает шататься ввиду перспективы истощения ресурсов планеты, ее перенаселения, растущей угрозы ее загрязнения отходами цивилизации.

3. Об идеологии Альтернативной цивилизации

Подводя итог, можно сказать, что есть все основания для того, чтобы признать вполне актуальными не только перспективу радикальных изменений нашей цивилизации — в рамках или модернизации, но и перспективу принципиально новой цивилизации. **Перспективу Великой Альтернативы.**

Если рассматривать потенциальную альтернативу нынешней цивилизации, то несомненно эта альтернатива **должна иметь другую идеологию.** Иначе какая же это альтернатива?

Рассматривая те неразрешимые проблемы, с которыми столкнулась наша нынешняя цивилизация не в частности, а в самом ее существовании, в самих ее фундаментальных идеологических постулатах, можно сформировать некоторые базисные постулаты новой идеологии Альтернативной Цивилизации.

Первый постулат новой идеологии и ее первая характеристика — **Разумность.** Не удовлетворение потребностей. И не экономичность при этом. И даже не эффективность.

А именно Разумность. Эта цивилизация, основой которой должны стать Разум и Разумность.

Этот постулат можно обозначить и иначе. Не человек-потребитель. Не экономический человек. А **Человек Разумный**.

Человек Разумный на первое место ставит задачу развития и сохранения Разума. Своего. Всего человечества. Разума во всей Вселенной.

Одна из важных проблем новой цивилизации — изучение всех вариантов катастроф во Вселенной: от возникновения новых звезд до угасания старых. Сейчас на Марсе, как вы знаете, работает американский исследовательский комплекс. И одна из его задач — выяснить, почему эта планета осталась без атмосферы. Интерес логичен: ответственная человеческая цивилизация не может не искать для себя гарантии самосохранения в самых невероятных ситуациях.

Мы пока не знаем, является ли Разум на нашей планете чем-то единственным и неповторимым во Вселенной. Или есть еще Разум в других мирах. И, более того, в других формах — типа мыслящего океана «Соляриса» в одном из фантастических произведений.

Но в любом случае одной из главных задач новой цивилизации станет забота о развитии и сохранении на нашей планете и во всей Вселенной Разума. Постоянные поиски **Великого Контакта** с другими Разумами в Космосе.

Конечно, и Человек Разума должен существовать и удовлетворять свои потребности. Но что он станет потреблять, как он определит свою действительную потребность, что

будет принимать из навязываемых производителями изделий — все это будет итогом его Разумного Анализа. Разумный человек и ест, и одевается. Но до этого он **думает**. О том, что именно надо есть. Как и во что одеваться.

Второй постулат Альтернативной Цивилизации — среди потребностей на первое место выходит **потребность развития Интеллекта**. Человек Альтернативной Цивилизации — **Человек Интеллектуальный**.

Главное в нем — не набивание желудка едой, дома — мебелью, сундуков — вещами и обувью, а развитие и пополнение Интеллекта, «набивание» мозга, развитие ума.

В составе человеческой популяции становится главным тот слой, который в наибольшей степени обладает Разумом, Интеллектом, Знаниями. В широком плане — **Интеллигенция**. Она будет высшей кастой, элитой человечества, его подлинным мозгом.

Третий постулат новой цивилизации — признание **неравенства** людей. Возведение неравенства в систему.

Признание неравенства всех видов — интеллектуального, полового, генетического, возрастного, расового, религиозного, национального и т. д.

Признание неравенства позволит выделить все позитивное, все особенное. И того, что требует особого внимания. И того, что требует осторожности.

Неравенство опирается на Разумность и поэтому не может не быть Справедливым.

Каждый занимает свое место в соответствии с объективным показателем своего интеллекта.

Вместо критериев имущества, денег, крови, расы — отбор только по интеллектуальным показателям.

Отбор справедливый и объективный. И — точно так же — справедливое и объективное отсеивание утративших необходимый уровень интеллектуальности. Вместо замкнутости каст прошлого и их изолированности от остальной части общества — постоянная доступность элиты для всех одаренных и очистка ее от «сухостоя» и «омертвевших ветвей».

Четвертым постулатом новой цивилизации, тоже логичным для ее разумности, станут **терпимость, лояльность, толерантность**.

Толерантность прежде всего идейная. Цивилизованное отношение к представителям других взглядов и представителям других идейных платформ.

Толерантность ко всем неравенствам и всем отличиям от тебя.

Принцип толерантности компенсирует опасности принципа неравенства. Он требует доводить идею неравенства до идеи разумного согласования, сосуществования, взаимного обогащения. До идеи «консенсуса» — как любит говорить М.С. Горбачев.

Пятый постулат Альтернативной Цивилизации — идея **организации**. Организованности и регулирования.

На месте всякого рода пассивного ожидания, автоматизма, поиска разного рода «невидимых рук» — будь то на рынке, будь то в охране среды или климата, вместо ожидания «объективных» итогов — придет идея необходимости созидательного, разумного вмешательства.

Иного пути реализации Разумности кроме как доведения ее до организованности и управляемости нет. Организованность — итог Разумности. Новая организованность — организованность на основе Разума.

В то же время надо учесть трагичный опыт прошлого, особенно опыт всех систем государственного социализма XX века в отношении навязывания сверху организованности, командования и тотального контроля. Особенно надо помнить об опасности присвоения группой лиц права выступать лидерами командования и арбитрами организованности.

4. О дорожной карте Альтернативной Цивилизации

На основе постулатов идеологии Альтернативной Цивилизации, изложенных выше, можно высказать и некоторые соображения о мерах, точнее о главных комплексах мер. По уже сложившейся традиции назовем их дорожной картой Альтернативной Цивилизации для XXI века.

Первое. Регулирование численности населения. Все сознательные семьи осмысленно подходят к числу детей. В Альтернативной Цивилизации этот принцип разумности должен быть применен к численности каждой нации, страны и всего человечества.

Или реализуется гипотеза недавно умершего выдающегося интеллектуала современной России Сергея Петровича Капицы об автоматически уже устанавливаемом на нашей планете пределе численности ее населения. Или необходимо сознательно установить **лимит рождаемости**.

Китайский лимит в одного ребенка на семью обеспечил великий экономический рывок страны в один миллиард граждан. Но он эффективен только как временная мера. Он не имеет перспектив, так как доля пожилых людей растет. По прогнозу профессора Гу Баочана к 2050 году в Китае более 1/3 населения будут старше 60 лет.

Более приемлем или лимит в виде двух детей на одну семью, или лимит по одному потомку для каждого мужчины и каждой женщины.

Второе генеральное направление Альтернативной Цивилизации — **очистка генофонда человечества**. Это логично: если число людей ограничено, надо обеспечить их здоровье.

Критика известной практики нацистского социализма гитлеровской Германии привела к перекосу в другую сторону. Общество теперь считает своим долгом обеспечить выживание всех больных, в том числе и хронических. Религия эту линию одобряет.

А итог уже очевиден. От двух неизлечимо хронически больных родителей родится ребенок с болезнями уже обоих родителей. И очень скоро наше общество превратится в общество инвалидов. А Паралимпийские игры станут главными.

Но главная проблема в том, что общество инвалидов в среднем всегда будет существенно ниже по эффективности, чем общество здоровых людей, — даже если полностью перестроить и производства, и все области социальной жизни.

Поэтому наиболее резонно не ждать кризиса, когда здоровая часть общества уже не сможет обеспечивать достойный уровень жизни «слабых» и начнется его снижение у всех: и у здоровых, и у инвалидов. Надо переходить к неотложным мерам противодействия этой перспективе.

Нельзя признать нормальной ни практику античной Спарты, где просто уничтожали родившихся инвалидов и потенциально слабых младенцев. Нельзя признавать нормальной и практику национал-социалистов.

В то же время нужны немедленные меры по очистке генофонда человечества. Чем меньше рождается людей, тем более здоровыми они должны быть.

Идеалами должны стать не страны, где в городах преобладают целые кварталы жилых домов, ориентированных на инвалидов. Идеалом должно стать общество, в котором вообще нет инвалидов — разве что в итоге несчастных случаев.

Наиболее перспективна, на мой взгляд, генная инженерия. Еще в первый месяц внутриутробной жизни надо определять, имеет ли зародыш отклонения или потенциально к ним склонен. И избавлять родителей, имеющих право всего на двух детей за всю их жизнь, от перспективы быть всю жизнь няньками и сиделками.

Итогом очистки генофонда станут радикальные изменения всей социальной жизни. Главным для людей будут не клиники и больницы, а спортклубы и зоны туризма и отдыха. Учителя и воспитатели будут важнее врачей.

Третий генеральный комплекс мер XXI века — переход к разумным научным **нормам потребления. И полное из-**

гнание всякого рода навязываемых людям новых продуктов и, более того, вещей. Обеспечение человека только действительно необходимым.

Конечно, монастырское хождение строем к столу со стандартным меню не идеал. Но для разумного человека не может быть идеалом и круглосуточное ублажение своего желудка.

Особенно остра необходимость перейти к разумным нормам одежды и образа жизни.

На всю жизнь запомнил я один разговор. Когда меня в МГУ в 35 лет назначили завкафедрой, то ввели и в Совет экономического факультета. Естественно, что я с жадностью учился всему: от стиля полемики до выбора одежды. На одном заседании я восторженно отозвался и о выступлении известного профессора, и о его костюме, видимо, только что сшитом. Сидящий рядом со мной другой не менее известный профессор сказал: «Да, в отношении выступления Вы правы. А вот костюм — это уже не университетское. В старой России меняли костюмы или дворяне — следившие за парижской модой. Или купцы — хвастаясь свои богатством. А учитель менял костюм раз в пять лет. И не из-за бедности: его месячный заработок равнялся цене десяти коров. Но его никто не понял бы в среде учителей, поменяй он костюм или пальто, не износив их. Таков был стиль, наш стиль. Стиль интеллектуалов».

Я не сторонник того, что уже представлено в фильмах о космосе — одевания всех в одни и те же комбинезоны, общую униформу. Но и шкафы, набитые выходящими

из моды каждый сезон изделиями, — не идеал будущего человечества.

Я, например, еще учась в МГУ, как один из лидеров университетского комсомола, боролся за единую форму для студентов на целине. И мы добились этого. Форма оказалась столь привлекательной, что в ней стали ездить и на уборку картофеля, и ходить на воскресники. Затем — даже на занятия. Особенно понравилось форма девушкам с мехмата: ушло неприемлемое для интеллектуалок соперничество в одежде.

Не лишне вспомнить, что идеологи коммунизма, провозгласив право на потребление по потребностям, сразу же заявляли: потребности должны быть разумными по величине. А в последней программе КПСС были даже вписаны — помню, после долгих споров — нормативы потребления масла, яиц, мяса и т. д. Уместно вспомнить, что и христианство с его постами тоже признало своего рода регулирование потребления.

Главное в том, что, не ограничив потребления, нельзя лимитировать и производство. А без этого — истощение ресурсов планеты.

Четвертая черта Альтернативной Цивилизации — принципиально новое отношение **к окружающей среде**.

Оно включает пять главных направлений: 1) экономию ресурсов, особенно невозобновляемых, 2) заботу о предотвращении засорения среды отходами, особенно вредными, 3) охрану живой природы, 4) меры по регулированию климата, 5) новое расселение населения по планете с

целью вывода человека из зон, требующих дополнительно-го расхода ресурсов.

И наконец, **пятая** фундаментальная черта Альтернативной Цивилизации — **защита разума и интеллекта** от всего, что ведет к дезинтеллектуализации человечества, не говоря уже о деградации интеллекта.

Особую опасность для интеллектуальности представляют современные компьютерные технологии и Интернет. Когда-то применение огнестрельного оружия привело к утрате физической силы человека в качестве главной его характеристики. И применение компьютерной техники может вести к деградации интеллекта.

Характерен пример Японии. Она наиболее продвинулась по пути применения компьютеров в обучении и вообще во внедрении их в жизнь детей и молодежи. А итог? Японские ребята последние годы перестали выделяться на всех интеллектуальных конкурсах молодежи.

Если в конце XX века для человечества и его цивилизации, для их спасения понадобились радикальные меры по устранению и запрету ядерного, химического и биологического оружия, то в XXI веке на каком-то этапе могут понадобиться международные запреты на использование каких-то видов компьютеров, Интернета и другой интеллектуальной техники.

Конечно, мы не всезнающие. Наши усилия всегда ограничены областью наших знаний. Поэтому меры по всем направлениям Альтернативной Цивилизации должны быть, с одной стороны, масштабными и организованными. А с другой — крайне осторожными и крайне бережными.

5. Проблемы смены цивилизации

Как один общественный строй заменяет другой, социальная наука исследовала достаточно полно. Сотни работ посвящены буржуазным революциям, завершившим эпоху феодализма и давшим старт капиталистической системе. Сотни работ посвящены попытке государственно-бюрократического социализма преодолеть капитализм.

А вот об эпохах, когда целая цивилизация уступает место другой, исследований гораздо меньше. В том числе и потому, что ближайшая к нам из таких эпох была в начале нашей эры, две тысячи лет назад, когда античная цивилизация уступила место христианской.

На меня большое впечатление произвела многотомная работа Э. Гиббона «История упадка и крушения Римской империи», а также двенадцатитомный труд Арнольда Тойнби «Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций» и «Закат Европы» О. Шпенглера. Цивилизационный подход в русской идеологии представляли Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и П.А. Сорокин.

В шести томах Гиббон показал, как гибла великая цивилизация античности. И главное состояло в том, что ее не столько победили более сильные враги, сколько она сама дряхлела, теряла жизненные стимулы. А варваров неудержимо влекли в пределы южной Европы достижения этой цивилизации: дороги, города, освоенные поля, накопленные богатства. Процесс грабежа накоплений античности продолжался не годы, не десятилетия, а несколько столетий.

А ведь античной цивилизации предшествовали цивилизации Древнего Востока, Египта, Персии, Вавилона. А также цивилизации доколумбовой Америки.

И уж точно грандиозным был переход от первобытно-общинного строя к обществу с собственностью.

Например, выход восточных славян из первобытно-общинного строя был длительным и сложным. Один мой знакомый историк отмечал: мы говорим о Крещении Руси как о разовом акте. Но мы не всегда помним, что буквально десятки, сотни лет над Восточной Европой стелился дым от сжигаемых святынь Перуна и других богов. До наших дней не дошло ни одного более или менее сохранившегося святилища, не осталось изображений Дажьбога и других идолов наших предков.

В свете исторических примеров логично предположить, что и замена нынешней цивилизации новой, альтернативной, будет процессом и длительным, и нестандартным.

Новая цивилизация сначала будет занимать ниши, бреши, пустоты старой. И уже потом, опять-таки скорее изнутри, как раковая опухоль, уничтожать органы и ткани старой, заменяя все ее клетки.

Хотя какие-то более или менее резкие, крутые, заметные этапы перемен будут, все же по преимуществу речь будет идти **об эволюции**, а не о революциях.

И еще есть одна характерная черта смены цивилизаций: прежде всего и наиболее радикально меняется **идеология**. Сначала идет завоевание умов и только потом — тел людей и их организаций. Античность начала гибнуть в столкновениях с идеологией христианства.

Поэтому можно сказать, что и теперь, в XXI веке, именно в сфере идеологической будут идти стартовые перемены.

Собственно, они уже идут. Характерен процесс преодоления различий в религиях, усиление ойкуменизма с его идеей единого Бога. С этой точки зрения можно только приветствовать недавний визит патриарха Кирилла в Польшу и диалог православия и католичества.

Наука все чаще выходит на зоны, где требуется полное преодоление всего старого. Яркие примеры: теория относительности Эйнштейна; принцип дополнительности Бора, математическая логика. Сами наши представления об окружающем мире все больше включают знаний о чем-то совершенно противоречащем прежним идеям. Черные дыры во Вселенной. Гибель звезд и целых галактик. Со скоростью тысячи километров в секунду несется на нашу Галактику гигантская Туманность Андромеды с явной перспективой столкновения через миллиарды лет. Усиливается ощущение наличия параллельного мира, а возможно, и многомерности миров.

Думаю, что очень важны и представления В.И. Вернадского и А.Д. Сахарова о дуалистической основе мира, о сосуществовании во Вселенной живого, духовного и материального, вещного.

При таких новых представлениях обо всем окружающем мире уже нетрудно воспринимать и идеи Альтернативной Цивилизации.

Несомненно, что смена нынешней цивилизации Альтернативной будет сопровождаться **изменением роли и места в обществе интеллигенции.**

Будут возрождаться роль и значение всякого рода организаций интеллектуалов — как во времена ухода античности росло влияние общин первых христиан.

Думаю, что растущее усиление в современной цивилизации организованности тоже может стать фактором, создающим благоприятную среду для Альтернативной Цивилизации.

И наконец, ряд мер, **уже реализуемых в постиндустриальной цивилизации,** тоже будут подводить **человечество к Альтернативной.** Это меры по сохранению природы Земли и климата. Меры по передаче главных решений по цене и объемам добычи полезных ископаемых в международное ведение. Меры по неизбежной передаче всей ядерной энергетики под международный контроль. Меры по регулированию рождаемости и охране генофонда. Меры по защите человечества от Интернета.

Задача современного человечества — избежать того многовекового хаоса и эпохи многих веков темного Средневековья, которые утвердились при смене античной цивилизации современной.

6. О дорожной карте России при Альтернативной Цивилизации

В свете изложенных соображений о вероятности варианта полной замены нынешней цивилизации альтернатив-

ной, логично поразмышлять о выводах из них для нашей страны.

Естественно, что для России первая и главная задача — **прочно вписаться в общий поток развития цивилизации.**

Чем полнее и органичнее она это сделает, тем больше гарантий для нашего будущего в этом общем будущем планеты.

Вписаться — это значит остаться великой державой. Исторически Россия сформировалась и развивалась как крупное образование, великая держава. Великодержавность обеспечивала условия сохранения и выживания русской нации. Иногда великодержавность предполагала задачу догонять передовые страны. Иногда — как в XX веке — Россия решала свою модель устройства в виде социализма утвердить на всей планете.

В современных условиях великодержавность предполагает задачу сохранения России **в качестве одной из великих держав.** Для этого России нужен долгосрочный план и долгосрочные социальные механизмы его реализации. Возможно, на планете Альтернативная Цивилизация утвердится не скоро — но план у России должен быть. **Создание такого плана — первый блок дорожной карты России.**

Второй блок российской дорожной карты для XXI века — помимо плана участия в общих тенденциях развития мира — план определения собственной роли и своего места в будущей Альтернативной Цивилизации. Или, говоря термином экологии, поиск своей **Ниши** в новой мировой цивилизации.

Я уже читал здесь, в этом зале, лекцию о том, что у России есть только одна надежная перспектива будущего — **стать одним из мировых центров науки** в целом и в особенности теоретической науки. Это — главная национальная задача России.

Ни вариант поставщика миру сырья, ни даже вариант снабжения мира военной техникой — проблем нашей выживаемости, нашей великодержавности не решат. Так можно обеспечить только временный успех.

Только развитие интеллектуального потенциала России — нашего главного резерва, доставшегося нам от прошлого: российского и советского, обеспечит нам не просто будущее, а будущее в составе авангарда человечества.

Я никого не хочу обижать, но, условно говоря, наше будущее — это не столько конструктор Калашников, сколько математик Перельман.

Если бы у нас были безграничные ресурсы, можно было бы концентрироваться и на том, и на том. Но наши ресурсы имеют весьма ограниченные лимиты. И в качестве первого пропуски в наше будущее надо выдвигать задачу развития российской науки. А второго — развитие обеспечивающих науку образования, культуры, здравоохранения, спорта и отдыха.

Третий блок — превращение интеллигенции, а не бюрократии и номенклатуры — **в центр российской нации**.

Без бюрократии современное общество жить не может. Но на каждом шагу сотнями, тысячами мер должно быть гарантировано вторичное положение класса бюрократии.

Должна быть пресечена в зародыше любая попытка командования интеллигенцией и начальствования над ней.

Приведу два примера.

Первый — Великая антисоциалистическая революция 1989–1991 годов. Она бы никогда не только не победила, но даже и не началась бы в широких и цивилизованных формах, если бы М.С. Горбачев не выделил на Первом съезде народных депутатов СССР треть мест депутатам, избранным не населением. И среди них — весомая доля мест была гарантирована интеллигенции в лице ее организаций. Я, например, был депутатом от Всесоюзного экономического общества.

А российский съезд народных депутатов, не имевший такой доли интеллигенции, сначала отказался от идеи созыва Учредительного собрания, а затем активно участвовал в доведении ситуации до стрельбы танков по парламенту.

Второй пример — новые территории Москвы.

Москву действительно надо увеличить. Но не для создания условий в виде чистого воздуха для работы и без того раздутой бюрократии. Бюрократию вообще лучше переселить в специально построенный для нее город — как было сделано в Бразилии со столицей Бразилия.

И не для того расширять территорию столицы, чтобы Москва росла как город торговцев, банкиров, лимитчиков и гастарбайтеров.

И даже не для улучшения условий жизни нынешних горожан — хотя они, особенно пенсионеры, заслуживают и чистого воздуха, и мест для отдыха.

Главное, для чего надо использовать расширение Москвы, — это **сохранение Москвы как главного интеллектуального центра России.**

Даже в советское время, в режиме сверхжесткой московской прописки, руководство города привлекало в него лучших интеллектуалов страны. Ректор МГУ академик Петровский ежегодно утверждал в горкоме КПСС у партийного лидера Москвы список из десяти тех, кого университет считал необходимым оставить в Москве из числа своих лучших выпускников. В составе такого десятка 50 лет назад, в 1962 году, был и я, выпускник аспирантуры Гавриил Попов.

А сейчас надо привлечь в Москву не менее одного миллиона интеллектуалов России, СНГ и дальнего зарубежья. Дать им на новых территориях Москвы коттеджи для проживания и на этом фундаменте радикально обеспечить и омолодить московскую науку, культуру, образование.

Говоря, опять-таки обобщенно, Москва должна быть не городом чиновников, а городом интеллигенции.

Это и будет соответствовать тому, что ждет Россию в XXI веке.

Если Россия хочет иметь и настоящую дорожную карту для XXI века, и механизм ее реализации, роль интеллигенции должна измениться. Даже в случае движения по пути модернизации постиндустриального общества, и — тем более — в случае развития в направлении Альтернативной Цивилизации.

Возможно, выделить в Думе и Совете Федерации треть мест для интеллигенции. Возможно, достаточно дать

право вето организациям интеллигенции на решения парламента.

Нетрудно заметить, что национальная задача России — стать одним из мировых центров науки — **совпадает** с главными тенденциями и **модернизации** современной постиндустриальной цивилизации, и перспективой **Альтернативной Цивилизации**.

Один ученый как-то сказал: эта теория настолько безумна, что может оказаться верной.

Мои соображения об Альтернативной Цивилизации по преимуществу представляются именно безумием. Конечно, безумность — это не гарантия их правильности, но право на существование мои соображения имеют.

Здесь, в нашем университете, в начинающемся учебном году, как и в предстоящие годы, вы услышите достаточно и об официальном, и об оппозиционном ему. Так что выбор вы будете делать сами, имея достаточно знаний обо всем арсенале точек зрения.

А сегодня, в начале учебы, я решил рассказать вам о том, что вы не встретите ни в учебном классе, ни в программах предметов, ни даже в самых долгосрочных прогнозах государства и бизнеса. Но как минимум это вам не помешает. Будущее надо встречать с открытыми глазами, имея максимальный запас знаний о нем. Особенно вам — молодым.

На пути к Будущему

Глава из книги Г.Х. Попова

«Великая Альтернатива XXI века». М., 2015.

Десятая книга из серии «Мне на шею кидается век-волкодав»

Я принадлежу к той части поколения, называемого «шестидесятниками», которая вначале собиралась посвящать себе теоретическим изысканиям.

Окружающая «счастливая» социалистическая жизнь нас не устраивала. Жизнь Запада тоже не вдохновляла. Осталось одно — искать новую модель общественного устройства.

С этой идеей я и выбрал экономический факультет Московского университета, известный своей теоретической направленностью.

Но XX съезд КПСС, выступивший против культа личности Сталина, и начавшаяся хрущевская «оттепель» радикально изменили ситуацию. Появились возможности творческой работы не только для теоретиков, но и для практиков. Для меня практической сферой стали организация и управление в целом и программа реформ А.Н. Косыгина, а прикладной наукой — теория управления, научный менеджмент.

Первоначальное стремление к поиску нового устройства общества, естественно, не исчезло. Я активно дви-

гался в направлении идей анархизма и экзистенциализма. Идей Свободной Личности.

А вот изучение концепций и теорий менеджмента давало ответ на вопрос о том, чему должен посвятить себя Свободный Человек: правильной организации своей жизни и ее основы — собственного труда.

Среди теоретиков организации, особенно привлекавших меня, был и Алексей Капитонович Гастев. Он был из той российской интеллигенции, которая — как и «Пролеткульт» (детище основателя кибернетики Богданова (Машиновского) — приняла советскую власть потому, что она открывала, по их мнению, больше, чем любые другие социальные системы, возможностей для подъема миллионов к культуре вообще и к культуре эффективного труда прежде всего. Несоответствие реальности новой России и их идеалов было очевидным. Но, по их мнению, у новой России было больше всего шансов реализовать их идеалы.

Возглавившая новую Россию коммунистическая бюрократия устроила этому течению дикий, варварский погром. И теоретический (даже в своей последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин еще раз «лягнул» всеобщую организационную науку Богданова). И практически — погибли под пулями «славных» чекистов и за оградами сталинских концлагерей светлые умы России, в том числе и Алексей Гастев.

К счастью, в спецхране библиотеки МГУ сохранились труды и российских теоретиков научной организации труда и управления, и переводы зарубежных классиков — Тей-

лора, Файоля, Форда. Получив доступ туда, я с упоением их читал (как и книги по экзистенциализму и анархизму).

Краеугольной мне представлялась мысль о том, кто же такой рационализатор. В журнале «Техника управления» за 1927 год я прочел: «Рационализация — это битва настоящего с будущим. Кто видит только настоящее, тот никогда не двинется вперед. Кто видит только будущее, никогда не приблизится к нему. Рационализатор — тот, кто видит будущее и настоящее и прокладывает мост между ними».

Неудивительно, что я всю жизнь стремился не только к выяснению того — что нужно в будущем, но и к тому — как к этому будущему перейти.

Естественно, что и теперь, придя к выводу о неизбежности в будущем Новой Цивилизации, я думаю и о путях перехода к ней.

Анализ привел меня к выводу, что возможны два перехода. Первый — через этап Нового Постиндустриализма. Второй — от нынешнего, реального Постиндустриализма непосредственно к Новой Цивилизации, минуя высший этап Постиндустриализма.

Судьбу истории решают массы.

И если часть народа самой развитой страны постиндустриального мира на первое место уже ставит меры в области финансового капитала и требует «Захвати Уолл-стрит» — то надо принять это как реальность и задуматься о поддержке масс.

Поэтому в этом, заключительном, разделе книги я бы хотел рассмотреть перспективы прямого перехода к Новой, Альтернативной Цивилизации.

И первой для меня является проблема того, как будет идти формирование идеологии Новой Цивилизации.

1. Два «предка» идеологии Новой Цивилизации

Исторический опыт смены цивилизаций показывает, что стартом должно стать **внедрение в умы идеологии** Новой Цивилизации.

Новая Цивилизация — в силу ее альтернативности своей предшественнице — не может «произрастать» ни на почве старого общества, ни даже где-то в его «укромных уголках» или «тихих омутах» (хотя именно в них, как утверждает народная пословица, наиболее часто обитают «черти»).

Радикальная альтернативность Новой Цивилизации предопределяет путь ее утверждения, который видится мне таким.

Сначала она должна утвердиться в головах людей. По крайней мере — значительной части общества. Но, чтобы утвердиться, идеи Новой Цивилизации должны быть сформулированы теоретически, а затем оказаться у их проповедников и распространителей.

Можно привести пример из истории чеченской проблемы в царской России. Чтобы вытеснить Александра I из завоеванной им в результате победы над Наполеоном Западной Европы, многоопытные политики типа Миттерниха и Талеярана «подсунули» ему предложение об укреплении юга России присоединением к ней христианских Грузии и Армении, а как путь к этому — захват всего

Кавказа. Александр I «клянул», но ему достался в составе премии и Северный Кавказ: от Дагестана до Адыгеи.

Россия тогда еще не была готова к варианту, который она потом успешно реализовала в Средней Азии — соглашению с существующими на Кавказе «властителями». Она предложила что-то вроде того, что было реализовано Екатериной II на Украине — включение части местной правящей элиты в дворянство, а для остальной, подавляющей части населения — крепостничество. Но если конфликт на Украине удалось уменьшить благодаря славянской генетической близости, общего прошлого — Киевской Руси, общей религии, то на Северном Кавказе слились в одном потоке различия национальные, социальные, религиозные. Создалась база для многолетней Кавказской войны, священного газавата.

Сама эта война характерна тремя этапами. На первом выделились те, кто сформировал идеологию. Их возглавил шейх Измаил. Затем наступила очередь пламенных проповедников идеологии газавата, которых возглавил мулла Магомет. В итоге создались все условия для начала практических действий, лидером которых стал легендарный Шамиль.

Это, конечно, не пример смены цивилизации. Но что-то подобное происходило во все времена, когда происходили радикальные перемены: три этапа — формирование идеологии, пропаганда идеологии, практические действия.

Скорее всего, и при утверждении Новой Цивилизации будут иметь место теоретики — пропагандисты — реализаторы.

Конечно, фундаментом всего являются неразрешимые противоречия старой системы. Но логика ее ухода обычно именно такая — трехэтапная.

Главная черта формирования новой идеологии — ее непримиримые противоречия тем основным, что характеризует идеологию существующей системы.

Стартом формирования новой идеологии должен стать — и на самом деле становится — открытый бунт против старого: Уолл-стрит надо уничтожить и т. д.

Но успех новой идеологии — не только в этом радикальном разрыве. Успех связан и с тем, что *в недрах старой идеологии* находятся «блоки», готовые чем-то *подпитывать* новую идеологию.

К таким частично косвенным, а частично прямым «подпиткам» идеологии Новой Цивилизации следует отнести прежде всего **религии**.

При всех различиях все религиозные идеологии отличаются две важные особенности. Религиозная идеология не касается реального образа жизни людей, социальных характеристик общества и т. д. Словом, религия не затрагивает, говоря языком Евангелия, «кесарево» («Богу — Богово, Кесарю — кесарево»). Религия — это внутренний мир человека. Его взаимоотношения с жизнью и смертью. С Богом. Поэтому все религии имеют огромный опыт «существования» с любыми цивилизациями.

Далее, надо иметь в виду, что среди религиозных норм есть немало тех, что напрямую согласуются с нормативными системами Новой Цивилизации. Например, регламентирование еды или подход к одежде.

А новые веяния в религиях — и в христианских (особенно в связи с избранием нового папы), и в различных исламских, и в буддизме — еще больше «пронизаны» ветром тех перемен, которые несет Новая Цивилизация.

Думаю, что религии — по крайней мере ортодоксальные — смогут поддержать идеологию Новой Цивилизации.

Другой «подпиткой» идеологии Новой Цивилизации являются оба **главных направления** экономической политики постиндустриализма.

Монетаризм с его упором на защиту полной экономической свободы производителей, вниманием к каждому товаропроизводителю — в том числе к малому и среднему бизнесам — утверждает, что независимость и свобода — лучшая среда для экономической деятельности.

А практический опыт монетаризма — например, преобразований Маргарет Тэтчер в Великобритании — подтверждает предположения о благотворности свободы для экономических успехов.

Между тем этот подход в определенной мере присущ и Новой Цивилизации с ее враждебностью и непримиримостью к финансовой олигархии, монополизму, бюрократии.

Другое ведущее направление постиндустриализма — **неокейнсианство** — тоже глобально не противостоит Новой Цивилизации. Напротив, идея этой цивилизации, которая признает необходимость общенационального регулирования социальной и экономической жизни, вполне «солидаризуется» и с теорией, и с практикой неокейнсианства.

Поэтому *отрицание идеологии Постиндустриализма Новой Цивилизацией XXI века сочетается — и весьма прочно — со многими идеями и результатами и теорий, и практического опыта постиндустриализма.*

Но есть две области, где связь идеологии Новой Цивилизации с предшествующими идеологиями особенно очевидна.

Это, во-первых, соотношение идеологии Новой Цивилизации с различными течениями социалистической идеологии, идеологии коллективизма.

И, во-вторых, это соотношение идеологии Новой Цивилизации с разными идеологиями Индивидуализма, особенно с идеями Ницше, Экзистенциализма и Анархизма.

2. Новая идеология и социалистические (коллективистские) идеологии

Несомненно, что социалистические идеи повлияли на некоторые фундаментальные постулаты Новой Цивилизации.

Социалистическая идеология — одна из древнейших. Она сопровождает человечество тысячелетия. В ней можно выделить два течения.

Первое — теоретические модели социализма. Условно их иногда называют утопиями. Вариантами теоретических моделей социализма были работы Платона в античной Элладе, Томаса Мора в Средние века, разработки Маркса и Ленина.

Второе течение — это модели реального социализма. Интернационального социализма Ленина, Троцкого и

Сталина. Национал-социализма — Гитлера. Социалистические модели Мао и Тито, азиатских и африканских лидеров второй половины XX века.

Социалистическими являются модели западноевропейских социал-демократов, прежде всего социалистов Франции, Западной Германии, Англии и демократов США.

В настоящее время в ряде стран на практике действуют во власти сторонники социалистической ориентации.

Что же роднит социалистические идеологии с идеологией Новой Цивилизации?

Прежде всего, это постулат *сознательности* и *организованности*.

Все социалистические идеологии исходят из идеи сознательного устройства человеческого общества в соответствии с социалистическими целями, нормами, правилами.

С социалистическими идеологиями Новую Цивилизацию сближают идеи разного рода нормативов потребления, регулирование объемов производства и т. д. Выход за национальные границы — тоже черта социалистической мысли.

В то же время очевидно и самое главное различие. Оно касается главного постулата всех социалистов — полного отрицания частной собственности. Соответственно — отрицание рынка, реальных денег, конкуренции. А Новая Цивилизация сохраняет значительную зону частной инициативы. Она очень важна для развития науки, творчества, без которых модели социалистического строя лишаются и мотивов, и двигателя прогресса, тяготеют к консерватизму и стагнации общественных систем.

Новая Цивилизация — как и социалистическая идеология — исходит из примата коллективного. Но если у социалистов коллективное полностью подменяет личность (как у Маяковского — «единица — вздор, единица — ноль»), то в Новой Цивилизации при принятии коллективного в полном объеме сохраняется Личность, ее интересы, ее права (в том числе и ее право на собственность).

Очень важным аспектом воздействия социалистических идеологий на идеологию Новой Цивилизации стала негативная, отталкивающая сторона реального социализма.

В национал-социализме — расовая теория, точнее доведение идеи различия человеческих рас до разделения рас на высшие и низшие и «узаконивания» права высшей расы командовать и даже уничтожать низшие расы.

А в советском социализме это — опыт обособления правящей бюрократии, а также отставания — прежде всего научно-технического — реального социализма.

Эти великие уроки реального социализма Новая Цивилизация не может не учитывать.

И еще один печальный опыт реального социализма — урок того, что запрет критики, ограничения демократии (чем бы они ни мотивировались и чем бы ни прикрывались) приведут к деформации общества. Поэтому Новая Цивилизация обязательно включает в идею разумности право на критическое отношение ко всему общепринятому и устоявшемуся.

Интересно, что если взять не реальный социализм, а работы Маркса или работы Ленина до взятия им власти в

России в октябре 1917 года, то нетрудно обнаружить в них гораздо большую близость к идеологии Новой Цивилизации, чем у идеологии реального социализма.

Для реального социализма был характерен разрыв реальности и провозглашаемых лозунгов. Особенно если это касалось будущего. Поэтому Программа КПСС, принятая в 1961 году, гораздо «ближе» к ряду идей Новой Цивилизации, чем то, что реально было в жизни СССР.

Подводя итог, можно предположить, что **среди сторонников социалистических идеологий идейная платформа Новой Цивилизации найдет много приверженцев.** Часть из них в принципе согласится с Новой Цивилизацией. А часть — как на ступень к будущему их идеала.

3. Идеологии Индивидуализма в Альтернативной Цивилизации

Важными источниками и предтечами идеологии Альтернативной Цивилизации стали варианты идеологии Индивидуализма.

Индивидуализм — широкий спектр идейных течений, общим для которых является выдвигание на центральное место отдельного индивида, Личности. Это такая же древняя идеология, как и коллективизм.

Индивидуализм вытекает из фундаментальных характеристик человеческого общества. Оно немислимо без коллектива людей. В то же время настоящий человеческий коллектив невозможен без обособления отдельного его члена как самостоятельно мыслящего существа. Коллектив, не состоящий из самостоятельных Личностей,

превращается в муравейник, улей, стадо, в механический агрегат.

Варианты индивидуализма очень разнообразны: от насыщенных позитивным смыслом идей защиты Личности и ее развития до идей, отрицающих все другие личности кроме Единственного, до крайних вариантов эгоизма.

Развитие машинного производства и формирование больших организационных систем привело к реальной опасности утраты Личностью своей главной характеристики — Индивидуальности. Следствием исчезновения индивида будет исчезновение Человечества. Человеческий коллектив без Индивидуальности становится чем-то вроде муравьиной или пчелиной семьи, в которых нет самостоятельных особей, а особь есть часть чего-то целого — матка, рабочие муравьи, муравьи-сторожа, муравьи-хранители запасов еды и т. д. Вне коллектива член такого сообщества обречен.

При постиндустриализме существенно изменилась база идеологий.

Во-первых, автоматизация производства сократила число работников, ранее занятых в конвейерном производстве. Зато увеличились и роль, и количество ремонтников, наладчиков, контролеров и т. д. Труд этих работников требует индивидуального подхода, индивидуального анализа, индивидуальных решений. Такой работник из «Винтика» превращался в самостоятельного «Мастера». Идеология занятого таким трудом работника создает почву для идей Самостоятельности.

Во-вторых, в обществе резко расширилась сфера обслуживания. Во многом она ориентирована на учет индивидуальных запросов потребителя. Работник этой сферы — от парикмахера до продавца — зависит от умения реализовать индивидуальный подход, реагирования на индивидуальный спрос. Индивидуальность становится залогом успеха.

В-третьих, распространились — в качестве преобладающей формы организация огромной сферы управления — небольшие коллективы работников в виде ячеек. Даже если сама организация занимает целый небоскреб, ее ячейкой является небольшая группа работников. Их труд индивидуален или достаточно индивидуален и обособлен. Такая деятельность не может не тяготеть к идеологии обособленности. Именно офисы стали питательной средой движения хиппи. А появление Интернета вообще позволило работнику значительную часть времени работать «на дому» — обособленно и индивидуально.

В-четвертых, научно-техническая революция привела к возрождению своего рода нового варианта того, что в прошлом называлось цехом и мастерской. В научных учреждениях всех видов — от исследовательских до проектных — главным фактором успеха становятся или Индивид, или небольшое количество работников, «малая группа».

Эта индивидуальная ориентация всей сферы научного творчества в сочетании с ролью индивидуальных ячеек в таких сферах, как культура, медицина, образование, создали основу для роста интереса и привлекательности идей Индивидуализма.

Противоречия, трудности и тупиковость постиндустриализма как социального строя не могут не увеличивать число разочаровавшихся, чувствующих себя в этом обществе «лишними» людьми.

А вырождение популистской демократии в нечто бесильное и формальное, живущее жизнью «в себе» и «для себя», привело к отчуждению значительного числа граждан от всей системы государственной власти. Падение процента явки на выборы — наиболее яркое свидетельство этого отчуждения.

Неспособность традиционных идеологий — от религии до консерватизма, либерализма и социализма — дать ответ на волнующие членов общества проблемы, создает своего рода «вакуум». Эта «пустота» — поле для активизации отвергавшихся ранее идей некоторых вариантов Индивидуализма.

Не менее важным стал все более очевидный для всех мыслящих и просто сознательных членов общества факт, что люди, попав в «коридоры власти», чуть ли не на глазах «сереют», «тупеют», становятся «ходячими функциями» Кафки. Из них эти коридоры «выпаривают» все, нужное для лидеров и организаторов перемен.

Идеи разнообразных течений Индивидуализма о Личности близки постулату Альтернативной Цивилизации о Разумности, так как Разумность предполагает разумную Личность.

Среди идей Индивидуализма особо выделяются идеи **Анархизма.**

Идеи анархизма очень древние — как и идеи социалистические. Видимо, дьявола, взбунтовавшегося против власти Бога, уже можно считать первым анархистом.

Слово «анархизм» с греческого языка переводится как **безвластие**. Везде, где человек получал возможность и где у него появлялись мотивы добиваться успеха в качестве Индивидуалиста, появлялась основа для идей анархизма.

На протяжении всей истории человечества всегда были люди, много размышлявшие о том, как сделать государство более полезным для людей, более эффективным и более демократичным. И не только размышлявших, но и много делавших для этого. Но всегда были люди и мечтавшие, и пытавшиеся что-то делать на практике для того, чтобы человек и человеческое общество *могли вообще обойтись без государства*.

Принятый для обозначения этого течения термин «**анархия**» связан с именем Пьера Прудона. Но на самом деле идеи общества без государства уже были среди древнегреческих мыслителей. А философа Зенона из Китиона можно считать отцом анархизма.

Первые массовые течения анархизма опирались на крестьянское индивидуальное хозяйство и на ремесленную организацию производства в виде мастерских.

Источником идеи безвластного общества было и блистательное индивидуальное творчество мастеров эпохи Возрождения.

Анархизм XIX века связан и с именем М. Штирнера. А в России — с такими деятелями, как анархо-коммунисты

М. Бакунин и П. Кропоткин и близкий к религиозному анархизму Л. Толстой.

В XX веке — в России в годы революции 1917 года, в годы революции в Мексике и гражданской войны в Испании тридцатых годов — были предприняты попытки практического воплощения анархизма. Например, в деятельности Нестора Махно на юге Украины.

Предположительно не менее трети солдат и матросов, занявших Зимний дворец в Петербурге в легендарную ночь 25 октября 1917 года, были анархистами или анархически настроенными. А Учредительное собрание, пытавшееся взять власть в России, было разогнано охранявшим это Собрание караулом матросов-анархистов во главе с Железняком.

Основная притягательность анархизма — в концепции самой возможности жить без государства и как итог без начальства, без бюрократии. Основная слабость анархизма в том, что без государства и бюрократии можно жить только в небольших, чаще всего семейных или микрокооперативных хозяйствах.

Воскрешение анархизма произошло в 50-х и 60-х годах — и в студенческих выступлениях в Европе, и в движении за гражданские права в США. А с 1999 года демонстрации анархистов против Всемирного банка и Международного валютного фонда дали старт современному этапу анархизма.

Темы анархизма мы находим в произведениях художника Пабло Пикассо, кинорежиссера Л. Бунюэля, композитора Д. Кейджа, в песнях «Битлз».

Корни современного анархизма — в возрастании роли науки, в которой творчество немислимо без индивидов.

Основная и непреодолимая проблема анархизма — тяготение к сохранению и воспроизводству традиционных и консервативных форм общественной жизни. Для человеческой цивилизации такое будущее — тупиковый вариант ее развития.

Вполне логично, что весь запас идей анархизма стал одним из главных «источников» идеологии Альтернативной Цивилизации.

На идеологию Новой Цивилизации оказал огромное влияние такой гигант идеологии **Индивидуализма, как Ф. Ницше** (1844–1900).

Ницше — по его словам — «сидит не на своем месте за общим столом». В современной цивилизации все внушает Ницше отращение.

И Ницше поднимает бунт против всего, чем живет современный человек, — религиозных верований, философских идей, идеологии, социальных и этических норм, против современной науки и искусства.

Этот бунт Ницше осуществил блестяще. И в этом он, несомненно, предтеча главной идеи Новой Цивилизации — идеи ее **Альтернативности**. Ведь исходная идея Ницше — **идея неприемлемости всей нашей жизни**. Поэтому Ницше ставил задачу «преодолеть» современного человека, провести «переоценку» всех ценностей.

Чтобы провести полный разрыв со всем существующим, надо прежде всего, по Ницше, отречься от всякой

морали. Далее, надо отречься от лживого *разума*. В общем, надо стать «**по ту сторону добра и зла**».

Это глобальное отрицание подготовит переход к **новому типу человека**. Созная его полную противоположность человеку, который существует в современной цивилизации. Ницше называет его **Сверхчеловеком**. «Слушайте, — говорит у Ницше его проповедник Заратустра, — я возвещаю вам сверхчеловека».

Нынешнее общество, по Ницше, отдаляет конец обездоленных и осужденных жизнью, парализует закон естественного отбора и «поддерживает существование всевозможных неудачников, оно тем самым придает жизни более мрачный и сомнительный вид». «Благополучие — не цель, а конец».

В страстном призыве к Новому Человеку Ницше тоже предтеча идей Альтернативной Цивилизации. Но Ницше видит только одну перспективу: господство Сверхчеловека над массой рабов. Если марксизм предполагал в грядущем обществе превращение **всех** в новых людей, то Ницше надеялся на победу **меньшинства** человеческого рода. Именно это привлекло к Ницше национал-социалистов.

Естественно, что такое будущее требует от Сверхчеловека беспредельной жестокости. Заратустра в книге Ницше «Так говорил Заратустра» предлагает: «будьте тверды».

Желание найти и выделить Сверхчеловека привело Ницше к выводу: «Люди не равны по природе, а следовательно, и неравноценны, поэтому было бы верным безумием и несправедливостью *уравнивать их в правах*».

Демократия — по Ницше — превращает человечество в нечто «посредственное» и «пошлое».

Ницше подвергает сокрушительной критике идеал социалистов — *трудящегося*. Труд сдерживает «развитие разума, потребности, чувства независимости», так как он поглощает нервную силу, отвлекает ее от «размышлений, дум, мечтаний, забот, любви и ненависти».

Но и другая часть современного общества — *богатые*, по его мнению, не лучше. «Все чаще встречаем тип человека, поглощенного всецело денежными делами: в погоне за наживой он не знает покоя, он стыдится отдыха. Мы привыкаем думать с часами в руках, мы завтракаем с биржевым листком перед глазами, мы разучились радоваться жизни...». Ницше пишет: «Чтобы вести торговлю и вообще ворочать капиталами, **нужны люди с буржуазными наклонностями, иначе говоря — люди средних дарований**».

А школа вместо подлинного образования учит «машинальному исполнению обязанностей, которое является необходимым качеством будущего чиновника, супруга, раба какого-нибудь бюро, читателя газет и солдата». Это — из работы Ницше «Воля к власти».

Где же выход? Ницше считает социализм «фантастическим младшим братом почти отжившего деспотизма». Социализм требует для себя «такой полноты государственного могущества», которое ведет «к уничтожению индивидуальности».

И в рекомендациях либерализма — по Ницше — та же сущность, так как либерализм возводит в принцип

«всеобщую нивелировку... делает людей трусливыми и жадными».

Измельчавшее человеческое стадо, по Ницше, само собой попадет в руки сильных людей — его естественных господ и повелителей.

«Философия Ницше, — писал известный российский идеолог конца XIX — начала XX века князь Трубецкой, — представляет собой протест против измельчания и вырождения современного человека». И она — тоже одна из предтеч идей Новой Цивилизации.

Другой идейный источник, из которого «черпает» идеология Альтернативной Цивилизации, — **Экзистенциализм**.

В обоих своих главных течениях — религиозном (это прежде всего К. Ясперс и Н. Бердяев) и атеистическом (это в особенности Ж.П. Сартр и А. Камю) экзистенциализм (по-латыни это слово означает «существование») стал реакцией на проблемы той эпохи, когда начался крах капитализма, появился и потерпел неудачу эксперимент по утверждению государственно-бюрократического социализма (в советском и фашистском вариантах), когда на мир обрушились две мировые войны, когда человечество начало переход к новому, постиндустриальному строю.

В эту эпоху главными стали *коллективизм* и *организация*. Государственная машина, массовые партии, тотальное вторжение «организации» в экономику, науку, образование, культуру, во все клетки общества.

Жесткое регулирование всех сторон жизни человека извне все больше ставило под вопрос и делало невозмож-

ным сохранение человека как Индивида, как Личности. На каждом шагу: на производстве, в офисе, в одежде и еде, на отдыхе — везде стандарты, надзор, правила, чей-то контроль. Появился «человек одного измерения» Герберта Маркузе. Теперь даже нижнее белье, даже такой исключительно личный акт, как выбор спутника жизни, без стеснения выносятся на экран телевизора с помощью люмпен-телевизионщиков и люмпен-зрителей. Возникла исключительная угроза Индивиду, Личности. И всему человечеству, которое, состоя из «человеков одного измерения», не может уже называться человечеством. А ведь даже религии защищают Индивидуальность, Личность и соответственно утверждают ответственность самого человека за свой путь в Рай или Ад.

Реакцией на эту всеобщую социализацию и обобществление и стал *бунт экзистенциализма в защиту Личности*.

Николай Бердяев писал: «Я вообще не люблю общества. Я человек, восставший против общества... Я утверждаю примат свободы над бытием... Я принадлежу к тому типу людей и к той небольшой части поколения конца XIX и начала XX века, в которой достиг необычайной остроты и напряженности конфликт личности, неповторимой индивидуальности, с общим и родовым».

Не случайно именно великий идеолог экзистенциализма Карл Ясперс уже в 1946 году в работе «Проблема немецкой вины» дал такой развернутый и такой глубокий анализ задач выхода из гитлеровского тоталитаризма, что он стал базой сверхмасштабной, сверхбыстрой, грандиозной денацификации Германии. А она — решающим фак-

тором послевоенного преобразования разрушенной дотла ФРГ в великую державу. К. Ясперс вину искал не только и не столько в партии нацистов, сколько в самом немецком народе.

Экзистенциализм выдвинул ряд идей, которые оказали большое влияние на идеологию Альтернативной Цивилизации. Альтернативная Цивилизация — цивилизация Разумности, цивилизация Интеллекта, цивилизация Социального гарантисма — гораздо больше отвечает фундаментальным идеям Экзистенциализма, чем все предшествующие социальные системы.

Подводя итоги, надо признать, что **Великая Альтернатива XXI века, Новая Цивилизация**, не свалилась с другой планеты. Она имеет глубокие корни во всей предшествующей человеческой идеологии и особенно в оппозиционных идеологиях многих веков истории. Собственно, именно поэтому она имеет право носить имя «Альтернативная Цивилизация». Альтернативная, но именно Цивилизация.

Я попытался показать, что заявившая о своей полной Альтернативности идеология Новой Цивилизации на самом деле соединена многими «переходами», «мостами» с предшествующими ей идеологиями. В этих «переходах» я вижу важный фактор облегчения движения человечества к своему будущему в XXI веке.

Захвати Уолл-стрит

Статьи опубликованы в газете «Московский Комсомолец» от 23.11.2011 № 266 (25804), от 08.12.2011 № 279 (25817).

1. Зарница будущего?

Недавно по телевидению мы могли видеть, как руководители страны посетили **Магазин Будущего**. Их лица буквально сияли. Наконец-то им удалось вырваться из болота примитивного барахтанья в текучке и предложить стране нечто оптимистическое. Пусть не скоро. Но все же — **Будущее**.

То, что наши лидеры, пусть на словах, занялись Будущим, можно только приветствовать. И в то же время именно такие попытки являются для меня наглядным свидетельством того, насколько велик разрыв между тем, что очевидно для меня, и тем, что мне предлагают.

Поясню на примере. Возьмем этот самый электронный магазин Будущего. Как я представляю этот Будущий Магазин?

В этом магазине главным будет не совершенствование торговли и расчетов за покупки. Мир XXI века не может уповать на автоматизм рыночного распределения — как примитивно верила в будущее знаменитая курица великого английского философа Юма.

Поэтому я вижу продовольственный магазин, где сначала меня обследуют врачи с ног до головы, от желудочного сока до генов крови. И составят мне карты режимов и вариантов питания. И уже с этой картой (а она поступит и мне, и в «память» магазина) я приступлю к покупке продуктов. Между гречкой и овсянкой я могу выбирать, а вот макароны мне этот магазин не продаст. В таком магазине я спокойно буду покупать продукты для страдающей от аллергии внучки. В чем-то продовольственный магазин будущего должен напоминать поликлинику, где сначала я общаюсь с врачами и только потом иду с их рецептами в аптеку приобретать лекарства.

Свобода у меня в таком магазине продуктов сохранится, но она будет в рамках науки, в рамках познанной необходимости.

А в будущем электронном магазине промтоваров его электронный мозг напомнит мне, что у меня дома и на даче еще лежат вещи, которые можно носить. Что мне пока нет смысла приобретать новую модель мобильного телефона, так как имеющаяся у меня вполне пригодна. Этот магазин не будет мною командовать, но он будет активно помогать мне вести борьбу с засасыванием в мир, как говорили Стругацкие, «хищных вещей», в мир человека одного измерения Герберта Маркузе, в Общество Потребления.

К сожалению, ни среди правящих властей (и в мире, и у нас), ни среди их оппонентов (опять-таки и в мире, и в стране) я ничего обнадеживающего, не говоря уже о

вдохновляющем — пока не видел. Пока... пока не услышал о движении «**Захвати Уолл-стрит**».

И хотя российские средства информации делают все, чтобы я его не заметил, оно стало для меня зарницей. Будет ли оно искрой, зажигающей предсказанную знаменитым футурологом Элвином Тоффлером эру антибюрократических революций XXI века, или угаснет, сейчас сказать трудно. Но факт, что появилась **надежда**.

2. Оккупируем Уолл-стрит

Лозунг — «**захвати**» — в точном переводе звучит «оккупируй», то есть «**займи**».

Все необычно с самого начала. Всякий, кто бывал в Нью-Йорке, помнит, что улицы этого города переполнены темнокожими американцами. А в протестантах — по преимуществу белые граждане Америки. Это не безработные. Не обездоленные. Не пролетарии. Протестует **средний слой**. Хребет американского общества. Его «кости» и «мясо». На штурм Уолл-стрит идет **Большинство**.

Оно не желает жить в мире финансовых пузырей и финансовых пирамид. Где даже новый страховой Фонд Европейского сообщества заранее официально объявляет, что он в основном будет наполнен не реальными деньгами, а разного рода финансовыми фантиками, вроде денег Воланда в «Мастере и Маргарите», оказавшихся на деле этикетками от «Нарзана».

Движение не требует возврата к старому рыночному капитализму. Не добивается реставрации государствен-

но-бюрократического социализма. Оно требует радикальных, революционных перемен.

Каких именно? Ответ: занять Уолл-стрит. Изгнать то, что составляет его суть. **Упразднить банки. Ликвидировать биржи.** Обобщенно говоря — **освободиться от финансового капитала.** Не совершенствовать его, а **вообще жить без него.** Как когда-то мир научился жить без рабов и рабовладельцев, без крепостных и феодалов.

Движение еще не вполне осознало, что разгром финансового капитала неизбежно изменит все постиндустриальное общество. Превратит — говоря словами Ибсена — Общество Троллей в Общество Людей. Но первый тайм борьбы оно очертило правильно — финансовый капитал.

Вот уже 20 лет мы видим, как финансовые гении спасают нас и весь мир от катастроф. Но с железной неизбежностью возникают все те же, повторяющиеся кризисы. И пора делать выводы. Суть их одна: **финансово-номенклатурная олигархия с ролью руководителя цивилизации XXI века не справляется.** Не справляется — несмотря на то, что взяла под контроль всю государственную власть. Не справляется — несмотря на то, что узурпировала весомую часть богатств общества. Не справляется — несмотря на то, что обеспечила себе уровень жизни в сотни, тысячи раз превышающим то, что имеют остальные члены общества.

За неспособностью современной финансово-номенклатурной олигархии руководить миром стоит, конечно, грандиозное **измельчание элиты**, ее «сред-

нячивание», «посерение». Вместо лидеров-глыб все заполнили лидеры-троечники, лидеры-примитивы, лидеры-трава.

Но за персоналиями необходимо увидеть нечто более фундаментальное. Оно в том, что **исчерпан весь потенциал денег и денежных механизмов**. Потенциал монетаризма.

Более того, исчерпываются возможности и резервы **вообще всего экономического подхода**.

Мир XXI века, мир выхода в космос, мир генетических преобразований, мир экологических катастроф, мир национальных, моральных, религиозных столкновений и конфликтов становится все более «не по зубам» ни денежным, ни вообще экономическим инструментам и механизмам.

Поэтому изгнание финансового капитала с его финансово-олигархическими и номенклатурными лидерами — **потребность человечества в наступившем XXI веке**.

И поскольку наша Россия стала частью этого мира (к сожалению ли или к счастью, но только в роли «шестерки», которую хозяева то приглашают, то игнорируют), то движение «Захвати Уолл-стрит» — это движение и за нас, и для нас. Это — **Наше движение**.

Финансовый капитал не явился с Марса или из глубин Галактики. Он вырос на реальных проблемах, противоречиях, конфликтах цивилизации XX века. Он — продукт окружающего мира. Поэтому устранить его какой-то хирургической операцией удаления нельзя. **За-**

хватить Уолл-стрит можно только одним: **заменой** его более совершенным, более человеческим механизмом.

Опыт великого эксперимента XX века с заменой капитализма государственно-бюрократическим социализмом учит, что вопрос о том, чем именно заменять превратившиеся в раковую опухоль старые социальные ткани, главный. Ошибка в ответе на вопрос, чем заменить Уолл-стрит, может привести в XXI веке к трагедии, не менее страшной, чем стал для человечества XX век — «век-волкодав».

Какой будет программа замещения Уолл-стрит — главная, на мой взгляд, проблема. Вот некоторые мои соображения.

3. Чем заменить финансовый капитал?

Идеология захвата. Суть финансового капитала не в деньгах, кредитах, процентах, акциях и других атрибутах рыночной экономики. Суть его в том, что он **монополизировал** эти рыночные инструменты, взял их под контроль, превратил в рыночные только по форме, а по существу — в командные, администрированные.

Сделал то, что с ними когда-то сделал бюрократический социализм. Командование при советском социализме было командованием одного центра, всей советской бюрократии.

Ну а командование, даже оформленное как заседание двадцати, а то и только семи президентов или премьеров, командование стаи олигархов — командование полицентрическое.

Оно гораздо опаснее государственно-бюрократического госмонополизма. Вместо одной власти действуют несколько сил. И изменение количества не может не менять качество. Руководство утрачивает долгосрочность и устойчивость, пусть даже полные ошибок. Еще опаснее, что среди нескольких центров всегда появляются паразитирующие.

Поэтому идеология «захвата Уолл-стрит» включает две стратегии.

Первая — демонополизация финансового капитала в духе знаменитого антитрестовского законодательства США. **Ликвидация нынешних банков. Ликвидация бирж.** Создание малого и среднего финансового бизнеса с появлением реальной свободной рыночной конкуренции.

Второе направление радикальных перемен должно касаться той части финансового сектора, которая по содержанию и природе связана со всей экономикой. Она необходима современной глобализирующейся экономике. **Эта часть финансового капитала должна быть национализирована.** Передана в руки государства. Как переданы ему освоение космоса или ядерное оружие.

Остановлюсь подробнее на этих стратегиях.

«Захват» банков. Речь должна идти о полном упразднении нынешних частных банков, как когда-то упразднили помещицы латифундии.

Для хранения **средств граждан** (именно хранения) создать сеть **Сберегательных Касс.** С ограничением

сферы их деятельности гражданами одного города или района.

При этом кассы эти могут быть и кооперативными, и частными, и муниципальными. Их должно быть не менее десяти в каждом районе. Они должны конкурировать.

Ни один вкладчик не должен иметь вклад размером более одного процента от общего капитала кассы и не может иметь вклады более чем в трех кассах.

Сберкасса выплачивает проценты, только возмещающие инфляцию. Для этого она хранит свои деньги в особом подразделении Государственного Банка и от него получает этот «антиинфляционный» процент и доплату к нему для своего функционирования.

Для свободных **средств частного бизнеса** вместо банков создать **Общества взаимного кредита**. В них вкладывают деньги с целью получения процентов. А они дают кредиты только частному бизнесу.

Для обеспечения демонополизации создается целая система «страховок». Хозяин Общества (если он есть) не может иметь более десяти и менее пяти процентов общего капитала общества. Ни один вкладчик не может иметь вклад размером более одного процента общего капитала Общества. Ни один кредитор не может получить в качестве кредита более одного процента общего капитала Общества.

Территория, в рамках которой действует Общество, — регион. В регионе должно быть не менее десяти Обществ. Каждое из них не может иметь капитал более одного процента общего богатства региона. Одно юри-

дическое лицо не может иметь вклады более чем в трех Обществах.

Общества взаимного кредита не могут ни торговать, ни владеть акциями других организаций, в том числе других Обществ. Они не могут получать кредиты от государства. Взаимное кредитование друг друга Обществами должно быть запрещено.

Общество получает прибыль от кредитов. Но прибыль эта может идти хозяевам Общества в размере, не превышающем среднюю прибыль каждого вкладчика Общества. Избыточная сумма прибыли распределяется между всеми вкладчиками пропорционально их вкладам.

При таких ограничениях Общества не смогут участвовать ни в каких махинациях: ни с процентами, ни с акциями. Они будут участниками свободной конкуренции в сфере финансов.

«Захват» биржи. Для ликвидации биржи надо ликвидировать почти все нынешние функции акционерного капитала.

Акция должна остаться инструментом «соучастия» ее владельца в собственности компании и в доходах от этой собственности. Владелец акции покупает ее у акционерного предприятия. Продавать ее на сторону он не имеет права. Он имеет право только возратить свои акции назад предприятию. А оно всегда обязано их купить. И отвечать своим капиталом, если не может их купить. А хозяева и менеджеры попадают под суд в случае невозможности выкупить предъявленные акции.

Один акционер не может иметь более одного процента акций акционерного капитала. И не может быть акционером более трех организаций.

За акциями функция перелива капиталов сохраняется в очень ограниченном объеме — раз в год государство проводит **Ярмарки**, на которых акционерные общества могут продавать свободные (оставшиеся без владельцев) акции в размере для каждого покупателя не более одного процента всего капитала.

Придется расстаться и с иллюзией «народного капитализма», основанного на распределении акций среди всех работников. Особенно наглядно утопичность этих иллюзий проявилась у нас, в России. Искренние идеи Святослава Николаевича Федорова о том, что именно акции осчастливят граждан бывшего социализма, остались мечтами. Нигде в новой России акционерные предприятия не стали формой участия населения в реальном предпринимательстве. Пора и тут делать выводы.

Огосударствление финансового сектора. Решающей частью финансового сектора экономики становятся **государственные финансовые учреждения.**

Это Государственный Банк и его специализированные Банки. Среди них — и те, которые оперируют с Обществами взаимного кредита и со Сберегательными Кассами. И те, которые проводят Ярмарки акций.

В системе Государственного Банка — Банк кредитования реального сектора экономики. Госбанк не имеет права кредитовать ни Сберкассы, ни Общества взаимного кредитования. В сети Госбанка также Банк долго-

срочных инвестиций, Банк инвестиций в жилищную отрасль и Банк венчурного (рискового) капитала — прежде всего для модернизации. Особый Банк в сети Госбанка — тот, который оперирует с предприятиями государственного сектора — Госпромбанк. Понадобится и Государственный Земельный банк.

Государственные банки не должны ставить задачей получение прибыли. Получаемый ими процент должен быть минимальным — только чтобы возмещать их затраты. Главная задача Госбанков — содействие развитию экономики. Кредиты Госбанка должны быть дешевыми. Уместно напомнить, что исламская идеология и исламские банки вообще отвергают процент.

Госбанк должен быть публичной, открытой организацией. Всякого рода кормушки для чиновников (из банков и из других государственных структур) должны быть полностью искоренены.

Если у граждан есть деньги, «не вмещающиеся» при принятых правилах в Сберкассy, — пусть вкладывают их в Государственный Банк. То же — для «невмещающихся» средств частного бизнеса.

При таких условиях в основном **не сможет существовать слой рантье** — тех, кто живет только тем, что имеет денежные вклады. Более или менее весомые доходы могут иметь только те, кто инвестирует их в реальный сектор экономики: прямо или через покупку акций. При таких условиях большие деньги надо будет хранить в госбанках. Украденное или полученное в виде взятки

туда не поместить. Для таких денег остается вариант чехмодана Корейко и камеры хранения.

4. А дальше?

Возникает законный вопрос: зачем такое нагромождение разного рода правил и ограничений? Хорошо известно, как наблюдающие за их соблюдением чиновники превращают их в кормушки.

Но все дело в том, что необходимо, ликвидируя финансовый капитал, сохранить финансовую систему, необходимую малому и среднему бизнесу. Необходимо, отбрасывая монополизм, сохранить и частный сектор, и свободную конкуренцию. Говоря обобщенно, необходимо сохранить и укрепить основу постиндустриального строя — сочетание свободного рынка, конкуренции и государственного, централизованного регулирования. Разрушая финансовую олигархию, надо сохранить после национализации в системе государственных финансов и опыт, и, частично, механизм сложного регулирования. Создавая после национализации постиндустриальную государственную банковскую систему, надо создавать защитные механизмы от выявленных в советской системе болезней государственного бюрократизма. **Сложность и противоречивость задач реального захвата Уолл-стрит рождает сложность предлагаемых мер.**

Предположим, что нам удалось «захватить» Уолл-стрит. Захватить не путем разрушения, не путем возврата к государственно-бюрократическому социалистическому тоталитаризму и всеобщему командному

распорядительству, а путем создания более высокой, более организованной системы, включающей рыночную финансовую часть для малого и среднего бизнеса и государственную часть для общенациональных финансовых нужд. Что потом?

Думая о будущем, надо четко представлять **будущие усилия** тех, кто сейчас захватывает Уолл-стрит — по терминологии китайской культурной революции — цзаофаней.

Если, как порой считают, я обладаю даром предвидения, то рискну предсказать, что следующим за финансовым капиталом объектом полного разгрома станет тот гнойник, в который превратилось (за редким исключением) **телевидение**.

Люди устали чувствовать себя идиотами, которых канал «Россия 24» заваливает с утра до вечера таблицами курсов акций, курсов валют, цен на нефть и газ. Люди знают, что именно они все создают и строят, а хозяева банков и бирж обрушивают на них рост цен, безработицу, инфляцию, обесценивание и их заработков, и их накоплений.

И главное — телевидение стало основным инструментом создания массовых, отупевших «масс» путем системного оболванивания, деинтеллектуализации, дебилизации. Тупые мещанские шоу. Копание в грязном нижнем белье якобы «известных» лиц. Похожий на покупку скота выбор невест и женихов. Набившие руку на обжаривании мяса ведущие переходят на обработку человеческих голов. Якобы интеллектуалы имитируют

якобы научные дебаты. Якобы экономисты обсуждают финансы, чтобы вбить народу в голову, что это — «не его ума дело».

В Китае дальновидные лидеры решили начать новую «культурную революцию» против всякого рода «Полей чудес», «Пусть говорят», «Давай поженимся», «Судов истории» и т. п.

Сокрушительный поход хунвейбинов на социалистический партийный и государственный аппарат Китая стал одной из основ экономического чуда китайских реформ. Другой основой этого чуда стала усеянная трупами площадь Тяньаньминь, ставшая преградой для всякого рода либерально-левацких шоковых терапий. Есть все основания ожидать, что разгром китайского телевидения позволит Китаю дать миру пример теперь уже «социального чуда».

Но если поход «сверху» быстро не сработает, то начнется — как в финансах — революция «снизу» — движение «**Займи телецентр**». И состоится Суд Истории, на котором телевидение будет — говоря терминами Нюрнбергского процесса — объявлено «преступной организацией». И — не исключено — уже по опыту китайской культурной революции — состоится Последнее Великое телешоу, на котором все руководители и все ведущие деятели телепрограмм будут стоять на коленях в позорных колпаках и с покаянными табличками на шее. А потом как «растлители народных масс» на годы отправятся строить объекты для загубленной их телевидением настоящей культуры.

Далее можно предположить, что основной проблемой преобразований станет **опасность бюрократического огосударствления**. В руки чиновников перейдет огромная часть того, чем сегодня заняты банки — монополии и их хозяева-олигархи. Но сегодня — как показывает опыт и России, и более развитых стран — нет гарантий от двух главных болезней государственного: **недостаточной заинтересованности** бюрократии в более эффективной, но требующей напряжений и риска работе и **коррупции** — забота бюрократии о собственной части доходов.

Значит, надо уже сегодня готовить все механизмы противодействия. Публичность, гласность, открытость, контроль масс, контроль четвертой власти (средств массовой информации), усиление независимости третьей (судебной) власти.

Далее, надо создавать механизмы заинтересованности бюрократов в эффективных решениях. Вспоминаю, что за саму мысль об участии чиновников в получаемом эффекте меня до сих пор поносят тупые ревнители утопичного и невозможного чиновничьего бескорыстия. «Участие» заклеями и получили расцветающую коррупцию.

Само огосударствление все больше должно принимать форму власти **всего** государства, а не его ветвей в виде представительной или исполнительной властей.

На место государства все чаще должны приходиться институты **гражданского общества**. В долгосрочных и венчурных инвестициях особенно необходима их неза-

висимость от «сезонности» избранных властей. Уместно напомнить, что еще Ф. Рузвельт, создавая первую в США государственную корпорацию по освоению долины реки Теннесси, заранее обеспечил независимость руководства корпорации и от конгресса, и от себя самого.

Вслед за банковской сферой должна начаться **борьба с другими монополиями**: и в экономике, и в науке, и в образовании, и в культуре, и в спорте.

Вслед за мерами в масштабе своей страны придут меры в **масштабе всей планеты**. О таких мерах по глобализации финансов планеты и созданию Единого Мирового Центрального Банка очень справедливо недавно говорил Папа Римский Бенедикт XVI: «Ватикан предлагает немедленно начать реформу мировой финансовой системы и учредить единый центральный банк... Он возьмет на себя функции по контролю за валютным рынком и кредитной политикой национальных финансовых организаций». О Мировых Деньгах не раз говорил президент Казахстана Н. Назарбаев.

Вслед за интернационализацией в банковской сфере необходимы меры **по интернационализации природных ресурсов**. А в перспективе — передача общемировым структурам контроля и за сырьевыми ресурсами, и за охраной климата, всей окружающей среды, генофонда человечества, его культурного наследия. Для этого в мире должны создаваться и усиливаться мировые полугосударственные и негосударственные социальные институты. Все то, что можно называть **мировым гражданским сообществом**.

5. Из дискуссии с оппонентами

(по материалам беседы Г.Х. Попова с главным редактором газеты «Московский Комсомолец» П.Н. Гусевым)

В кругах интеллигенции, озабоченной проблемами народа и страны, идет острая дискуссия о движении «Захвати Уолл-стрит». Множество взглядов я объединил в несколько позиций. Я назвал эти позиции Оппонентами, хотя речь не идет о ком-то одном и конкретном.

Оппонент первый. **Опять хотят захватить и поделить.** *Опять передел... Лишь бы не вкальвать. Лишь бы халява. Опять социальное иждивенчество...*

— Что можно сказать? К движению «Захвати Уолл-стрит» сейчас действительно бросились всякого рода политики-неудачники, политики-аутсайдеры. Они пытаются «натянуть» на него свои старые подходы и взгляды. Среди «примкнувших» есть и всегда присутствующие в обществе сторонники переделов. За лозунгом «Переделить!» стоит зависть к «успевшим» раньше к дележу и «ухватившим кусок не по чину». Порой стоит и глубокая ненависть к «неравенству», как «несправедливости».

Разношерстные направления имеют общую идею: обойтись переделом. Но и под флагами движения «Захвати Уолл-стрит» «передельщики» ничего нового, ничего конструктивного не несут.

Но основная часть нового движения — люди состоявшиеся, люди, готовые работать и рассчитывающие

своим трудом решать свои проблемы. Никаких материалов, позволяющих считать движение «Захвати Уолл-стрит» походом за деньгами, за богатством, за собственностью, нет.

Да, в предыдущих заметках я сам писал и о демонополизации, и о национализации.

Но разве в той же Великобритании, национализировавшей в свое время угольную отрасль, кто-то, кроме некоторых владельцев шахт, считал эту национализацию грабежом? Разве переход чего-то в руки всей нации, всего государства — это грабеж? Разве в США, которые годами проводили антитрестовскую кампанию, кто-то, кроме обиженных среди монополистов, говорил о грабеже?

Почему же у части российских верхов появляется трактовка движения «Захвати Уолл-стрит» как «нового передела»? Вполне естественно. Ведь значительная часть нашей номенклатурно-олигархической верхушки состоит из захватчиков. Они захватывали и делили советскую собственность — сначала по ваучерам, а затем на залоговых аукционах. Они отбирали ее рейдерскими набегами. Они прославились походом на ЮКОС. А сейчас, после выборов, с приходом во власть новых, молодых, голодных и голых, неизбежен передел не только власти, но и новый тур того, что Юрий Лужков называет «распилем собственности». Естественно, что номенклатурно-олигархические хозяева России иной трактовки «Захвати» даже помыслить не могут. А ведь даже название движения по-английски звучит «Окку-

пируй». Оккупация — это захват, но особого типа. Достаточно посмотреть международное законодательство.

Так что трактовки наших организаторов и участников захвата ЮКОСА вряд ли встретят понимание на Западе даже среди самых ярких сторонников движения «Захвати Уолл-стрит».

Второй оппонент. *Это движение будет чем-то вроде «хиппи». Таким же неопределенным, разношерстным, разноплановым, способным только на массовые походы «против», без всяких «за». К тому же тогда оно было во многом ситуационным — реакция на войну во Вьетнаме и перспективу ядерной катастрофы, ставшую реальной во время кубинского кризиса. Радикальные идеи борьбы с массовой культурой, с «человеком одного измерения», с обществом потребления, так и не выкристаллизировались во что-то прочное. Хотя и оказали мощное воздействие «со стороны» на все развитие цивилизации.*

— Что можно сказать? Да, между движениями «Хиппи» и «Захвати Уолл-стрит» есть много общего. И стихийность. И неожиданность. И массовость. И родина у них одна — самая развитая страна мира.

Но несомненны и принципиальные различия. Новое движение борется не вообще со всем окружающим миром, а только с наиболее неприемлемой его частью. Оно видит главного врага — финансовый капитал. И поэтому оно не пассивное. Оно наступательное. При этом оно реалистично: отвергает не весь мир, а одну из его частей. Оно ни революционно-разрушительное, ни

умеренно-реформаторское. Оно — **модернизаторское**. Поэтому у него будет другая судьба, чем у «Хиппи».

Третий оппонент. Движение «Захваты Уолл-стрит» вскоре затихнет само собой.

— Такая перспектива не исключена. Ведь в движении очень много тех, кто пять лет назад поверил в то, что Б. Обама, избранный президентом, станет для США тем, чем стал в тридцатые годы Франклин Рузвельт. Человеком, который откроет перед США (и миром) новые горизонты. Автором «Нового Курса». Реализует тот великий шанс, который дало человечеству окончание холодной войны. Сделает США инициатором мировой интеграции, преодолевающей все пороки нынешней глобализации.

Надежда на Новый Курс сплотила в США очень разные слои — от Эдварда Кеннеди до жителей кварталов черных и латинос. Но Обама не смог стать для США и мира новым Рузвельтом. Все закончилось перспективой нового потока отпечатываемых в изобилии долларов и новым туром войн в Азии и Африке. И усилением у многих стран желания иметь свое ядерное оружие. Прикрываясь планами улучшить уровень жизни менее обеспеченных граждан США, Обама сохранил то, чем уже десятилетия является финансовая империя США — мировым вариантом пирамиды Мавроди, в котором за счет остального мира «кормятся» верхние этажи, прежде всего в самих США. Попытку завистливых европейских финансовых и политических лидеров создать свою пирамиду в виде евро США вроде бы отбивают.

В нынешнем движении «Захвати Уолл-стрит» значительную роль сыграли те, кто разочаровался в надеждах на Б. Обаму. В том числе дальновидные миллиардеры («один процент» общества), которые готовы сами «платить любые налоги» — лишь бы выйти из того финансового мира, от которых уже ничего не ждут, кроме новых бед.

Тем более что номенклатурно-олигархическая власть, «оклемавшаяся» от неожиданности и осознавшая исключительную опасность движения «Захвати Уолл-Стрит», начала в разных странах согласованное, необоснованно свирепое уничтожение палаточных городков движения с их совершенно мирными обитателями. Такая ярость бывает только в тех случаях, когда возникает реальная опасность «самому святому» — большим деньгам.

При такой природе нынешнего движения «Захвати Уолл-стрит» и при таком масштабе отпора ему перспектива его «умирания» реальна. Все это для меня ясно. Но, с другой стороны, мне ясно и то, что **угасание нынешнего движения «Захвати Уолл-стрит» не будет концом генеральной перспективы** модернизации современно-го постиндустриального общества на основе изгнания финансового капитала, на основе усиления и государственных начал, и начал реального конкурентного рынка малого и среднего бизнеса.

Поэтому, если даже это движение будет только эпизодом, только очередной «вязанкой дров» в костер антибюрократических революций XXI века (по терминологии Тоффлера), дело всех подлинных интеллигентов,

всех честных людей — защищать и поддерживать это движение.

Четвертый оппонент. *Все общенациональное в финансах вы предлагаете передать уже занятому этим государству. Саму по себе необходимость на уровне страны и даже более высоком — континент, планета в целом — регулировать и переливы ресурсов, и кредиты, и проценты за их использование вы не отрицаете. Но ведь это все уже делается! Чем заняты собирающиеся чуть ли не ежемесячно лидеры того же Европейского сообщества? Именно этим. Так, может, лучше не устраивать коренных перемен и ограничиться усилением демократического контроля за всем тем, что уже делается? Свести «захват» к «контролю»?*

— Вы правы в том, что я хорошо понимаю необходимость механизма централизованного финансового регулирования экономики в XXI веке.

Но, во-первых, нынешнее партнерство финансовой олигархии (устойчивой и лично богатой) с лидерами государства (избираемыми на 4–5 лет, опирающимися зачастую на очень шаткое соотношение сил в своих парламентах, лично редко состоятельных) не может не заканчиваться (за исключением частных побед) устойчивым контролем над государством и его руководителями со стороны олигархов.

Во-вторых, сложившийся «тандем» государственных лидеров и олигархов характерен тем, что параллельно государственному у финансового капитала существует свой огромный аппарат. Этот аппарат не просто занят

финансовым регулированием. Он при этом обеспечивает себе доходы на уровне, в десятки раз превышающем доходы бизнеса в реальной экономике. Финансовый капитал, далее, склонен — в силу своей независимости и бесконтрольности — к махинациям, в том числе и опасным для общества.

И наконец, он активно и масштабно «стимулирует» бюрократию, особенно ее номенклатуру и прежде всего лидеров. Именно финансовый капитал — главная база коррупции. Без свободных и очень больших денег, без тайных «сейфов» в частных банках готовность чиновников продаваться осталась бы их маниловскими мечтаниями.

Финансовый капитал занят сегодня — и тут вы правы — в том числе и нужными делами. Но в целом это ненужный обществу нарост, опасный для него паразит. Освобождение от него — такая же насущная потребность развития человечества, какой когда-то была отмена рабства в США или крепостничества в России.

Оппонент пятый. Ваши конкретные меры вызывают и сомнения, и возражения. Можно согласиться с Вашей общей оценкой движения и с выводами о двух комплексах мер — по демонополизации и по национализации. Но Ваши предложения...

— Да я и не претендую на то, чтобы мои соображения стали программой. Конкретных мер можно предложить много, например в духе принятого в этом году закона «О кредитных кооперативах». Я не финансист и не настаиваю на своих предложениях. К тому же я уве-

рен, что при действительно радикальных, революционных мерах по модернизации никаких теоретических выкладок недостаточно. Только практические действия, реальный опыт выявят то, что станет базой новой системы. Я уверен в идеях. А остальное — надо обсуждать. И главное — делать.

Оппонент шестой. *Появится еще более независимый мир бюрократии. И эта бюрократия, и ее лидеры будут также безразличны к общественным проблемам, как было при советском социализме. Более того, теперь они научились маневрировать выборами, депутатами, партиями, судами, прессой. Воевать с такой властью будет труднее и опаснее, чем с миром богатства.*

— Такая перспектива в ходе устранения финансового капитала не исключена. Поэтому меры по вытеснению финансового капитала обязательно должны согласовываться с мерами по обузданию бюрократии. Надо иметь целую систему «предохранителей».

Оппонент седьмой. *Надо начинать не с атаки на финансовый капитал. А с мер по модернизации других элементов постиндустриального общества. С избирательной системы. С судебной системы. С системы средств информации.*

— Вы правы, что необходима модернизация всего нынешнего варианта постиндустриального общества. Но вот с чего начать — это решать не нам. Это решат массы.

И если народ самой развитой страны постиндустриального мира на первое место поставил (кстати,

после провала эксперимента в политической области с Б. Обамой) меры в области финансового капитала — то надо принять это как реальность, поддержать массы на избранном ими направлении первого стратегического удара.

Восьмой оппонент. *Захват Уолл-стрит — это советский социализм. Идея национализации коммерческого звена финансовой системы — это возврат к советскому социализму. С его финишем: тупиками и кризисами, угасанием интеллекта лидеров.*

— Да, национализацию можно считать социалистическим шагом. Но социализм — это не только ленинско-сталинский, советский. И предлагать что-то социалистическое — не значит возвращаться к советскому. Ведь социалистические идеи предлагаются только для части экономики — командного звена финансового сектора. А рядом сохраняются независимые от государства частные финансы: Сберкассы, Общества взаимного кредита. Они — по моим подсчетам — охватят не менее 50 процентов экономики. Эта часть будет жить по законам свободного рынка и конкуренции.

Ну, а если говорить «в принципе», то я убежден, что крах советского и других вариантов государственно-бюрократического социализма означает только утопичность всеобщего огосударствления. Это не отрицает того, что человечество будет развиваться, условно говоря, на основе принятого в современной физике «принципа Бора» — на сочетании общего, коллективного, социального, социалистического и индивидуального,

свободного, персонального, личностного. И после «захвата Уолл-стрит» возникнет не ленинско-сталинский социализм, а новый этап постиндустриализма.

Девятый оппонент. Это — неогитлеризм. *Захват Уолл-стрит может стать не неосталинизмом, а неогитлеризмом. Все окрасится в антисемитские, антиеврейские тона в духе гитлеровского похода на еврейскую плутократию. И вместо вспышки зарницы рассвета на планету обрушится мрак нового фашистского социализма.*

— Мировой финансовый капитал многонационален. И попытки представить его еврейским означают только одно: попытку олигархов-неевреев спасти себя и свои капиталы. Антиеврейское «оформление» захвата Уолл-стрит отвечает интересам этих олигархов, и это самый верный способ загубить действительно нужные цивилизации перемены.

Десятый оппонент. Упрятанные сверхкапиталы станут раковой опухолью новой системы. *Вы правильно предвидите, что в новой системе останется мало мест, где можно прятать сверхкапиталы, — не бегать же как Корейко по камерам хранения с чемоданом, полным миллионов. И попытки уберечь капиталы создадут в новом организме очаги раковой опухоли, которые его погубят. По опыту СССР хорошо известно, к чему ведут теневые капиталы.*

— Действительно, если «в тени» окажутся огромные денежные суммы — они будут отравлять и новую систему.

Среди замечательных идей «Туманности Андромеды» такого выдающегося мыслителя, как Иван Ефремов, есть и предположение, что будущее общество специально создаст «заповедник», в котором смогут жить те, кто не может или не хочет принять условия общей жизни. У Ефремова на планете выделен «Остров Забвений», куда могут перебраться все, кого не устраивает окружающая его цивилизация.

Думаю, что и для капиталов, не желающих вливаться в антимонопольный мир будущего, можно выделить своего рода «заповедники». Когда-то по общей неформальной договоренности им была Швейцария. Но ни ее горы, ни ее власти, ни ее гражданство теперь уже никого не могут укрыть. Так что, возможно, надо — с согласия их населения — сделать «островом забвения» для капиталов то ли Новую Зеландию, то ли Тайвань, то ли Мадагаскар, то ли Огненную Землю. Устраивать всемирную травлю инакомыслящих — это повторять тупиковые варианты прошлого. Пусть уезжают в «забвение» и живут, как Скупой рыцарь Пушкина, возле своих сундуков...

Одиннадцатый оппонент. В результате ликвидации финансового капитала сократится база демократии. Демократия в современном постиндустриальном обществе и сейчас очень ослаблена. С уходом финансового капитала лишаются базы и крупные независимые средства информации и целые оппозиционные партии.

— Да, без финансовых олигархов не выживут не только многие спортивные клубы, но и целые партии, телеканалы и газеты.

Но, с другой стороны, ни эти партии, ни эти телеканалы подлинно демократическими не являются. Это, действительно, оппозиция. Но оппозиция внутриолигархическая и внутриноменклатурно-клановая. Конечно, и такая оппозиция лучше, чем никакая.

А вот появление действительно массового независимого малого и среднего бизнеса **перекрывает** все опасные перспективы многократно.

Далее, «вырезание» в государстве ставленников олигархов и прямых их партнеров по миллиардному бизнесу настолько изменит характер государства, что даже «оснащенное» мощным банковским сектором новое государство будет гораздо ближе к подлинной демократии, чем нынешняя управляемая демократия.

Двенадцатый оппонент. Это все не для России. Мир — во всяком случае его развитые страны, — возможно, и готов к тому, что Вы называете «Захвати Уолл-стрит». А Россия явно нет. В итоге действительно великих революций — и после 1917-го, и после 1991-го — русская нация оказывалась отброшенной назад. Невольно приходит на ум высказанная Н.А. Некрасовым печальная идея о будущем нашего народа:

...Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

В конце концов, в этом «уходе в вечность» нет ничего особенного — где великие Афины и Рим, империи Чингисхана или Британская?

— Все это я уже слышал. Двадцать с лишним лет назад — когда народ поднялся против госсocialизма. Мы пошли с народом. Но свой долг, долг интеллигенции, долг элиты нации не выполнили. Не дали народу ни программу, ни организацию — партию. Итог: как Ленин в 1917 году «оседлал» крестьянскую революцию и навязал России свой бюрократический социализм, так и Ельцин в 1992 году «оседлал» антисоветское народное движение и навязал свой номенклатурно-олигархический вариант постиндустриализма.

Конечно, сейчас наш народ деморализован и дезорганизован. Уже не государственным социализмом, а двумя десятилетиями номенклатурно-олигархического командования в экономике, в культуре, в системе средств информации.

Но я вижу и другое. Как растет в массе простых людей России ненависть ко всей системе жизни.

Вот почему я думаю, что идеи «Захвати Уолл-стрит» не окажутся в России чем-то чуждым.

Тринадцатый оппонент. *Наша интеллигенция не готова. Народ, скорее всего, уже дозрел. Или дозревает — уж очень стараются и наши власти, и наши олигархи. А вот мы, интеллигенция, не готовы.*

— Мы не готовы, это верно. Но ведь и во всем мире интеллигенция оказалась не готова к «захвату» Уолл-стрит. Ну и что? Сидеть, когда наиболее активная часть народа уже на улицах?

Это у народа есть право выбора — борьба за сохранение себя или смириться с перспективой «навекі духов-

но почитать». А у меня выбора нет. У меня — всего один вариант. Я, как интеллигент, всегда должен оставаться со своим народом. И когда за меня голосует половина избирателей Москвы (всех, а не только явившихся на выборы). И когда мои предвыборные портреты на улицах Москвы заливают чернилами, а милиция по советам из мэрии и при безразличии москвичей «ничего не видит». И меня мало утешает, что раз мои РДДР или социал-демократы не получили даже минимума голосов, то я могу отбивать все просьбы москвичей доводом: а за кого вы голосовали?

Поэтому я и сейчас обязан — даже при минимуме шансов «за» — доводить до народа выводы, к которым пришел сам. В конце казавшегося тупиком тоннеля появился просвет. Какая-то **надежда**. И я говорю: нам надо идти путем, на который вступает лучшая часть народных масс развитых стран. Лучшая часть интеллигенции. Дальновидная часть бизнеса.

Захвати Уолл-стрит и спаси в XXI веке и себя, и детей, и народ, и Россию, и человечество.

Все великие народные революции всегда сопровождаются появлением уже на их старте нескольких абсолютно понятных и абсолютно близких каждому человеку лозунгов. В 1917 году такими были: «Земля — крестьянам!», «Власть — Советам!», «Мир — народам!». В 1990 году — «Убрать статью 6 Конституции. Ликвидировать монополизм КПСС на власть». Значение движе-

ния «Захватить Уолл-стрит» в числе прочего и в том, что его главные лозунги близки и понятны каждому:

- ликвидировать банки;
- ликвидировать биржи;
- гражданам — Сберкассы;
- малому и среднему бизнесу — Общества Взаимного Кредита;
- стране — Государственные неприбыльные Банки;
- планете — Всемирный Банк и Мировые Деньги.

Китайский национализм и китайские реформы

*Статья опубликована в газете «Московский
Комсомолец» от 01.09.2015 № 188 (26900).*

1. Национализм и постиндустриальное общество

Период конца XX и начала XXI века — это время перехода человечества к постиндустриальному строю.

Этот строй преодолевает многие недостатки как капитализма, так и государственного социализма, осваивая многие позитивные достижения и того и другого. Поэтому он оказался наиболее приемлем для современного этапа развития цивилизации.

Но переход к постиндустриальному обществу, необходимый, неизбежный, неотвратимый, столкнулся с серьезными проблемами.

Оказались существенными различия трех главных групп переходящих к постиндустриализму стран: развитых стран бывшего капитализма, бывших стран государственно-бюрократического социализма и стран развивающихся, бывших колоний и полуколоний.

И, наконец, потенциальный лидер нового строя — США, оказался или недостаточно готов к лидерству или вообще неправильно понял его как командование миром.

Поиск выходов из возникших трудностей и противоречий привел — в качестве одного из результатов — к возрождению национализма.

Национализм переполнен опасностями. Николай Бердяев среди форм тирании общества над человеком первым называл национализм (тиранию нации) и уж затем — этатизм (тиранию государства) и тиранию рынка.

Национализм, возвеличивая свою нацию и упиваясь ее чертами, часто ведет к снижению ее интеллектуального потенциала. Национализм, как минимум, скатывается к идеализации своей нации и неизбежному ее отставанию. А по максимуму национализм, когда он доходит до унижения других наций, объявляет их неполноценными, ведет к конфликтам и войнам.

И если, несмотря на все эти очевидные опасности, национализм в XXI веке возродился, то для этого были серьезные основания.

Казалось бы, национализм противоречит базисным характеристикам постиндустриализма: свобода рынка, свобода миграции работников, либерализм, популистская демократия, интернационализация и глобализация.

Но у национализма оказались серьезные резервы именно в свете трудных проблем постиндустриального мира. Для эпохи постиндустриальных реформ оказались важными и «работающими» такие черты национализма, как упор на пусть ограниченные пределами своей нации, но все же общие интересы и начала, а не только на индивидуализм.

Именно национализм, с его вниманием к вечным ценностям национальной культуры, стал главным бор-

цом с примитивными стандартами массовой потребительской культуры.

Такие проблемы, как экология, социальная защита граждан, забота о долгосрочных проектах, обуздание алчности и коррупции бюрократов и олигархов и многие другие оказались во многих случаях более «доступными» «национальному подходу», чем самому демократическому либеральному индивидуализму.

Национализм оказался более способен и к противостоянию, ограниченному, тупому, однополярному глобализму.

Человек постиндустриализма, освобожденный от диктата государства и монополий, от идеологических догм и шор, пытается — вполне логично — опираться на себя, на свою семью. Но он ощущает недостаточность этих опор. И пытается искать новых союзников. Естественно, что его внимание обращается в первую очередь на такой «якорь», как люди общего с ним языка, общей культуры, общих традиций, общей исторической судьбы. Все это достаточно представлено именно национализмом.

Очень важно, что нередко национализм облегчает движение развивающихся стран к постиндустриализму. Например, именно подчеркивание идеалов скромной мусульманской жизни с ее ограничениями позволяет существенно увеличить фонд накопления для экономического роста.

Напрашивается важный вывод о том, что — как это ни печально звучит для иных либералов и демократов, искренних сторонников реформ — по крайней мере вся первая половина, а то и весь XXI век — до выравнивания

уровня жизни третьего мира — будет периодом, когда национализм останется одним из **главных факторов развития человеческой цивилизации**.

Именно национализм сыграл определяющую роль в распаде СССР, Югославии и Чехословакии.

В конфликтах в Грузии, на Украине, на Северном Кавказе.

В развитии событий в арабском мире или в Африке.

Поэтому анализ современного национализма исключительно актуален.

Национализм под флагом «социализм с китайской спецификой» стал одним из факторов потрясающего мир экономического рывка Китая. Поэтому так интересна та дискуссия, которая идет в Китае вокруг проблем национального. В частности, заслуживает внимания книга Бен Чу «Мифы о Китае». Книга издана небольшим (две тысячи экземпляров) тиражом, и я в своих заметках хотел бы привлечь внимание к ряду важных аспектов этой книги.

2. Китайский национализм

История китайского государства неразрывно связана с национализмом.

Первая черта китайского национализма — его *державность*. Не идеология, не язык, а именно государственность — хребет китайского национализма.

Вторая его фундаментальная черта — *великодержавность*.

Третьей фундаментальной чертой китайского национализма является опора на *культуру*. Великую и многовековую.

Эти три фундаментальные черты определяют еще одну характеристику китайского национализма — чувство *превосходства*, уверенности в том, что все китайское — лучшее.

Важная характеристика китайского национализма — ориентировка на *долгосрочные* решения. Бертран Рассел писал: «Китай мыслит в пределах не десятилетий, а веков...» Долгосрочный тип мышления определяет такие характеристики китайского национализма, как *уважение к традициям*. К проверенным десятилетиями и веками опыта нормам и правилам.

Сильной стороной китайского национализма является *расовое единство* большинства населения, его этническая и биологическая общность. Конечно, в Китае есть сотни народов и народностей, но на 1200 миллионов китайцев приходится всего 100 миллионов некитайцев — меньше 10 процентов.

И еще одно — уверенность в *неисчерпаемости человеческих ресурсов страны*. Говоря о нынешней численности населения, надо иметь в виду, что Китай исключительно жестко ограничивает рождаемость: семья по закону имеет право на одного ребенка. В 1979 году был принят и закон об обязательном ультразвуковом обследовании беременных женщин с целью выявить и предотвратить появление детей с отклонениями. За 35 лет китайская нация стала исключительно *здоровой*. Достаточно вспомнить, как успешна

китайская молодежь везде — от спорта до хакерских атак на американские сайты.

Важной чертой китайского национализма является *религиозная терпимость*. Помимо китайцев-буддистов и китайцев-конфуцианцев в Китае живут 100 миллионов христиан и 20 миллионов мусульман. Интересно, что вождь грандиозного восстания тайпинов в XIX веке Хун и лидер национального возрождения в конце XIX — начале XX века Сунь Ятсен были христианами.

Важной чертой китайского национализма является *многовековая элита*, формирующаяся и обновляющаяся не по критериям сословий, собственности или военных успехов, а на основе так называемой системы конкурсных экзаменов — «гао као».

Систему экзаменов связывают с живущим в V веке до нашей эры Конфуцием, но полномасштабно она утвердилась в Китае с VII века нашей эры. Несмотря на то что она никогда не была честной, она давала шансы и на вступление в ряды правящего класса, и на продвижение по иерархической лестнице достаточно способным и тем более одаренным людям.

Характерной чертой китайской элиты веками являлась особая роль *бюрократии*. В мощных государственных системах именно бюрократия становится главной силой. Тем более бюрократия, отбирающая на конкурсной основе в свои ряды лучших людей нации и обеспечивающая им продвижение по иерархической лестнице.

Характерно, что в китайской бюрократии веками особую роль играли не только способные и образованные

люди, но и евнухи. Это были кастрированные мужчины, не имевшие ни жены, ни семьи, ни детей и, соответственно, не обремененные заботой о потомстве, ориентированные только на успех государства. Евнухом был, например, мусульманин Чжен Чэ, адмирал, возглавивший в 1421 году легендарную экспедицию в 300 огромных кораблей с корпусом в 28 тысяч человек на них «в западные океаны» и открывший для Китая Индию, Аравию, Африку и, возможно, даже Америку.

Важной чертой китайского национализма является многомиллионная, разбросанная по всему миру, *китайская диаспора*, устойчиво сохраняющая свою китайскую идентичность.

Очень важной чертой китайского национализма является не просто исключительное трудолюбие, но и привычка к *повседневному* труду в течение каждого дня года, воспитанная круглогодичным китайским земледелием.

Некоторые черты китайской культуры оказались очень существенными для эпохи научно-технической революции. Многовековая культура риса характерна заботой о *каждом отдельном* растении. Культура *сложных иероглифов* ориентирует на исключительное внимание к каждой детали, каждой завитушке. Все это оказалось существенным для работы с транзисторами и в мире нанотехнологий. Культ традиций, дисциплины и иерархии оказался созвучным гигантским административным системам современного мира — будь то аппарат государства, партий, бизнеса или даже самой науки.

Китайский национализм имеет не только сильные, но и слабые стороны.

Прежде всего, отмечают отсутствие, несмотря на расовое единство, китайской нации как *цельного народа*. Китайцы говорят на разных языках и часто не понимают устной речи друг друга. Единство нации создано великим изобретением — единой письменностью. Но даже в 2007 году только 50 процентов китайцев владели общим языком (66 процентов в городах и 45 процентов в селах).

Слабостью китайского национализма является и его жесткая связь с многовековыми *традициями и обычаями*. Со второй половины XIX века национализм Китая стал все больше ассоциироваться с отставанием страны и стал своего рода символом этого отставания. Поэтому борьба за преодоление отставания обычно начиналась с борьбы с национальными традициями. Для многих лучших людей Китая преодоление отставания представлялось преодолением национальных традиций и ограничений.

Слабостью китайского национализма стал фундаментальный конфликт между двумя главенствующими *идеологиями* Китая — конфуцианством и буддизмом. Конфуцианство, например, на первое место ставит семью, почитание родителей и предков. А буддизм тяготеет к освобождению человека от семейных уз. Буддизм ориентирует человека на созерцание, внутреннее самосовершенствование, а конфуцианство — на активную деятельность. По Конфуцию созерцание, не подкрепленное приобретением знаний, бесполезно.

В свете сказанного становится ясно, что китайский национализм — исходная, фундаментальная характеристика этой великой страны.

3. Реформы и национализм

В XX веке главной проблемой Китая стало спасение, сохранение Китая. Анализ приводил к выводу, что для этого **необходимо сохранение Китая в качестве великой мировой державы.**

Именно это и стало генеральной целью, сверхзадачей Мао Цзэдуна. Мао сохранил и государственный подход китайского национализма, и его великодержавную ориентацию. Но Мао считал, что для решения этих генеральных национальных задач необходимо отказаться от традиционного китайского национализма. Он писал: «Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Идти по пути русских — таков был вывод». Китаю нужен «Большой Скачок» — скачок в современную цивилизацию. Мао, по его признанию, «ненавидел» Конфуция с восьмилетнего возраста и считал, что «борьба между старой и новой культурой должна вестись не на жизнь, а на смерть».

Мао организовал погромную «культурную революцию» против «четырех старых»: старых идей, старой культуры, старых обычаев и старых привычек. «Культурная революция» осуществила гигантскую чистку и в умах, и в рядах элиты китайского народа от вековых наследственных болезней прошлого: приверженности к традициям, к ритуалам, почитания иерархии постов и т. д. Она создала

поле для модернизации. Но созидательной силой реформ она не стала. Путь следования западным моделям (а марксизм-ленинизм был одной из западных моделей) завел Мао в тупик.

Учитывая итоги правления Мао, великий Дэн Сяопин и сплотившееся вокруг него большинство китайской коммунистической бюрократии сделали вывод, что надо не бороться с китайским национализмом, а научиться **использовать его для модернизации**.

Так появился знаменитый китайский подход — *«социализм с китайской спецификой»*. «Социализм» остался на словах, главной стала национальная «специфика». На место вакуума, образовавшегося на месте отвергнутой идеологии маоизма, устремился именно национализм.

Происходивший на всей планете переход к постиндустриальному строю Китай осуществляет с опорой на трех «китов»: на державу как главную силу, с использованием всей машины, на кадры коммунистической бюрократии, на выдвижение на первое место не политических, а экономических реформ.

Успехи Китая оказались грандиозными. Особенно на фоне проблем, возникших вследствие курса на монетаризм, свободу рынка, популистскую демократию и в странах Запада, и в странах бывшего социализма в Европе.

Можно говорить о «китайской специфике» как о новом этапе развития китайского национализма. Попробую, опираясь на уже упоминавшуюся книгу Бен Чу «Мифы о Китае», изложить некоторые моменты дискуссии в Китае о новом национализме.

Прежде всего, отмечают исключительную *агрессивность* как черту современного китайского национализма.

В 1999 году по Пекину прокатилась яростная антиамериканская демонстрация, вызванная попаданием американской бомбы в посольство Китая во время бомбардировки США Белграда.

В 2012 году в 85 крупных городах Китая буйные толпы сметали все японское — от фабрик и магазинов до автомобилей. Взрыв насилия был вызван и территориальным спором с Японией о принадлежности нескольких небольших необитаемых островов-скал Дяоюйдао — в Восточно-Китайском море. Новые антияпонские демонстрации вызвал японский школьный учебник, в котором приуменьшались преступления Японии в Китае в период тридцатых — сороковых годов.

Другая черта современного китайского национализма — его *молодость*. Это черты прежде всего молодого поколения «Фэнь цин» — «сердитая молодежь», — которое появилось на свет уже после 1990 года. Оно отличается чрезвычайной чувствительностью к малейшим обидам в отношении Китая.

На современный китайский национализм несомненно влияет *взаимозависимость* Китая и США. Китай экспортирует в США массу товаров. Китай помогает Вашингтону в финансировании дефицита.

Китайские националисты считают, что судьба Китая в будущем все больше зависит не только от него, но и от неподвластных ему факторов. И если изменение климата на планете не взять под контроль, то потепление приведет

к затоплению важных территорий Китая, на которых трудятся сотни миллионов китайских крестьян.

Новый китайский национализм отличается исключительным *динамизмом*. Бен Чу пишет: «Отношение к работе, образу жизни, секс, пищевые привычки — все эволюционирует чрезвычайно быстро. Прошлое желание иметь только сыновей исчезает по мере того, как родители начинают понимать, что в современном мире женщины могут зарабатывать не меньше мужчин».

Я за последние 25 лет не раз бывал в Китае и поражаюсь скорости модернизации. В высокогорных селениях Тибета чуть ли не в каждом дворе — солнечные батареи. Чуть ли не каждый горожанин пользуется персональным телефоном (который в Китае освобожден от всяких технических «накруток» и поэтому доступен всем по цене). А в самых дальних селах пустыни Такла-Макан дети одеты по современной моде США.

И — не менее примечательно — все более усиливаются призывы не только к экономическим, но и к *политическим реформам*. В книге Бен Чу приведены слова одного из блогеров Ли Чэнпэна, который призывает к новому патриотизму, который дополнил бы экономические реформы политическими: «Патриотизм означает сокращение строительства новых роскошных офисов для бюрократов и возведение полезных построек, нужных крестьянам. Патриотизм означает поглощение меньшего количества байцзю (китайской водки) за государственный счет... Патриотизм означает возможность говорить правду».

А историк Юань Вэйши в приложении к государственной ежедневной газете «Китайская молодежь» писал: «Не подлежит сомнению, что мы должны любить Родину. Однако существует два вида любви к Отечеству. Один из них — возбуждение национального угара. В том, как отбираются и преподносятся исторические материалы, прослеживается тенденция обращаться к тем из них, которые говорят в пользу Китая, неважно, являются ли они правдой или выдумкой». Два великих бедствия Китая XX века — «Большой Скачок» и «Культурная Революция» — «преподносятся в школьных учебниках в приглаженном виде, поскольку являются продуктом деятельности компартии».

В конце своей книги Бен Чу пишет: «Модернизация подразумевает национализм. Национализм подразумевает демократию. Расовое единство подразумевает национализм. Национальная разобщенность подразумевает страдания и произвол в управлении государством. Если мы хотим понять Китай, нам необходимо понять роль этих ассоциаций в сознании современных китайцев».

Судя по дискуссии, можно сделать вывод, что в китайской интеллектуальной элите хорошо сознают не только преимущества и возможности, но и все опасности национализма. И в том, что в Китае использование резервов национализма сочетается с критикой его опасностей, — залог будущих успехов Китая.

Из китайской дискуссии о необходимости использовать все позитивное в национализме и бороться с его отрицательными сторонами можно сделать общий вывод. В эпоху постиндустриализма оказались несостоятельными

не только «чистая» экономика (частное, государственное), но и «чистые» идеологии: либеральные, социалистические, национальные, религиозные и т. д. Великий принцип дополнительности Н. Бора, ставший одной из основ современной физической картины мира и распространенный А.Д. Сахаровым в его концепции конвергенции и на пост-индустриальное общество, необходимо использовать и при подходе ко всем проблемам этого общества, в том числе и к национальной.

4. По ком звонит колокол?

В размерах территорий и населения, в судьбах, в менталитете России и Китая много общего.

Как и Китай, Россия возникла и веками выживала благодаря своей державности и особенно великодержавности.

Как и Китай, в XIX веке Россия обнаружила, что отстает и все больше от ведущих стран Европы и США.

Россия, как и Китай, стала искать в опыте Запада ту модель, которая бы помогла ей и выжить, и процветать.

Россия, как и Китай, нашла на Западе марксистский социализм и — не считая ни людских жертв, ни жертв природы — попыталась использовать социалистическую марксистскую матрицу для решения своей главной национальной задачи.

Россия быстро убедилась, что этой матрицы недостаточно, необходимо ввести в эту модель так много нового, что правильнее назвать ее ленинизмом. Так возникла модель советского государственно-бюрократического социализма.

Китай даже раньше, чем СССР, убедился в том, что бюрократический социализм не обеспечивает прогресс Китая. Со временем это стало ясно и России. А вот Запад, сменив капитализм на постиндустриальный строй, успешно развивался. Стало ясно, что надо и государственный социализм заменить постиндустриализмом. Но дальше пути Китая и России разошлись.

Китайская коммунистическая бюрократия, закаленная десятилетиями гражданской войны, пропитанная великими традициями конфуцианского прагматизма («неважно, какого цвета кошка, важно, как она ловит мышей»), очищенная от консерваторов в бане культурной революции, сплачиваясь вокруг Дэна Сяопина, решила искать собственный вариант перехода к постиндустриализму под знаменем «социализма с китайской спецификой». Успехи этого курса ошеломительны.

А вот советская бюрократия оказалась не готова преодолеть разногласия национальных, отраслевых, региональных группировок. Она не нашла ничего лучшего, как пойти на два серьезных удара по хребту России — ее великодержавности. Во-первых, уменьшив вдвое размеры страны. И, во-вторых, приняв за образец для подражания западнические рецепты устройства постиндустриализма. Российская элита отправилась на поклон к Западу, как когда-то ездили за ярлыками в Золотую Орду русские князья.

После 1991 года правящие в России силы избрали худший для страны путь в постиндустриальное общество с использованием либеральной монетаристской модели в экономике, шоковой модели переходного периода, модели

примитивной популистской демократии в государственном строительстве, с принятием модели глобализма США в устройстве мирового порядка.

Гайдаровская политика разрушила старую экономику, но не создала новой и превратила страну в торговку своими природными богатствами и кадрами и, следовательно, своим будущим. Либералы-гайдаровцы заставили народные массы заплатить за свою неспособность стать новым правящим классом России. Прежде всего, было уничтожено то, что могло стать опасной для бюрократии и олигархов базой самостоятельности граждан и основой появления среднего класса, — сбережения граждан. А миллионы стариков были обречены на роль попрошаек у власти. Затем олигархическая приватизация окончательно устранила опасность появления средних и малых собственников.

Но зато почти десятилетие этого курса позволило значительной части советской бюрократии выжить, трансформируясь частично в новую бюрократию, частично в олигархию.

Народ мог бы стерпеть бедствия. Но компрадорская политика гайдаровцев поставила под угрозу саму суть России — ее великодержавность. Напомню три символических факта.

Долгие годы регулярная армия государства российских бюрократов и олигархов не могла справиться даже, с партизанами Чечни.

Долгие годы экономических реформ завершились сокрушительным финансовым крахом 1998 года.

Вся гигантская машина дипломатии и разведки не смогла вовремя предупредить главу правительства о предстоящем нападении на Югославию, и ему остался поворот самолета в духе клоунского спектакля в посредственном театре.

У Б.Н. Ельцина хватило ума и мужества, чтобы самому уйти в отставку, отвергнуть все кандидатуры преемников-гайдаровцев и передать руль государства наиболее великодержавной группировке в своем окружении.

Но гайдаровская команда прочно засела в креслах правительства, в аппарате президента, в аппаратах министерств и ведомств. На долгие годы утвердилась ситуация «сидения» России одновременно «на двух стульях» — державном и компрадорском.

Опыт «сидения на двух стульях» у России есть. В конце XVI — начале XVII века — на боярском и дворянском. После начала реформ 1861 года — на феодальном и буржуазном. В 1921 году — на нэповском и государственном-социалистическом. А после начала реформ Брежнева и Косыгина в 1965 году — «на стульях» механизма экономического и механизма партийно-бюрократического. Все эти «сидения» заканчивались крахами. Не подлежит сомнению, что и нынешнее «сидение на двух стульях» — гайдаровском и державном — тоже закончится тупиком.

Этот тупик написан на лицах наших министров, изображающих руководство, а на самом деле с трепетом ожидающих передач по телевизору о цене нефти и о курсе рубля. Участие их в реальных процессах экономики сводится к действиям Кисы Воробьянинова в «Двенадцати

стульях», который, по совету Бендера, «надувал щеки» и «шевелил усами».

Ну а там, где они действуют, все идет вполне по-гайдаровски. Экономически бесперспективно, но всегда с обеспеченной выгодой для себя и переключиванием издержек на народ.

Более чем символичны еженедельные конфискации лицензий у частных банков. Их разрешили российские власти. ЦБ их годами чуть ли не ежемесячно «пас», утверждал сотни форм и постоянно, чуть ли не ежеквартально, устраивал проверки-кормления. Граждане понесли свои деньги в частные банки под гарантии власти. И вдруг выясняется, что такие-то частные банки — банкроты. Но никто из работников ЦБ не идет под суд за неспособность вовремя обнаружить и предотвратить беду. Хозяева и весь персонал частных банков тоже под суд не идут. За все платят рядовые вкладчики, которым их государство — в лице ЦБ — было обязано посоветовать вовремя изъять свои вклады или национализировать обанкротившихся частников. Но такое для гайдаровцев из Кремля и Белого дома немыслимо. Гораздо увлекательнее греть руки на банкротствах частников.

Я уже не напоминаю о том, что для истинных рыночников единственным критерием эффективности бизнеса является победа или поражение в открытой конкурентной борьбе на рынке, а не волевые решения каких-то бюрократов из ЦБ.

Банкротство — нормальное явление рынка. Со времен школы мы помним, что Евгений Онегин отдал наследство

отца кредиторам, а Петр Ростов, напротив, все долги им выплатил. Всегда и везде имуществом банкротов распоряжались кредиторы. А вот наши лжерыночники из гайдаровской команды отняли право арбитра у рынка и передали его чиновникам — как истинные наследники советского командования.

Естественно, что размышления о поиске более эффективных путей преобразования России приводят и к такому арсеналу, как национальные черты, национальные традиции и национальные особенности России. Ко всему, что игнорировалось Россией после 1991 года: опыту дореволюционной России, опыту Советского Союза. И, несмотря на неизбежные и порой сверхопасные тенденции национализма, **упор на национальный путь России в постиндустриальное общество и обоснован, и необходим.** Естественно, при продолжении упора на общечеловеческие ценности, при продолжении борьбы с квасным патриотизмом, с примитивным кичливым национализмом, с великодержавным шовинизмом.

Недавно наша страна торжественно отметила 70-летие Победы 1945 года. Но при этом как-то не акцентировалось, что победа в войне была одержана благодаря не только интернационализму СССР. В тяжелейший этап войны с гитлеровской Германией осенью 1941 года Сталин поднял знамя Отечественной войны, заговорил о «великой русской нации», о «наших великих предках» и пошел на превращение войны двух государственно-бюрократических социализмов — советского интернационального и гитлеровского национал-социализма — в национально-освобо-

дительную войну русского и братских с ним народов, что стало решающим фактором нашей победы.

А вот распад СССР в первую очередь как раз связан не столько с общими проблемами периода перехода от бюрократического социализма к постиндустриализму, сколько с неспособностью советской бюрократии справиться с национальными проблемами советского общества в переходный период.

В поисках выхода из «сидения на двух стульях» Россия, как и Китай, должна будет обратиться и к такому великому резерву ее тысячелетней истории, как национализм, великодержавность.

В эпиграфе к своей книге «По ком звонит колокол» Хемингуэй приводит слова «Не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе». Колокол Китая под ударами языка китайских реформ гремит великими успехами. И моему российскому читателю я хочу сказать: этот колокол звонит и для тебя.

Заключение

Из представленных в этом сборнике вниманию читателей материалов можно сделать следующие выводы.

Сложившаяся ситуация — и в мире, и в России — при сохранении нынешних программ реагирования или чаще элементарно пассивного бездействия ничего, кроме углублений кризисных явлений, не сулит.

Активное реагирование предполагает три варианта.

Первый — максимальное использование всех возможностей и резервов постиндустриального строя.

Второй — отказ от постиндустриальной модели и переход к альтернативной цивилизации с полным преодолением всех базисных характеристик нынешней промышленной цивилизации, вариантом которой и является современный постиндустриализм.

Третий — одновременная реализация на нашей планете и первого, и второго вариантов в разных странах, в разных регионах, в разных союзах стран.

Скорее всего, именно этот вариант подойдет для развития в мире, включающем как развитые страны, так и развивающиеся страны.

Главное — преодолеть нынешнее беспомощное ожидание будущего.

Книги разных лет

Электронные машины и управление экономикой. (Издание 1963 г.)

Г. Х. ПОПОВ

ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ
УПРАВЛЕНИЯ

*Проблемы теории управления.
(Второе издание, 1974 г.)*

Техника личной работы.
(Четвертое издание, 1979 г.)

Г. Х. ПОПОВ

ЭФФЕКТИВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ

*Эффективное управление.
(Второе издание, 1985 г.)*

Г.Х.ПОПОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЭТИ ЧЕТЫРЕ ГОДА

Система аккредитации, которую мы знаем, призывает "проф-лететь" к тем, кто "по пути душка", и отстывает. А в итоге неизбежно возникает острый вопрос: сначала темпы роста производительности, а затем и темпов роста оплаты.

За что, где и сколько платит рабочему сегодня?

Платят, вроде, тоже самое персонально темпикой, связанной с индивидуальным уровнем зарплаты. В самом деле, где делалась работа? Где дешевле делание дешевле платят? Почему я для персональной жизни только приобретаю чуть ли не плавательное оборудование лучше чем?

Тогда следующий вопрос: как изменить сложившийся подход к совершенствованию управления? Как ускорить переход к экономическому управлению? Где то лучшее знание, которое поможет изменить все дела?

Эти четыре года. (Издание 1989 г.)

Г.Х. Попов

**Пути
ПЕРЕСТРОЙКИ**

**Мнение
экономиста**

Пути перестройки. (Издание 1989 г.)

ГАВРИИЛ ПОПОВ

**БЛЕСК И НИЩЕТА
АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ**

**ПИК
МОСКВА**

*Блеск и нищета административной системы.
(Издание 1990 г.)*

Гавриил ПОПОВ

ЧТО ДЕЛАТЬ?

О стратегии и тактике
демократических сил
на современном этапе

Издание газеты
«ПОЗИЦИЯ»

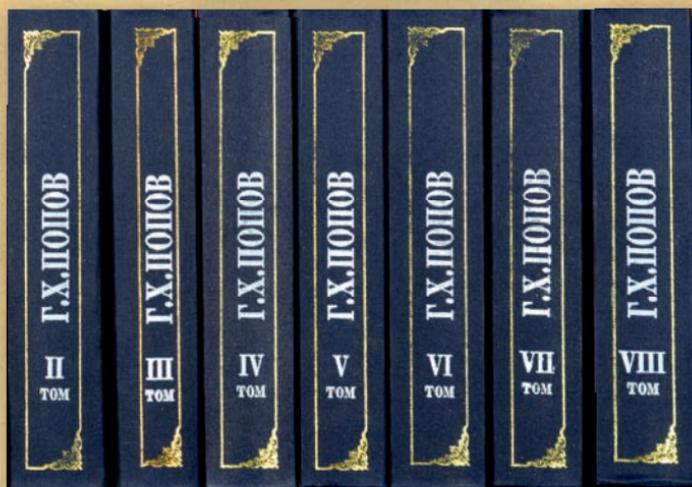
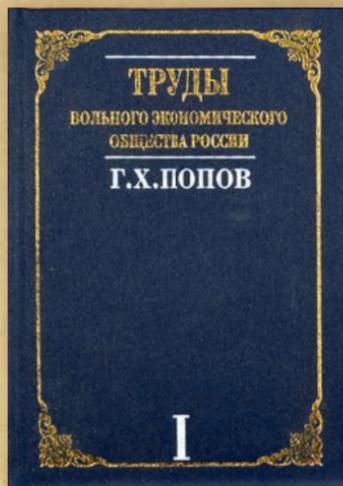
Москва
1991

*Что делать? (О стратегии и тактике
демократических сил на современном этапе).
(Издание 1991 г.)*

ГАВРИЛ ПОПОВ СНОВА В ОПОЗИЦИИ

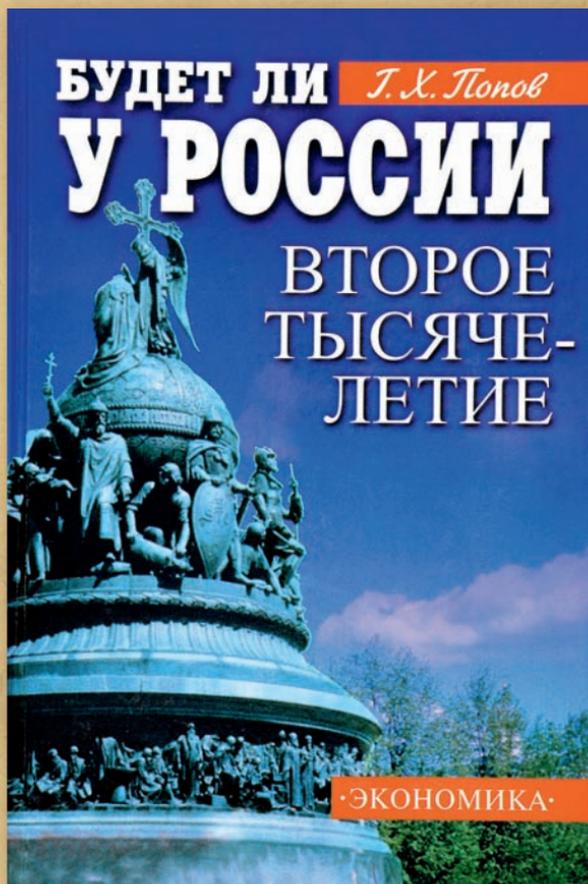
Снова в оппозиции. (Издание 1994 г.)

Собрание сочинений. (Издание 1996 г.)

*Труды, изданные за рубежом.
(Издание 1997 г.)*

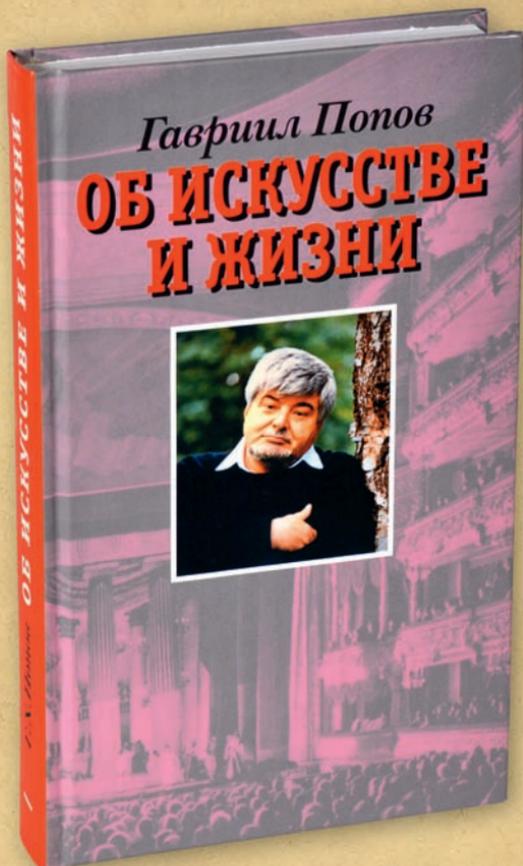
Будет ли у России второе тысячелетие?
(Издание 1998 г.)

Г.Х.Попов

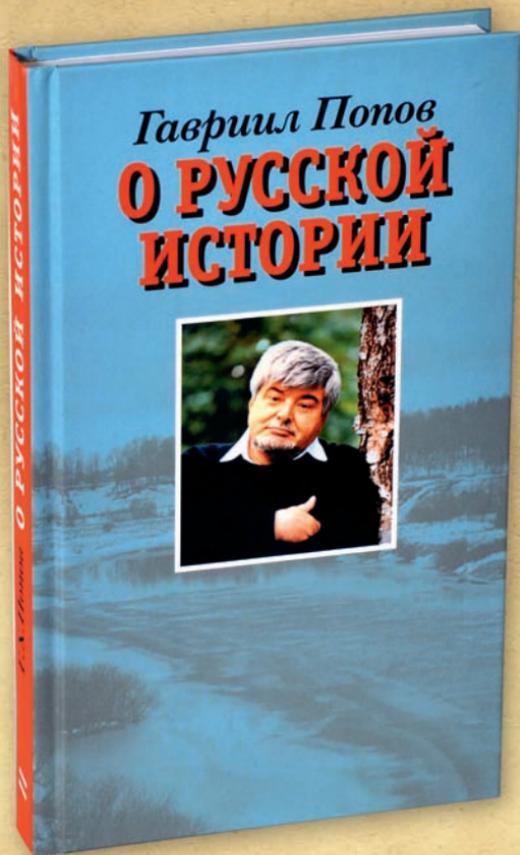

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
АЛЬТЕРНАТИВА
ЕЛЬЦИНУ

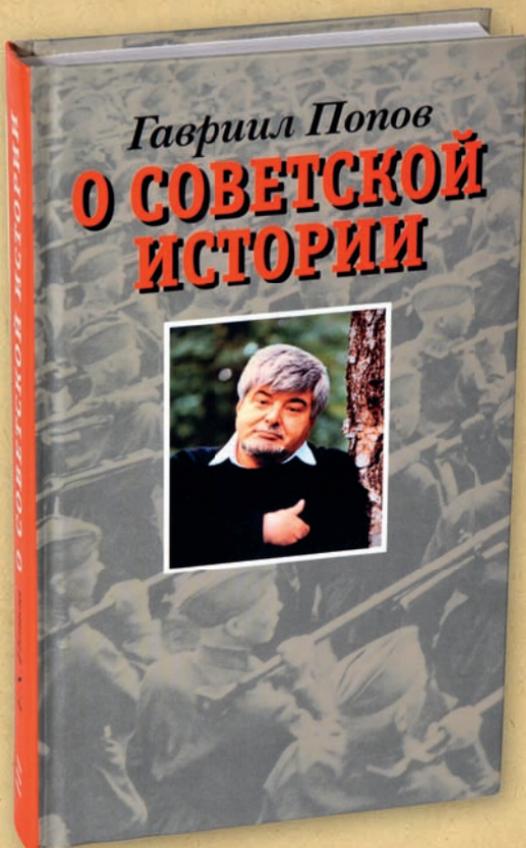
*Демократическая альтернатива Ельцину.
(Издание 2001 г.)*

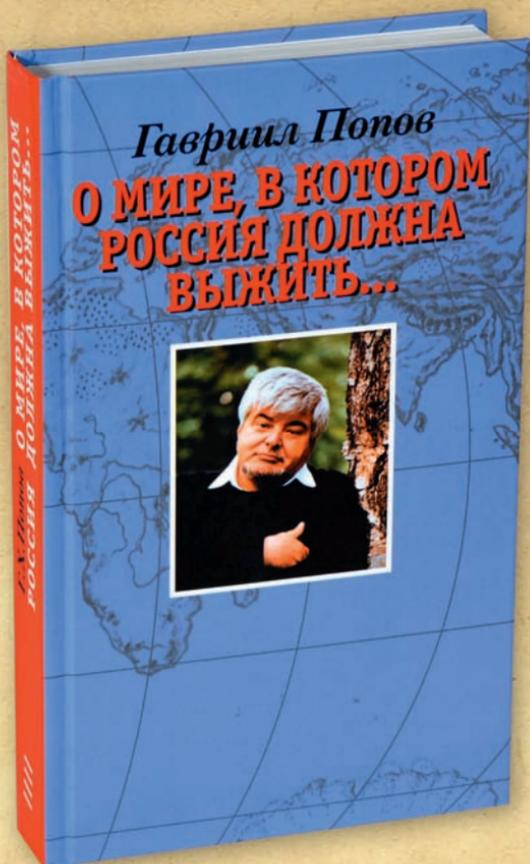
Об искусстве и жизни. (Издание 2004 г.)

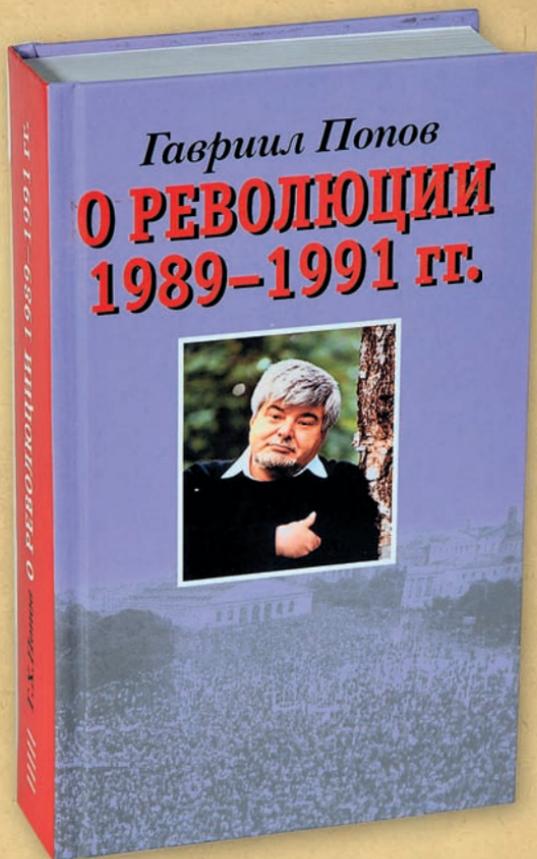
О русской истории. (Издание 2004 г.)

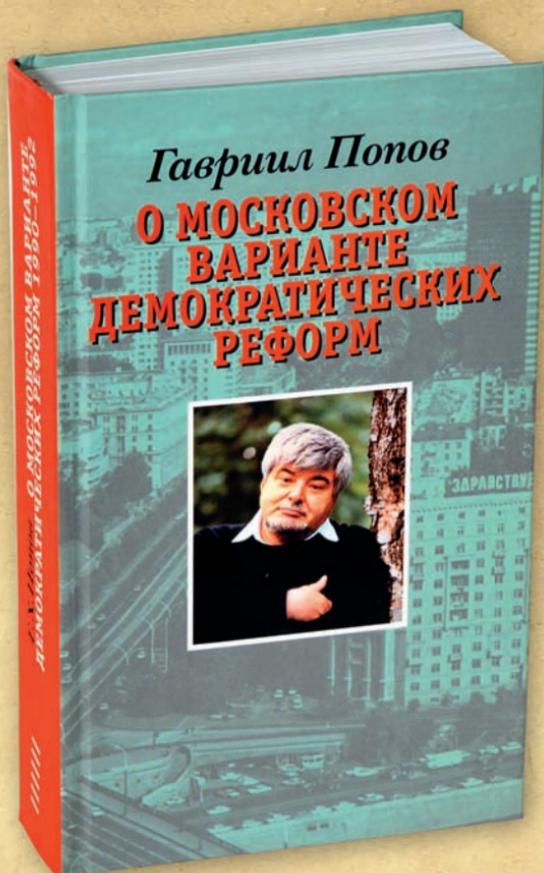
О советской истории. (Издание 2004 г.)

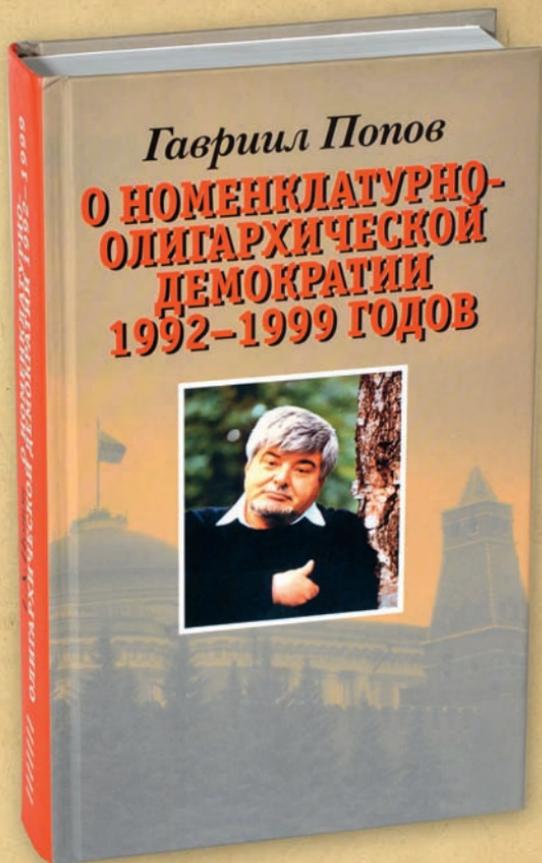
О мире, в котором Россия должна выжить...
(Издание 2004 г.)

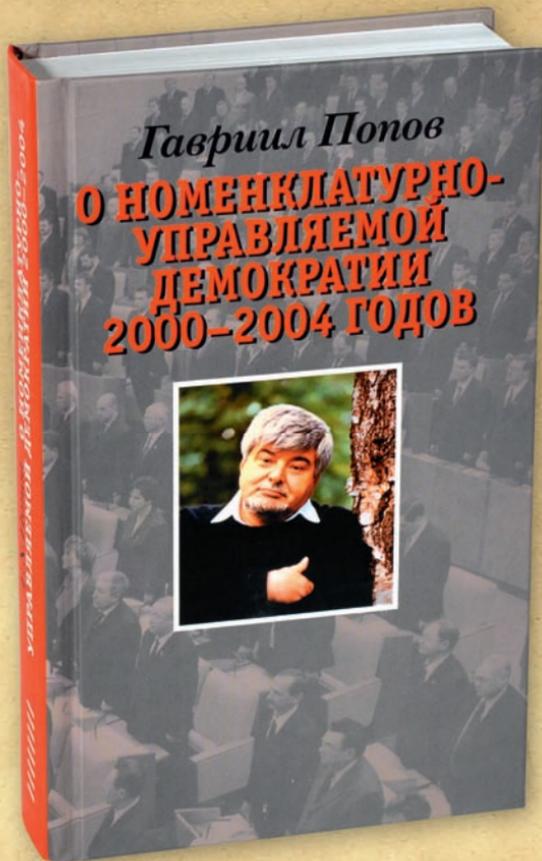
О революции 1989–1991 гг. (Издание 2004 г.)

О московском варианте демократических реформ. (Издание 2004 г.)

*О номенклатурно-олигархической демократии
1992–1999 годов (Издание 2004 г.)*

*О номенклатурно-управляемой демократии
2000–2004 годов. (Издание 2004 г.)*

ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ

Г.Х. ПОПОВ

**...Я всех, кто жил в тот
полдень лучезарный,
Опять припоминаю
благодарно...**

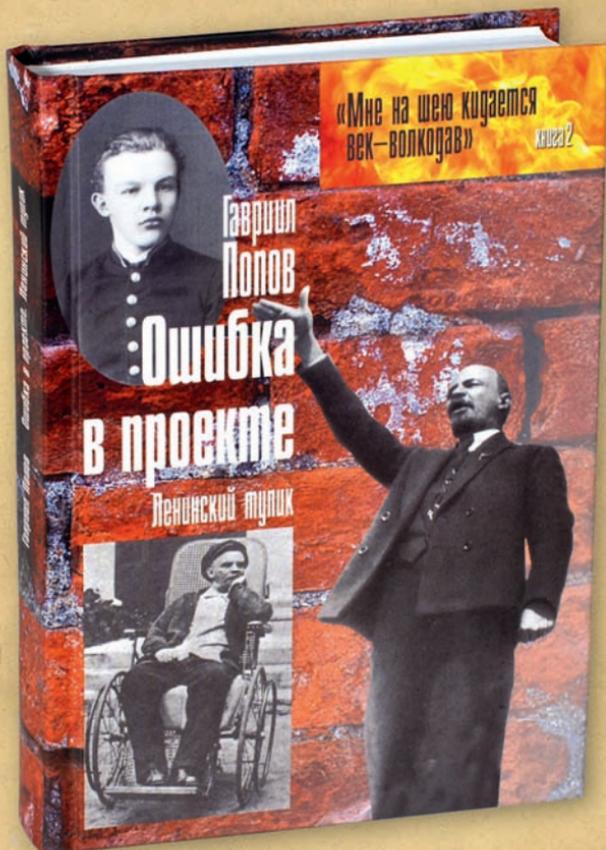

МОСКВА
2011 г.

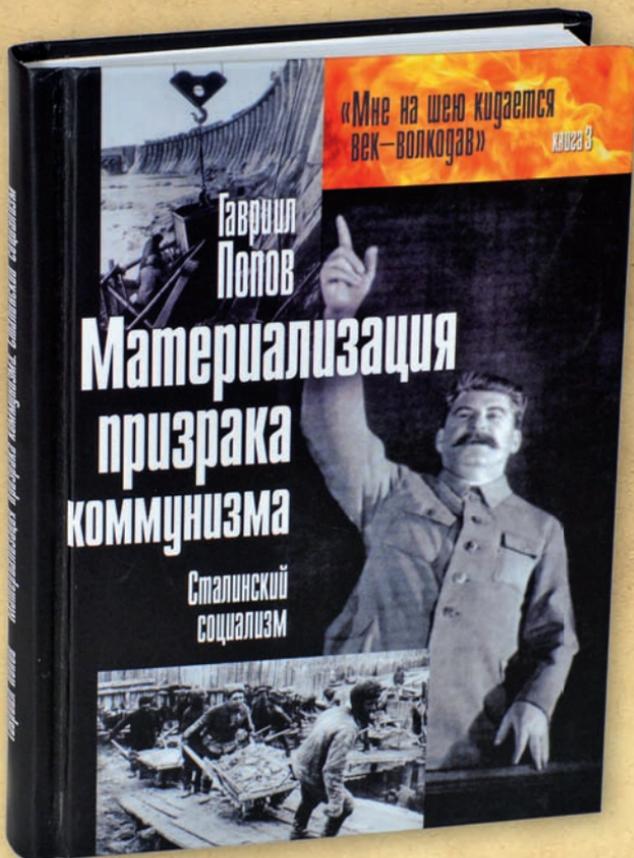
Лица (Издание 2011 г.)

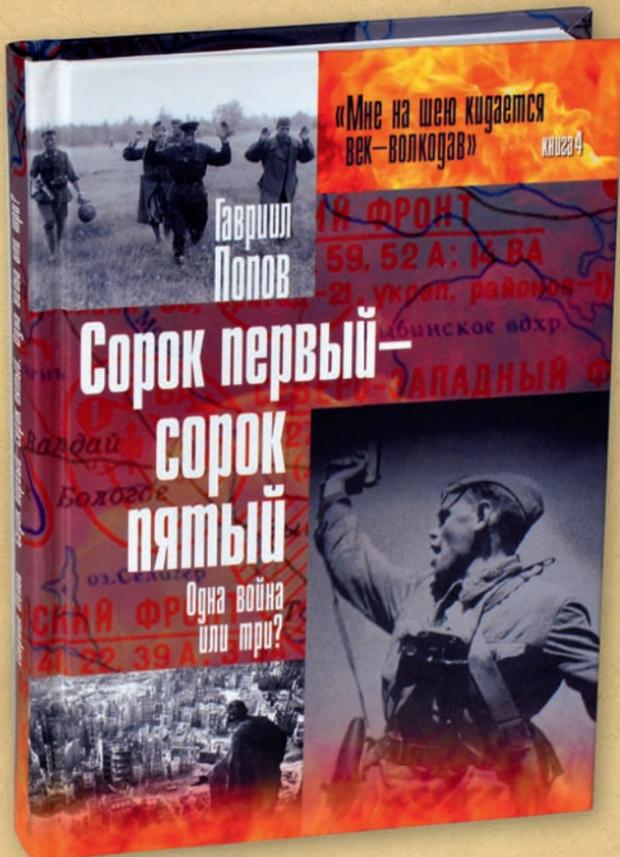
Истоки российской беды (Русский вариант выхода из феодализма в XIX веке — причина трех революций XX века). (Издание 2008 г.)

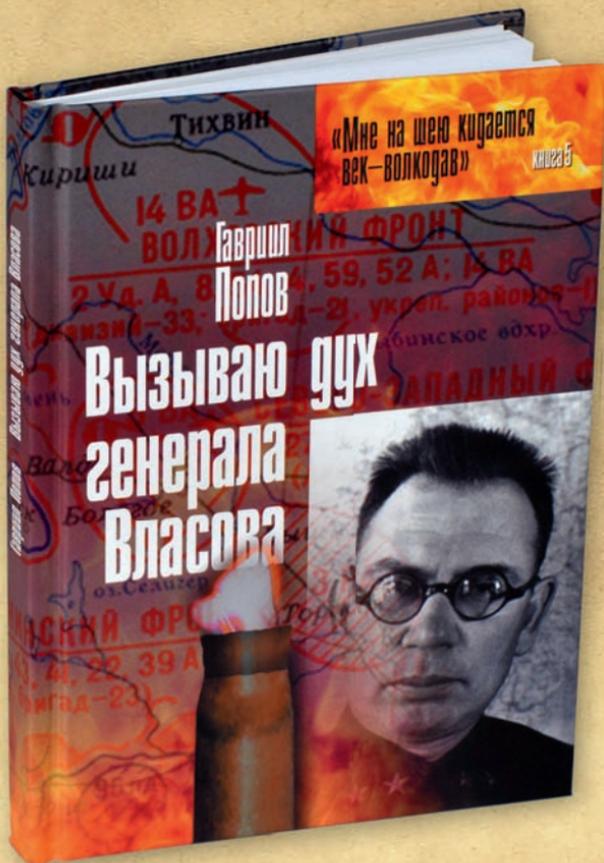
*Ошибка в проекте (Ленинский тупик).
(Издание 2008 г.)*

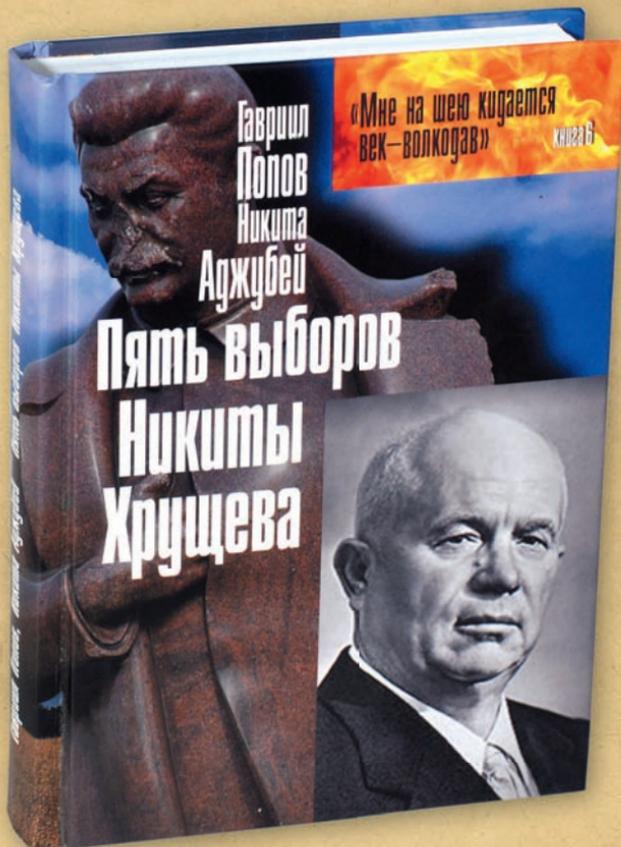
Материализация призрака коммунизма
(Сталинский социализм). (Издание 2008 г.)

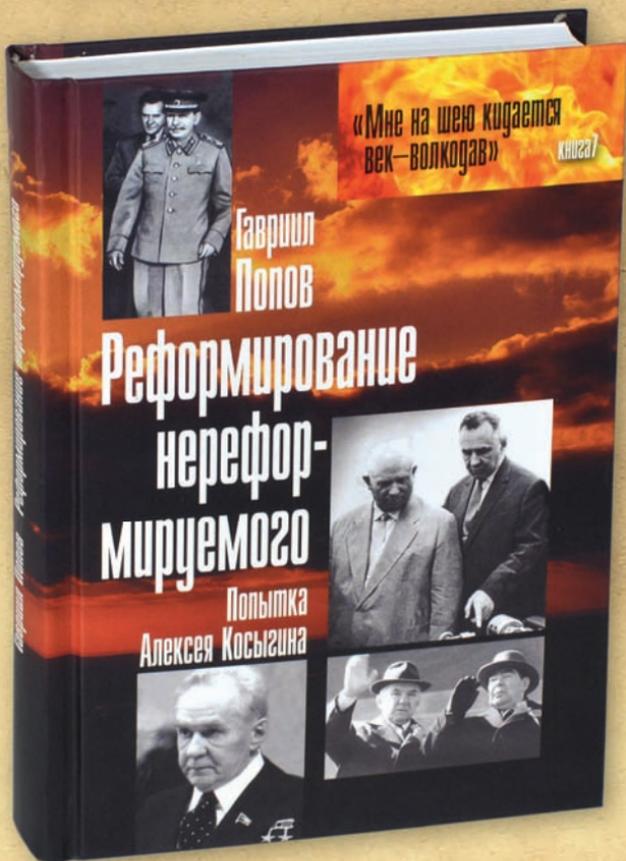
Сорок первый — сорок пятый
(Одна война или три?). (Издание 2008 г.)

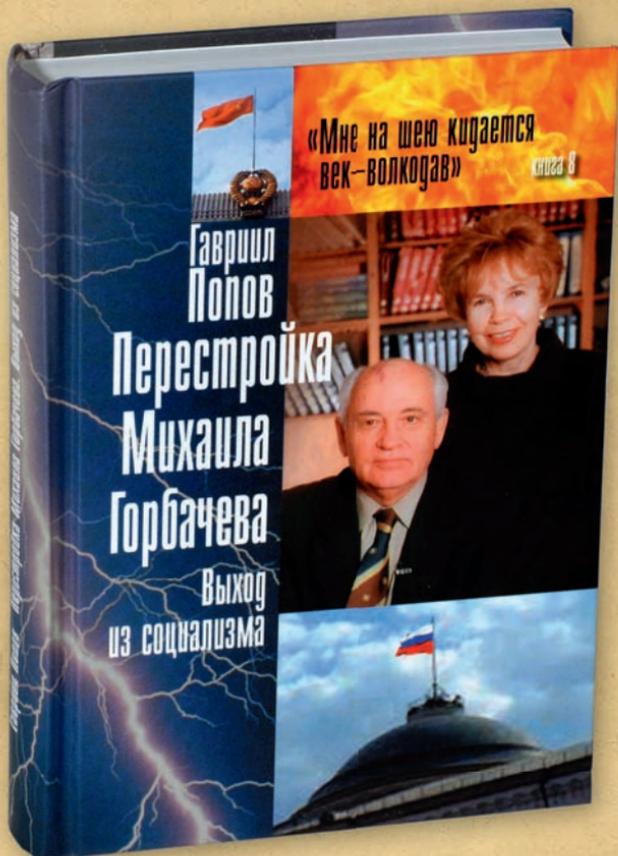
Вызываю дух генерала Власова.
(Издание 2008 г.)

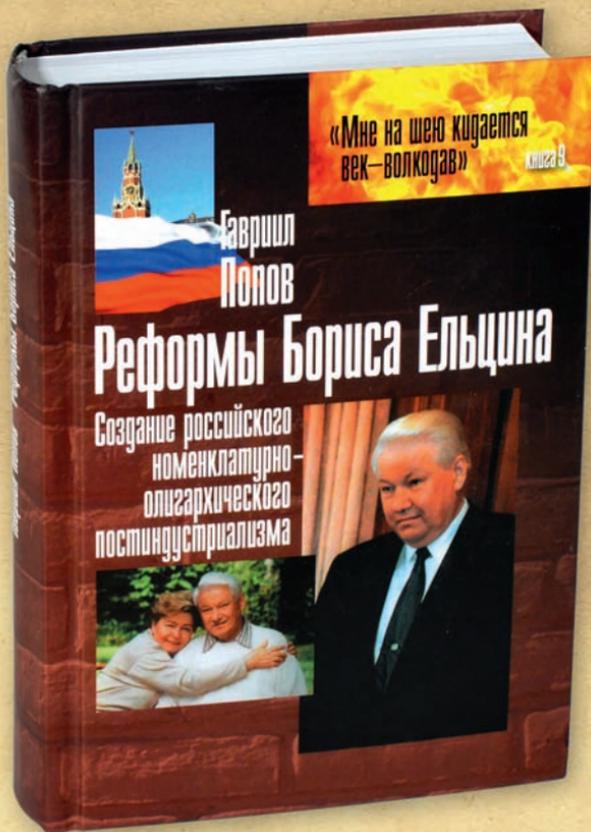
*Пять выборов Никиты Хрущева
(в соавторстве с Н. Адзубеем). (Издание 2008 г.)*

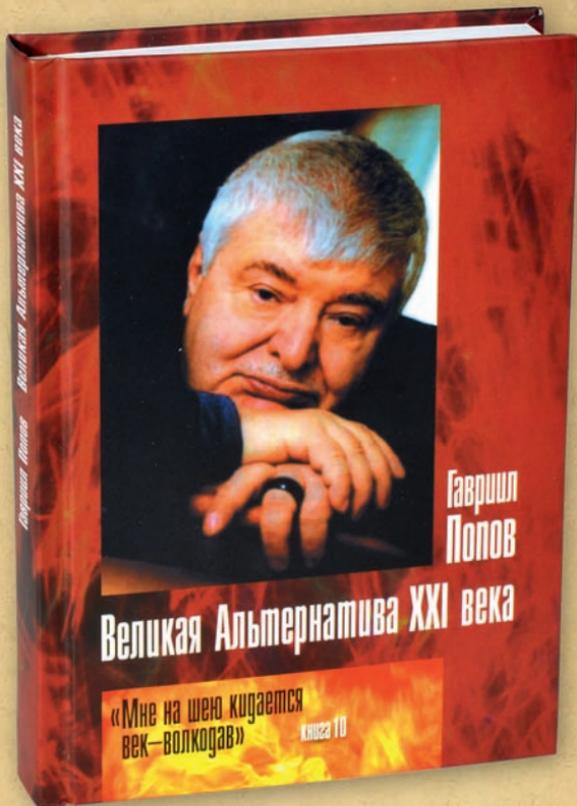
*Реформирование нереформируемого
(Попытка Алексея Косыгина). (Издание 2009 г.)*

*Перестройка Михаила Горбачева
(Выход из социализма). (Издание 2011 г.)*

*Реформы Бориса Ельцина (Создание
российского номенклатурно-олигархического
постиндустриализма). (Издание 2012 г.)*

*Великая Альтернатива XXI века.
(Издание 2013 г.)*

Гавриил Попов

Размышления о Будущем

16+

На первой странице обложки
использована фотография
МИА «Россия сегодня»

Тираж 1000.

Заказ № 21.

Формат 84x108/32.

Усл. печ. л. 12,0.

Отпечатано в типографии
ООО «Медиа-Гранд»
152900, г. Рыбинск, ул. Луговая, д. 7,
тел.: (495) 979-75-07

ISBN 978-5-4319-0069-3

